

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
28 марта 2018 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (2018)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

*Разрешение споров, связанных с защитой права собственности
и других вещных прав*

1. Общее собрание автовладельцев многоквартирного дома не относится к органам, полномочным принимать решения об ограничении прав собственников помещений на пользование придомовой территорией в целях размещения на ней принадлежащих им автомобилей.

С. обратилась в суд с иском к жилищно-строительному кооперативу (далее – ЖСК) о возложении обязанности обеспечить беспрепятственный подъезд к жилому дому, где она проживает с семьей, а также парковки принадлежащего ей транспортного средства на дворовой территории.

Судом установлено, что ограждение придомовой территории многоквартирного дома было введено в эксплуатацию в соответствии с установленными действующим законодательством процедурами после получения всех необходимых разрешений и согласований, в силу постановления Правительства Москвы от 2 июля 2013 г. № 428-ПП «О порядке установки ограждений на придомовых территориях в городе Москве» (далее – ППМ № 428-ПП), принятого в целях повышения уровня благоустройства придомовых территорий в городе Москве.

В соответствии с п. 3 указанного постановления установка ограждающих устройств осуществляется по решению собственников помещений в многоквартирном жилом доме, принятому на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, о чем и было принято соответствующее решение ЖСК 14 июня 2013 г. на общем

собрании собственников квартир многоквартирного дома – членов ЖСК об организации парковочного пространства в многоквартирном доме и было утверждено Положение о порядке въезда и парковки автотранспорта на придомовой территории.

Согласно названному положению право на беспрепятственный въезд на огороженную территорию части двора дома в течение суток имеет легковой транспорт, принадлежащий собственникам помещений в доме и зарегистрированный в установленном порядке в правлении ЖСК, стоянка на огороженной части придомовой территории незарегистрированного транспорта запрещена.

Порядок регистрации предусматривает подачу автовладельцем в правление ЖСК заявления установленного образца с приложением к нему копий документов, подтверждающих принадлежность автомобиля, оплату целевых взносов на оборудование парковочных мест, получение пропуска на въезд и ключа доступа – брелока.

При этом решение о предоставлении парковочного места или отказе в его предоставлении автовладельцам принимается исключительно на общем собрании автовладельцев.

В случае если в отношении конкретного автовладельца будет принято решение на общем собрании автовладельцев об отказе в предоставлении парковочного места, жилец дома обязан незамедлительно освободить парковочное место и передать ключ доступа – брелок председателю комиссии автовладельцев.

С. является собственником квартиры, расположенной в многоквартирном доме, там же она зарегистрирована и проживает.

20 марта 2013 г. на общем собрании членов ЖСК с участием С. было принято решение о создании парковки транспортных средств с установкой шлагбаума при въезде на дворовую территорию.

27 июня 2013 г. С. был получен брелок от шлагбаума и впоследствии за ней закреплено парковочное место.

16 апреля 2015 г. на собрании автовладельцев по вопросу организации парковочных мест и благоустройства придомовой территории принято решение лишить С. возможности парковать автомобиль, принадлежащий истцу, на огороженной придомовой территории за нарушение правил парковки, утвержденных на общем собрании автовладельцев, и за нарушение положения о порядке въезда и парковки автотранспорта, вернуть ранее внесенные ею денежные средства, ее первоначальный взнос.

Отказывая С. в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что доказательств препятствия ответчиком в доступе к принадлежащему С. жилищу ей не представлено, а ограничение права истца на пользование парковочным местом, находящимся в общем пользовании собственников помещений многоквартирного дома, установлено решением общего собрания автовладельцев.

С данными выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций не соответствующими требованиям закона.

Согласно п. 1 ст. 262 ГК РФ граждане имеют право свободно, без каких-либо разрешений находиться на не закрытых для общего доступа земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и использовать имеющиеся на этих участках природные объекты в пределах, допускаемых законом и иными правовыми актами, а также собственником соответствующего земельного участка.

В соответствии с ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) с момента формирования земельного участка и проведения его государственного кадастрового учета земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений многоквартирного жилого дома.

Не допускается запрет на обременение земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в случае необходимости обеспечения свободного доступа лиц к объектам недвижимого имущества, входящим в состав многоквартирного дома и существовавшим до введения в действие ЖК РФ (ч. 7 ст. 16 указанного закона).

В материалах дела имеется копия уведомления из органа регистрации прав об отсутствии сведений в ЕГРП каких-либо зарегистрированных прав на земельный участок, на котором расположена придомовая территория. Таким образом, до настоящего времени права на земельный участок не оформлены, участок не сформирован и не поставлен на кадастровый учет, то есть используется без оформленных в установленном порядке документов на землю.

Пунктом 67 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» определено, что если земельный участок не сформирован и в отношении него не проведен государственный кадастровый учет, земля под многоквартирным домом находится в собственности соответствующего публично-правового образования. Собственники помещений в многоквартирном доме вправе владеть и пользоваться этим земельным участком в той мере, в какой это необходимо для эксплуатации ими многоквартирного дома, а также объектов, входящих в состав общего имущества в таком доме. При

определении пределов правомочий собственников помещений в многоквартирном доме по владению и пользованию указанным земельным участком необходимо руководствоваться ч. 1 ст. 36 ЖК РФ.

В указанных случаях собственники помещений в многоквартирном доме как законные владельцы земельного участка, на котором расположен данный дом и который необходим для его эксплуатации, в силу положений ст. 304–305 ГК РФ имеют право требовать устранения всяких нарушений их прав, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения, а также право на защиту своего владения.

Согласно ч. 2 ст. 36 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных этим кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме.

В ч. 4 ст. 37 ЖК РФ запрещены выдел в натуре и отчуждение доли в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме, а также совершение иных действий, влекущих передачу этой доли отдельно от права собственности на помещение в многоквартирном доме.

Таким образом, собственнику помещения в многоквартирном доме принадлежит безусловное и неотчуждаемое право на пользование общим имуществом многоквартирного дома.

При этом какие-либо способы ограничения или лишения собственника помещения в многоквартирном доме такого права действующим законодательством не предусмотрены.

Факт препятствия С. и ее семье для въезда на огороженную придомовую территорию подтверждается выпиской из протокола о решении исключить нарушителя правил парковки С. из числа автовладельцев, имеющих право парковать свой личный автомобиль на огороженной придомовой территории, а также выпиской из протокола общего собрания автовладельцев по вопросу организации парковочных мест и благоустройства придомовой территории, на котором было принято решение о возврате С. ранее внесенных ею денежных средств в качестве первоначального взноса за парковку путем зачисления на ее лицевой счет.

Кроме того, в материалах дела имеется уведомление истца, подписанное председателем комиссии автовладельцев парковки, об исключении ее из числа автовладельцев, имеющих право пользования парковкой для личного автотранспорта на огороженной придомовой территории.

Суд, признав ограничение права С. на использование парковки, расположенной на придомовой территории многоквартирного дома, регламентированным Положением о порядке въезда и парковки автотранспорта на придомовой территории, утвержденным общим собранием членов ЖСК 14 июня 2013 г., и соответствующим требованию ППМ № 428-ПП, не учел, что данным постановлением не регулируются вопросы создания и порядка использования парковочных мест на

огороженной придомовой территории, а следовательно, и наложения каких-либо ограничений права С., как собственника помещения в многоквартирном доме на пользование придомовой территорией, в том числе и на размещение на ней принадлежащего ей автомобиля.

Пунктом 13 ППМ № 428-ПП запрещается установка и эксплуатация ограждающих устройств, препятствующих или ограничивающих проход пешеходов и проезд транспортных средств на территорию общего пользования.

Право С. на беспрепятственный въезд на огороженную территорию части двора многоквартирного дома в течение суток, как собственницы жилого помещения в данном доме, закреплено и Положением о порядке въезда и парковки автотранспорта на придомовой территории, утвержденным общим собранием членов ЖСК.

При таких обстоятельствах ссылка суда на то, что решение общего собрания автовладельцев послужило правомерным основанием для ограничения права истца на пользование парковочным местом, находящимся в общем пользовании собственников помещений многоквартирного дома, противоречит приведенным выше нормам материального права.

В соответствии с подп. 1¹ п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают в том числе из решений собраний в случаях, предусмотренных законом.

Согласно п. 2 ст. 181¹ ГК РФ решение собрания, с которым закон связывает гражданско-правовые последствия, порождает правовые последствия, на которые решение собрания направлено, для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании (участников юридического лица, сособственников, кредиторов при банкротстве и других – участников гражданско-правового сообщества), а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

В п. 103 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, то есть определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений.

Из приведенных правовых норм и разъяснений следует, что одним из обязательных условий признания решения собрания основанием возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей является наличие в законе указания на гражданско-правовые

последствия, обязательные для всех управомоченных на участие в таком собрании лиц.

Исчерпывающий перечень органов управления жилищного кооператива, включающий общее собрание членов жилищного кооператива, конференцию, если число участников общего собрания членов жилищного кооператива более пятидесяти и это предусмотрено уставом жилищного кооператива, а также правление жилищного кооператива и председателя правления жилищного кооператива, содержится в ст. 115 ЖК РФ.

Общее собрание автовладельцев в названном перечне не указано, в связи с чем решение общего собрания автовладельцев не может быть квалифицировано в качестве влекущего гражданско-правовые последствия решения органа жилищно-строительного кооператива как органа, управомоченного законом на принятие решения, влекущего указанные последствия.

Таким образом, судом при рассмотрении дела не учтено, что решение общего собрания автовладельцев не предусмотрено законом в качестве основания возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей и не может повлечь для С. гражданско-правовые последствия в виде ограничения ее права на использование придомовой территории многоквартирного дома как собственника помещения в данном доме.

Определение № 5-КГ16-230

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

2. Муниципальное образование не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности по обязательствам созданного им неказенного предприятия, за исключением случаев банкротства такого предприятия, вызванного действиями муниципального образования как собственника имущества.

Б. обратился в суд с иском к муниципальному предприятию (управляющей организации) о возмещении ущерба, указав, что в результате падения шифера с крыши многоквартирного дома был поврежден принадлежащий ему автомобиль. Полагал, что вред имуществу причинен по причине ненадлежащего исполнения управляющей организацией обязанности по содержанию многоквартирного дома и просил суд взыскать с ответчиков стоимость восстановительного ремонта автомобиля.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск удовлетворен. С муниципального предприятия в пользу Б. взысканы денежные средства в счет возмещения ущерба и судебные

издержки, в пользу экспертной организации взысканы расходы на экспертизу, постановлено, что при недостаточности у ответчика денежных средств взыскание следует производить с администрации муниципального образования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

Согласно положениям пп. 1, 2 ст. 113 ГК РФ унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней собственником имущество. Имущество государственного или муниципального унитарного предприятия находится в государственной или муниципальной собственности и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

В силу п. 6 этой же статьи собственник имущества унитарного предприятия, за исключением собственника имущества казенного предприятия, не отвечает по обязательствам своего унитарного предприятия. Собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – Закон о государственных и муниципальных унитарных предприятиях) в Российской Федерации создаются и действуют следующие виды унитарных предприятий:

унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения, – федеральное государственное предприятие и государственное предприятие субъекта Российской Федерации, муниципальное предприятие;

унитарные предприятия, основанные на праве оперативного управления, – федеральное казенное предприятие, казенное предприятие субъекта Российской Федерации, муниципальное казенное предприятие.

Согласно пп. 2, 3 ст. 7 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование не несут ответственность по обязательствам государственного или муниципального предприятия, за исключением случаев, если несостоятельность (банкротство) такого предприятия вызвана собственником его имущества. В указанных случаях на собственника при недостаточности имущества государственного или муниципального предприятия может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования несут субсидиарную ответственность по

обязательствам своих казенных предприятий при недостаточности их имущества.

Таким образом, исходя из названных норм права субсидиарная ответственность по обязательствам унитарного предприятия возлагается на создавшее его муниципальное образование в том случае, когда унитарное предприятие основано на праве оперативного управления и является казенным.

Вместе с тем уставом муниципального предприятия предусмотрено, что оно самостоятельно осуществляет хозяйственную деятельность на основе переданного ему на праве хозяйственного ведения муниципального имущества.

Из устава также следует, что имущество закреплено собственником за предприятием на праве хозяйственного ведения, то есть предприятие создано в виде неказенного муниципального предприятия в соответствии с п. 2 ст. 2 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях.

Муниципальное образование не несет ответственность по обязательствам созданного им муниципального неказенного предприятия, за исключением случаев, если несостоятельность (банкротство) такого предприятия вызвана собственником его имущества (п. 2 ст. 7 в соответствии с п. 2 ст. 2 Закона о государственных и муниципальных унитарных предприятиях).

Для привлечения администрации муниципального образования к субсидиарной ответственности в материалах дела должны быть доказательства того, что муниципальное предприятие является несостоятельным (банкротом) и несостоятельность (банкротство) вызвана собственником этого имущества.

Поскольку материалы дела таких доказательств не содержат, вывод суда о возложении на администрацию муниципального образования субсидиарной ответственности по обязательству предприятия при недостаточности у последнего денежных средств для возмещения ущерба, причиненного автомобилю истца, признан Судебной коллегией неправильным.

Определение № 32-КГ17-23

***Разрешение споров, связанных с защитой
неимущественных прав***

3. Право некоммерческой организации на наименование в случае его нарушения либо возникновения угрозы такого нарушения может быть защищено в судебном порядке, в том числе посредством пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «ПОДАРИ ЖИЗНЬ» (далее – Фонд «ПОДАРИ ЖИЗНЬ») обратился в суд с иском к некоммерческой организации благотворительный фонд «Подари жизнь» (далее – НО БФ «Подари жизнь») о запрете использования словосочетания в наименовании некоммерческой организации, полагая, что действиями ответчика нарушено исключительное право истца на наименование.

Судом установлено, что Фонд «ПОДАРИ ЖИЗНЬ» зарегистрирован в качестве некоммерческой организации с 27 ноября 2006 г., о чем в ЕГРЮЛ внесена соответствующая запись. Учредителями являются Х. и К. Наименование вида деятельности – предоставление социальных услуг без обеспечения проживания.

Согласно уставу Фонд «ПОДАРИ ЖИЗНЬ» создан в целях формирования имущества на основе добровольных взносов, иных не запрещенных законом поступлений и использования данного имущества для осуществления благотворительной деятельности, направленной на оказание материальной и иной помощи детям и молодым людям с гематологическими, онкологическими, иммунологическими и иными тяжелыми заболеваниями, их семьям, а также лечебным и иным учреждениям, оказывающим медицинскую и иную помощь пациентам с указанными заболеваниями.

НО БФ «Подари жизнь» зарегистрирована в качестве некоммерческой организации с 30 января 2015 г., о чем в ЕГРЮЛ внесена запись. Учредителями являются Ч.Е. и Ч.О. Наименование вида деятельности – предоставление социальных услуг без обеспечения проживания.

Согласно уставу основной задачей НО БФ «Подари жизнь» является оказание материальной и иной помощи оставшимся без попечения родителей несовершеннолетним, а также пенсионерам, беженцам, вынужденным переселенцам и другим категориям социально незащищенных лиц, независимо от их национальности, гражданства, вероисповедания.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что истцом не представлено доказательств, свидетельствующих об использовании ответчиком наименования истца, в том числе с целью введения в заблуждение третьих лиц относительно деятельности, осуществляемой ответчиком. При этом суд указал, что защита фирменного наименования, прежде всего, обусловлена нормами о конкуренции среди коммерческих организаций, поскольку целью деятельности таких юридических лиц является извлечение прибыли. Некоммерческая организация не вправе требовать прекращения использования наименования, так как фирменное наименование некоммерческой организации не является средством индивидуализации, и соответственно, некоммерческая организация не

может предъявлять требования о правовой охране указанного наименования.

С данными выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции, указав, что наименование некоммерческой организации не является средством индивидуализации юридического лица, в связи с чем не подлежит судебной защите.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций ошибочными по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 54 ГК РФ юридическое лицо имеет свое наименование, содержащее указание на его организационно-правовую форму.

Наименования некоммерческих организаций, а в предусмотренных законом случаях наименования коммерческих организаций должны содержать указание на характер деятельности юридического лица.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон о некоммерческих организациях) некоммерческая организация имеет наименование, содержащее указание на ее организационно-правовую форму и характер деятельности.

Из смысла приведенных правовых норм в их взаимосвязи следует, что наличие собственного наименования является обязательным признаком юридического лица как участника гражданских правоотношений и служит способом его индивидуализации.

В силу подп. 2 п. 1 ст. 23¹ Закона о некоммерческих организациях в государственной регистрации некоммерческой организации может быть отказано, если ранее зарегистрирована некоммерческая организация с таким же наименованием.

Закон устанавливает требование о недопустимости создания некоммерческих организаций с одинаковым наименованием, поскольку наличие юридических лиц с одинаковым наименованием в пределах той же территории может помешать нормальному ходу гражданского оборота.

Из изложенного следует, что наличие уникального наименования является неимущественным гражданским правом некоммерческой организации. Некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования.

Законом о некоммерческих организациях не предусмотрены специальные способы защиты права некоммерческой организации на наименование.

Между тем в соответствии со ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется в том числе путем пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (п. 1 ст. 11 ГК РФ).

Следовательно, неимущественное гражданское право некоммерческой организации на наименование в случае его нарушения либо возникновения угрозы такого нарушения может быть защищено в судебном порядке, в том числе посредством пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что некоммерческая организация не вправе требовать прекращения использования ее наименования другой некоммерческой организацией, противоречит положениям действующего гражданского законодательства.

Кроме того, суды первой и апелляционной инстанций неверно квалифицировали заявленные истцом требования, применив к ним положения ст. 1225, 1252, 1473 ГК РФ, поскольку само по себе то обстоятельство, что наименование некоммерческой организации не является результатом интеллектуальной деятельности, не лишает некоммерческую организацию предусмотренного Законом о некоммерческих организациях исключительного права на такое наименование и возможности судебной защиты этого права.

В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (п. 1).

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2).

В силу требований приведенных правовых норм поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Фонда «ПОДАРИ ЖИЗНЬ», суд сослался на то, что истцом не доказано, что действиями ответчика ему причинен вред.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 244-0-0, вред, причиненный истцу, не подлежит доказыванию, защита допускается при наличии и выявлении фактов нарушения прав некоммерческой организации использованием другой некоммерческой организацией такого же наименования, а также при наличии фактов, которые подтверждали бы намерение ответчика использовать наименование истца с целью введения кого-либо в заблуждение.

При разрешении возникшего по данному гражданскому делу спора судам следовало дать оценку вопросу о соответствии либо несоответствии требованиям добросовестности действий по регистрации некоммерческой организации – ответчика с тем же наименованием, что и наименование ранее созданной некоммерческой организации – истца.

Вместе с тем данный вопрос не поставлен судами на обсуждение сторон и не исследован, в результате чего был неправильно определен предмет доказывания по делу.

В соответствии с п. 1 ст. 123¹⁷ ГК РФ фондом в целях этого кодекса признается унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели.

Содержание правового статуса фонда урегулировано также ст. 7 Закона о некоммерческих организациях.

Согласно п. 1 названной статьи для целей Закона о некоммерческих организациях фондом признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов и преследующая социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели.

Фонд использует имущество для целей, определенных уставом фонда. Фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, соответствующей этим целям и необходимой для достижения общественно полезных целей, ради которых фонд создан. Для осуществления предпринимательской деятельности фонды вправе создавать хозяйственные общества или участвовать в них (п. 2 указанной статьи).

Из приведенных правовых норм в их системной взаимосвязи следует, что фондом является некоммерческая организация, которая для достижения предусмотренных в ее уставе общественно полезных целей наделена широкими правовыми возможностями, в том числе по привлечению денежных и иных имущественных взносов.

Принимая во внимание целевой характер правоспособности фонда и отсутствие каких-либо вещных или обязательственных прав на имущество фонда у лиц, формирующих такое имущество за счет своих добровольных

взносов, фонд и указанные лица имеют законный интерес в защите своего доброго имени и репутации фонда.

Соответственно, в случае нарушения этого законного интереса заведомо недобросовестными действиями третьих лиц фонд имеет право на судебную защиту такого интереса способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ.

При указанных обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что фонд как организация, не осуществляющая предпринимательскую деятельность, не имеет права на судебную защиту своего наименования, поскольку использованием этого наименования не нарушаются его права и законные интересы, признан Судебной коллегией ошибочным.

Определение № 53-КГ17-12

4. Действующее законодательство не относит имя к объектам исключительных прав. Однако использование имени конкретного физического лица без его согласия другим лицом в качестве псевдонима в его творческой деятельности, а также причинение вреда носителю имени другим его носителем не допускается.

Р.Ф. обратился в суд с иском к Р.Е., ООО «Издательская группа «АЗБУКА-АТТИКУС» (далее – Общество) о признании факта нарушения права истца на имя, возложении обязанности на ответчиков за их счет опубликовать решение суда о допущенном нарушении права истца на имя в печатном издании «Литературная газета» в течение 30 дней с даты вступления решения суда в законную силу, запрете ответчикам использовать имя Феликс Разумовский в творческой, предпринимательской и иной деятельности и распространять опубликованные под этим именем произведения и информацию о них, компенсации морального вреда в размере 1 руб.

По мнению истца, ответчики нарушили его личное неимущественное право на имя, издав под псевдонимом Феликс Разумовский литературные произведения, автором которых является Р.Е.

Судом установлено и из материалов дела следует, что Р.Ф. с 1979 года под своим именем и фамилией занимается творческой деятельностью, осуществляя ее на профессиональном уровне в качестве основного рода занятий, является известным деятелем науки и культуры, историком, публицистом, автором изданий об искусстве, автором и ведущим телепередач, которые транслируются в эфире телеканалов группы ВГТРК, «Россия Культура».

Р.Е. является автором 28 литературных произведений, издаваемых под псевдонимом Феликс Разумовский начиная с 1996 года.

Разрешая заявленные требования и отказывая в их удовлетворении, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что истец не

представил доказательств, подтверждающих, что он обладает исключительными правами на имя Феликс Разумовский, а потому ответчик Р.Е. вправе использовать такой псевдоним при издании его произведений.

Кроме того, суд апелляционной инстанции сослался на то, что имя является только средством индивидуализации, не предполагающим запрета другому лицу пользоваться таким же именем.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судов первой и апелляционной инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 150 ГК РФ право на имя наряду с другими нематериальными благами и личными неимущественными правами принадлежит гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемо и непередаваемо иным способом.

Нематериальные блага защищаются в соответствии с данным кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ).

В силу ст. 151 (абзац первый) ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В соответствии со ст. 19 ГК РФ гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя) (п. 1).

Согласно п. 4 ст. 19 ГК РФ (в редакции, действующей до принятия Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации») приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается.

Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в указанный пункт внесены изменения, предусматривающие, что имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности способами, исключающими введение в заблуждение третьих

лиц относительно тождества граждан, а также исключаящими злоупотребление правом в других формах.

Как указано в п. 5 ст. 19 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), вред, причиненный гражданину в результате нарушения его права на имя или псевдоним, подлежит возмещению в соответствии с названным кодексом. При искажении имени гражданина либо при использовании имени способами или в форме, которые затрагивают его честь, умаляют достоинство или деловую репутацию, гражданин вправе требовать опровержения, возмещения причиненного ему вреда, а также компенсации морального вреда.

Таким образом, право гражданина на имя, под которым он приобретает и осуществляет права и обязанности, включает в себя, в частности, не только право иметь имя, но и право при определенных обстоятельствах запрещать другим лицам пользоваться тем же именем.

По смыслу указанных выше норм права использование имени конкретного физического лица в качестве псевдонима другим лицом в его творческой деятельности является правомерным при соблюдении двух условий: получения согласия на использование имени соответствующим физическим лицом, а также непричинения вреда носителю имени другим его носителем.

Эти юридически значимые обстоятельства судами установлены не были. Между тем Р.Ф., обращаясь в суд за защитой нарушенного права, указывал на то, что нарушение его прав выражается в том, что третьи лица связывают литературные произведения Р.Е. с личностью Р.Ф., то есть имеет место заблуждение неопределенного круга лиц относительно тождества указанных выше граждан, создается ложное представление об истце и его творчестве, что причиняет ему моральный вред.

В качестве доказательств нарушения права на имя Р.Ф., в частности, ссылаясь на то, что действиями ответчика в заблуждение вводится неограниченный круг лиц, являющихся пользователями сети «Интернет», а также книжных интернет-магазинов, поскольку им по запросу «Феликс Разумовский» предоставляется информация, относящаяся в том числе к произведениям ответчика, опубликованным под псевдонимом Феликс Разумовский. Искаженная информация о произведениях Р.Ф. содержится также на сайте Российской государственной библиотеки.

Кроме того, вывод о том, что заблуждение относительно тождества Р.Ф. с Р.Е. отрицательно влияет на восприятие Р.Ф., нарушая его образ и дискредитируя его в глазах третьих лиц, содержится также в представленном в материалы дела заключении психолого-лингвистической экспертизы.

Однако эти обстоятельства не получили правовой оценки судебных инстанций.

Суд апелляционной инстанции, придя к выводу о том, что неправомерным использованием имени истца является только такое его использование, которое имеет целью причинение вреда истцу, не учел, что запрет на приобретение прав и обязанностей под именем другого лица в силу ст. 19 ГК РФ может быть связан также и с дезориентацией неопределенного круга лиц относительно тождества граждан, осуществляющих творческую деятельность под одними и теми же именами и псевдонимом.

Ошибочным признала Судебная коллегия и вывод судов о необходимости представления истцом доказательств, подтверждающих, что он обладает исключительными правами на имя Феликс Разумовский.

Суды не учли, что действующее законодательство не относит имя к объектам, в отношении которых уполномоченные субъекты наделяются исключительными правами по правилам ст. 1229 ГК РФ.

Определение № 5-КГ17-102

Разрешение споров, возникающих в сфере жилищных отношений

5. Признание брака недействительным не является безусловным основанием для прекращения возникшего у добросовестного супруга как члена семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма права пользования этим жилым помещением и признания его не приобретшим это право.

Департамент городского имущества г. Москвы обратился в суд с иском к П.Г. о признании ее не приобретшей право пользования жилым помещением, выселении без предоставления другого жилого помещения, снятии с регистрационного учета. В обоснование иска указал, что П.Г. с 16 декабря 2008 г. по договору социального найма зарегистрирована в качестве члена семьи (супруги) нанимателя П.Я. Решением суда брак между П.Г. и П.Я. признан недействительным в связи с расторжением П.Я. предыдущего брака. 11 января 2015 г. П.Я. умер, в связи с чем снят с регистрационного учета по месту жительства. Поскольку брак между П.Г. и П.Я. признан недействительным, то П.Г., по мнению истца, проживает в спорной квартире без законных оснований, так как у нее не возникло право пользования жилым помещением и ее вселение в квартиру носило незаконный характер.

П.Г. обратилась с иском к Департаменту городского имущества г. Москвы о признании членом семьи нанимателя, возложении обязанности заключить договор социального найма, признании незаконным отказа в заключении договора социального найма. В обоснование иска указала, что с 2008 года проживает и зарегистрирована

в коммунальной квартире. В указанное жилое помещение вселена в качестве члена семьи нанимателя П.Я., с которым в течение 6 лет состояла в зарегистрированном браке, вела с ним общее хозяйство, несла совместные расходы. После смерти П.Я. она продолжает проживать в спорном жилом помещении, так как иного жилья в собственности или пользовании не имеет. В заключении договора социального найма занимаемого жилого помещения Департаментом городского имущества г. Москвы П.Г. отказано.

Суд первой инстанции, удовлетворяя иск Департамента городского имущества г. Москвы и отказывая в удовлетворении иска П.Г., исходил из того, что предоставление спорного жилого помещения для проживания П.Г. и включение ее в договор социального найма явилось следствием регистрации брака между нею и нанимателем спорного жилого помещения П.Я., а в связи с признанием брака недействительным П.Г., по мнению суда, не приобрела право пользования данным жилым помещением. Кроме того, суд первой инстанции указал, что, поскольку брак признан недействительным, П.Г. членом семьи П.Я. никогда не являлась.

С данными выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя в кассационном порядке принятые по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала следующее.

Жилищные права и обязанности членов семьи возникают из оснований, предусмотренных Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ), другими федеральными законами и правовыми актами.

Согласно ч. 1 ст. 69 ЖК РФ к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. В исключительных случаях иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке.

В силу ч. 4 названной статьи, если гражданин перестал быть членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, но продолжает проживать в занимаемом жилом помещении, за ним сохраняются такие же права, какие имеют наниматель и члены его семьи. Гражданин самостоятельно отвечает по своим обязательствам, вытекающим из соответствующего договора социального найма.

Исходя из указанных положений закона бывшие члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма,

проживающие в жилом помещении, сохраняют право пользования им. К бывшим членам семьи нанимателя жилого помещения относятся лица, с которыми у нанимателя прекращены семейные отношения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце втором п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», под прекращением семейных отношений между супругами следует понимать расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным, прекращение ведения общего хозяйства.

Таким образом, признание брака недействительным не является безусловным основанием для прекращения возникшего у добросовестного супруга как члена семьи нанимателя права пользования жилым помещением и признания его не приобретшим это право.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 25 названного постановления, решая вопрос о возможности признания иных лиц членами семьи нанимателя (например, лица, проживающего совместно с нанимателем без регистрации брака), суду необходимо выяснить, были ли эти лица вселены в жилое помещение в качестве члена семьи нанимателя или в ином качестве, вели ли они с нанимателем общее хозяйство, в течение какого времени они проживают в жилом помещении, имеют ли они право на другое жилое помещение и не утрачено ли ими такое право.

При рассмотрении дела в суде как первой, так и в суде апелляционной инстанций П.Г. указывала на то, что в течение длительного времени проживала с нанимателем спорного жилого помещения П.Я. одной семьей, вела с ним общее хозяйство, имела единый бюджет, совместно с нанимателем несла расходы по оплате занимаемого жилого помещения, продолжает проживать в спорном жилом помещении и зарегистрирована в нем.

Однако указанные обстоятельства суд первой инстанции, в нарушение ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, не определил в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и не получили правовой оценки суда.

Суд апелляционной инстанции данные нарушения не устранил.

Определение № 5-КГ17-9

6. Гражданам, переселяемым из аварийного жилья, гарантируется предоставление благоустроенных жилых помещений, равнозначных по общей площади ранее занимаемым ими жилым помещениям.

Прокурор обратился в суд с иском в интересах Б.И., Б.С. и К. к местной администрации о предоставлении жилого помещения, состоящего из четырех комнат в коммунальной квартире, соответствующего санитарным и техническим требованиям, равнозначного ранее занимаемому по общей площади. В обоснование требований прокурор сослался на то, что Б.И., Б.С. и К. на основании договора социального найма проживают в коммунальной квартире, состоящей из четырех комнат общей площадью 63,3 кв. м. Заключением межведомственной комиссии жилой дом признан аварийным и подлежащим сносу. До настоящего времени Б.И. и члены ее семьи (Б.С. и К.) не обеспечены жилым помещением взамен непригодного для проживания, чем нарушены их жилищные права.

Судом установлено, что по договору социального найма жилого помещения от 19 февраля 2010 г. Б.С., Б.И. и К. предоставлено жилое помещение, состоящее из четырех комнат, общей площадью 63,3 кв. м.

Заключением межведомственной комиссии от 26 ноября 2010 г. жилой дом признан аварийным и подлежащим сносу.

Расселение граждан из аварийного дома предусмотрено в рамках реализации областной адресной программы на 2013–2017 годы «Переселение граждан, проживающих на территории Кировской области, из аварийного жилищного фонда», утвержденной постановлением правительства Кировской области от 18 июня 2013 г. № 213/365, а также муниципальной программы «Переселение граждан города Кирова из ветхого и аварийного жилищного фонда в приоритетных зонах застройки в 2014–2020 годах», утвержденной постановлением администрации города Кирова от 3 июля 2014 г. № 2794-П.

Согласно заключению технической экспертизы, составленному по результатам обследования строительных конструкций данного жилого здания, фундамент, стены здания, напольное и междуэтажное перекрытия находятся в ограниченно работоспособном состоянии, чердачное перекрытие и крыша здания находятся в недопустимом состоянии, кровля – в ограниченно работоспособном состоянии. Во всех помещениях наблюдаются деформация и перекосы полов, поражение гнилью переплетов оконных проемов.

Разрешая спор и удовлетворяя иск прокурора, возлагая на ответчика обязанность предоставить истцам жилое помещение, состоящее не менее чем из четырех комнат, общей площадью не менее 63,3 кв. м, суд первой инстанции исходил из того, что Б.И. и члены ее семьи по договору социального найма проживают в жилом помещении, признанном аварийным и подлежащим сносу, проживание в котором угрожает их жизни и здоровью, в связи с чем суд пришел к выводу о том, что в силу положений ст. 86–89 ЖК РФ Б.И., Б.С. и К. должно быть предоставлено другое жилое помещение по договору социального найма, равнозначное занимаемому.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом нижестоящего суда в части необходимости предоставления другого жилого помещения по договору социального найма, вместе с тем указал на то, что в соответствии с положениями ЖК РФ площадь предоставляемого по договору социального найма жилого помещения определяется исходя из нормы предоставления, а значит, обеспечение Б.И., Б.С. и К. жилым помещением, равнозначным ранее занимаемому по общей площади, приведет к тому, что они будут обеспечены выше нормы предоставления.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее.

В соответствии со ст. 86 ЖК РФ, если дом, в котором находится жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, подлежит сносу, выселяемым из него гражданам органом государственной власти или органом местного самоуправления, принявшими решение о сносе такого дома, предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма.

Если жилое помещение, занимаемое по договору социального найма, подлежит переводу в нежилое помещение или признано непригодным для проживания, выселяемым из такого жилого помещения гражданам наймодателем предоставляется другое благоустроенное жилое помещение по договору социального найма (ст. 87 названного кодекса).

Согласно ч. 1 ст. 89 ЖК РФ предоставляемое гражданам в связи с выселением по основаниям, которые предусмотрены ст. 86–88 данного кодекса, другое жилое помещение по договору социального найма должно быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населенного пункта, равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в границах данного населенного пункта. В случаях, предусмотренных федеральным законом, такое предоставляемое жилое помещение с согласия в письменной форме граждан может находиться в границах другого населенного пункта субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено ранее занимаемое жилое помещение. В случаях, предусмотренных федеральным законом, гражданам, которые состоят на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях или имеют право состоять на данном учете, жилые помещения предоставляются по нормам предоставления.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», судам необходимо также иметь в виду, что при выселении граждан из жилых помещений по основаниям, перечисленным в статьях 86–88 Жилищного кодекса Российской Федерации, другое благоустроенное жилое помещение по договору социального найма, равнозначное по общей площади ранее занимаемому, предоставляется гражданам не в связи с

улучшением жилищных условий, а потому иные обстоятельства (названные, например, в ч. 5 ст. 57, ст. 58 ЖК РФ), учитываемые при предоставлении жилых помещений гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, во внимание не принимаются.

Согласно Обзору судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2014 г., если при рассмотрении дела будет установлено, что помещение, в котором проживает гражданин, представляет опасность для жизни и здоровья по причине его аварийного состояния или по иным основаниям, то предоставление иного жилого помещения, отвечающего санитарным и техническим требованиям, взамен непригодного для проживания не может быть поставлено в зависимость от наличия плана и срока сноса дома. Суд может обязать орган местного самоуправления предоставить истцу другое благоустроенное жилое помещение во внеочередном порядке.

Таким образом, возлагая на местную администрацию обязанность предоставить Б.И. и членам ее семьи по договору социального найма другое жилое помещение по норме предоставления общей площадью не менее 42 кв. м, суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что в соответствии с указанными выше положениями действующего законодательства предоставление гражданам в связи со сносом дома другого жилого помещения носит компенсационный характер и гарантирует им условия проживания, которые не должны быть ухудшены по сравнению с прежними, с одновременным улучшением жилищных условий с точки зрения безопасности. Поскольку предоставление жилого помещения обусловлено признанием занимаемого по договору социального найма жилого помещения непригодным для проживания, истцам должно быть предоставлено жилое помещение, равнозначное ранее занимаемому, общей площадью не менее 63,3 кв. м.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в части изменения решения суда о возложении обязанности на местную администрацию предоставить Б.И., Б.С. и К. по договору социального найма жилое помещение, соответствующее санитарным и техническим требованиям, по норме предоставления общей площадью не менее 42 кв. м, оставив в данной части в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 10-КГ17-5

Разрешение споров, возникающих из трудовых и пенсионных отношений

7. Право педагогических работников, состоящих в трудовых отношениях с организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациями социального обслуживания, на предоставление удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска и сокращенную продолжительность рабочего времени зависит от наличия у такой организации лицензии на осуществление образовательной деятельности.

К. обратилась в суд с иском к муниципальному казенному учреждению «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (далее – МКУ СРЦ) о признании незаконным изменения условий трудового договора.

В обоснование исковых требований К. ссылалась на то, что 16 марта 2011 г. принята на работу в муниципальное учреждение «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (далее – МУ СРЦ) в отделение социальной реабилитации на должность воспитателя 9 разряда единой тарифной ставки.

На основании распоряжения местной администрации от 17 ноября 2011 г. создано МКУ СРЦ, в котором К. с 11 января 2012 г. работала в должности воспитателя в отделении социальной реабилитации. Согласно условиям трудового договора от 16 марта 2011 г. К. установлен ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск продолжительностью 56 календарных дней и рабочее время продолжительностью 30 часов в неделю. К. указала, что в январе 2016 года работодателем ей вручено уведомление о том, что в связи с изменением действующего законодательства с 1 апреля 2016 г. изменяются определенные трудовым договором условия в части рабочего времени и времени отдыха, а именно: ежегодный основной оплачиваемый отпуск устанавливается К. продолжительностью 28 календарных дней (вместо 56 дней), сокращенная продолжительность рабочего времени – 36 часов в неделю (вместо 30 часов).

По мнению К., изменение работодателем в одностороннем порядке условий трудового договора в части сокращения продолжительности ежегодного основного оплачиваемого отпуска и увеличения продолжительности рабочего времени является неправомерным и нарушает ее трудовые права, поскольку организационная структура учреждения и технологические условия труда не изменились.

По этим основаниям истец просила суд признать незаконным изменение условий трудового договора, обязать ответчика сохранить прежние условия трудового договора, взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в размере 50 000 руб.

Решением суда в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение о частичном удовлетворении исковых требований. Суд апелляционной инстанции признал изменение условий трудового договора, заключенного между К. и МКУ СРЦ, в части сокращения продолжительности отпуска до 28 дней и увеличения рабочей недели до 36 часов в неделю незаконными; взыскал с ответчика в пользу К. компенсацию морального вреда – 1000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, с апелляционным определением не согласилась по следующим основаниям.

Судом по делу установлено, что К. с 15 марта 2011 г. состояла в трудовых отношениях с МУ СРЦ, работала в отделении социальной реабилитации в должности воспитателя, с ней был заключен трудовой договор, по условиям которого К. устанавливался ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 56 календарных дней и рабочее время продолжительностью 36 часов в неделю.

В связи с изменением типа МУ СРЦ распоряжением местной администрации от 17 ноября 2011 г. с 21 декабря 2011 г. создано МКУ СРЦ.

29 декабря 2011 г. между К. и МКУ СРЦ заключено дополнительное соглашение к трудовому договору, согласно которому К. с 11 января 2012 г. переведена в отделение социальной реабилитации на должность воспитателя с сохранением ранее установленной продолжительности ежегодного отпуска и рабочего времени.

31 октября 2012 г. с К. заключено дополнительное соглашение к трудовому договору, согласно которому продолжительность рабочего времени составила 30 часов в неделю.

31 декабря 2014 г. дополнительным соглашением к трудовому договору К. установлена сокращенная продолжительность рабочего времени – 30 часов в неделю, ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск продолжительностью 56 календарных дней.

МКУ СРЦ, как установлено судом, является учреждением социального обслуживания, не имеющим лицензии на осуществление образовательной деятельности, и не осуществляет обучение находящихся в учреждении детей в соответствии с образовательными программами.

В связи с принятием постановления Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» и изданием приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» 28 января 2016 г. К. была уведомлена работодателем о том, что с 1 апреля 2016 г. изменяются определенные

трудовым договором от 15 марта 2011 г. условия в части продолжительности рабочего времени и времени отдыха, а именно: ежегодный основной оплачиваемый отпуск устанавливается продолжительностью 28 календарных дней, сокращенная продолжительность рабочего времени составляет 36 часов в неделю.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований К. о признании незаконным изменение условий трудового договора, суд первой инстанции со ссылкой на положения Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» и приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» исходил из того, что ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск продолжительностью 56 календарных дней и сокращенная продолжительность рабочего времени менее 36 часов в неделю устанавливаются работникам, осуществляющим образовательную деятельность в организациях социального обслуживания, имеющих лицензию на осуществление образовательной деятельности. Поскольку МКУ СРЦ является учреждением социального обслуживания, не имеющим лицензии на осуществление образовательной деятельности, и не осуществляет обучение детей в соответствии с образовательными программами, суд первой инстанции пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для признания за К. права на предоставление ей удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью 56 дней и сокращенную продолжительность рабочего времени менее 36 часов в неделю. С учетом указанных обстоятельств суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст. 72, 74 ТК РФ, также пришел к выводу о правомерности действий ответчика по уведомлению истца об изменении условий заключенного с ней трудового договора в части продолжительности рабочего времени и времени отдыха.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований К. о признании незаконным изменения условий трудового договора, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что право на предоставление основного удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска и сокращенную продолжительность рабочего времени имеют не только педагогические работники образовательных учреждений, но и педагогические работники, осуществляющие трудовую деятельность в организациях социального обслуживания для детей-сирот. При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что такое право связано с родом деятельности работника

и не зависит от наличия у организации лицензии на осуществление образовательной деятельности. В обоснование данного вывода суд апелляционной инстанции сослался на приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 1 сентября 2015 г. № 588н «Об установлении тождественности профессиональной деятельности, выполняемой в образовательных организациях, организациях, оказывающих социальные услуги, и медицинских организациях, в которые помещаются под надзор дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей», которым установлена тождественность профессиональной деятельности работников учреждений социального обслуживания, в которые помещаются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, и учреждений, занимающихся образовательной деятельностью. По мнению суда апелляционной инстанции, по роду деятельности К. относится к преподавательскому составу организации социального обслуживания, деятельность которой приравнена к деятельности образовательной организации, в связи с чем суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии у ответчика правовых оснований для сокращения истцу в одностороннем порядке продолжительности ежегодного основного оплачиваемого отпуска и увеличения продолжительности рабочей недели.

Между тем судом апелляционной инстанции не было учтено следующее.

Частями первой и второй ст. 74 ТК РФ установлено, что в случае, когда по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (изменения в технике и технологии производства, структурная реорганизация производства, другие причины), определенные сторонами условия трудового договора не могут быть сохранены, допускается их изменение по инициативе работодателя, за исключением изменения трудовой функции работника. О предстоящих изменениях определенных сторонами условий трудового договора, а также о причинах, вызвавших необходимость таких изменений, работодатель обязан уведомить работника в письменной форме не позднее чем за два месяца, если иное не предусмотрено данным кодексом.

Частью первой ст. 333 ТК РФ предусмотрено, что для педагогических работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю.

В зависимости от должности и (или) специальности педагогических работников с учетом особенностей их труда продолжительность рабочего времени (нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы), порядок определения учебной нагрузки, оговариваемой в трудовом договоре, и основания ее изменения, случаи установления верхнего предела учебной нагрузки педагогических работников определяются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти (часть третья ст. 333 ТК РФ).

Пунктом 21 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об образовании») установлено, что педагогическим работником является физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности.

В соответствии с п. 18 ст. 2 Федерального закона «Об образовании» образовательная организация – некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана.

Организацией, осуществляющей обучение, является юридическое лицо, осуществляющее на основании лицензии наряду с основной деятельностью образовательную деятельность в качестве дополнительного вида деятельности (п. 19 ст. 2 Федерального закона «Об образовании»).

Для осуществления образовательной деятельности организацией в ее структуре создается специализированное структурное образовательное подразделение, деятельность которого регулируется положением, разрабатываемым и утверждаемым такой организацией (ч. 6 ст. 31 Федерального закона «Об образовании»).

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» установлена продолжительность рабочего времени (нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников согласно приложению № 1 к этому приказу.

Согласно п. 2.6 приложения № 1 к приказу Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2014 г. № 1601 норма часов педагогической работы 30 часов в неделю за ставку заработной платы устанавливается воспитателям организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным общеобразовательным программам, в которых созданы условия для проживания воспитанников в интернате, а также для осуществления присмотра и ухода за детьми в группах продленного дня, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организаций (групп), в том числе санаторных, для обучающихся (воспитанников) с туберкулезной интоксикацией, медицинских организаций, организаций социального обслуживания, осуществляющих образовательную деятельность в качестве дополнительного вида деятельности (далее – медицинские организации и организации социального обслуживания)

(за исключением воспитателей, предусмотренных в пп. 2.5 и 2.7 названного приложения).

В силу ст. 115 ТК РФ ежегодный основной оплачиваемый отпуск предоставляется работникам продолжительностью 28 календарных дней. Ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью более 28 календарных дней (удлиненный основной отпуск) предоставляется работникам в соответствии с Кодексом и иными федеральными законами.

Согласно ст. 334 ТК РФ педагогическим работникам предоставляется ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск, продолжительность которого устанавливается Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» ежегодные основные удлиненные оплачиваемые отпуска предусмотрены для замещающих должности педагогических работников, а также руководителей образовательных организаций, заместителей руководителей образовательных организаций, руководителей структурных подразделений этих организаций и их заместителей согласно приложению.

Должности педагогических работников предусмотрены в разделе I номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 678 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций». В названную номенклатуру должностей включена должность воспитателя.

Согласно п. 2 раздела IV «Организации, осуществляющие обучение» приложения к постановлению Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» продолжительность ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска для педагогических работников, должности которых указаны в разделе I номенклатуры должностей, работающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организациях, осуществляющих лечение, организациях, осуществляющих социальное обслуживание, а также в центрах психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, создаваемых в соответствии со ст. 42 Федерального закона «Об образовании», составляет 56 дней.

В ч. 1 ст. 42 Федерального закона «Об образовании» предусмотрено, что психолого-педагогическая, медицинская и социальная помощь оказывается детям, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, в том числе несовершеннолетним обучающимся, признанным в случаях и в

порядке, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством, подозреваемыми, обвиняемыми или подсудимыми по уголовному делу либо являющимся потерпевшими или свидетелями преступления, в центрах психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, создаваемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также психологами, педагогами-психологами организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в которых такие дети обучаются. Органы местного самоуправления имеют право на создание центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи.

Из приведенного выше правового регулирования следует, что педагогическим работникам, в том числе воспитателям (согласно номенклатуре должностей, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 8 августа 2013 г. № 678), состоящим в трудовых отношениях с организацией для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организацией социального обслуживания, имеющей лицензию на осуществление образовательной деятельности, и выполняющим обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности, устанавливается норма часов педагогической работы 30 часов в неделю за ставку заработной платы, а также предоставляется ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск продолжительностью 56 дней.

Как установлено судом, МКУ СРЦ, в трудовых отношениях с которым состоит К. в должности воспитателя, является специализированным учреждением социального обслуживания, предназначенным для профилактики безнадзорности и беспризорности; предметом деятельности учреждения является оказание квалифицированной социальной помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или в социально опасном положении; основной вид деятельности направлен на предоставление услуг по социальному обслуживанию детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. МКУ СРЦ не имеет лицензии на осуществление образовательной деятельности.

Ввиду того, что в силу приведенных выше нормативных положений право на предоставление удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска и сокращенную продолжительность рабочего времени имеют педагогические работники, состоящие в трудовых отношениях с организацией для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, организацией социального обслуживания, имеющей лицензию на осуществление образовательной деятельности, и выполняющие обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности, вывод суда апелляционной инстанции о том, что такое право связано с родом деятельности работника и не зависит от наличия у организации лицензии на осуществление образовательной

деятельности, Судебная коллегия признала основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Также Судебная коллегия признала ошибочной ссылку суда апелляционной инстанции в обоснование вывода об удовлетворении исковых требований на приказ Министерства труда и социальной защиты населения от 1 сентября 2015 г. № 588н «Об установлении тождественности профессиональной деятельности, выполняемой в образовательных организациях, организациях, оказывающих социальные услуги, и медицинских организациях, в которые помещаются под надзор дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей», которым установлена тождественность профессиональной деятельности работников учреждений социального обслуживания, в которые помещаются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, и учреждений, занимающихся образовательной деятельностью, поскольку такая тождественность профессиональной деятельности установлена в целях реализации гражданами права на досрочное пенсионное обеспечение по старости. Отношения по предоставлению гарантий педагогическим работникам, установленных ст. 333, 334 ТК РФ, названным приказом не регулируются.

Определение № 81-КГ17-9

8. Доходы муниципальных служащих в виде ежемесячных доплат за выслугу лет к трудовой пенсии по старости, выплачиваемых за счет средств местных бюджетов, не подлежат налогообложению.

В. обратилась в суд с иском к администрации муниципального образования о взыскании недополученного дополнительного материального обеспечения и излишне удержанного налога на доходы физических лиц.

В обоснование требований В. ссылалась на то, что она является получателем трудовой пенсии по старости, а также дополнительного материального обеспечения как лицо, замещавшее должность муниципального служащего в администрации муниципального образования в течение 25 лет.

Распоряжением главы администрации муниципального образования от 10 февраля 2006 г. В. назначено дополнительное материальное обеспечение из расчета 80% к начисленной базовой, страховой и накопительной пенсии по старости.

Решением совета муниципального образования от 25 марта 2009 г. утверждено Положение о дополнительном материальном обеспечении лиц, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы в администрации муниципального образования, согласно которому размер дополнительного материального обеспечения этим лицам

устанавливается из расчета государственной пенсии по состоянию на 1 января 2009 г. и индексации не подлежит (подп. 3 п. 9 Положения).

Размер дополнительного материального обеспечения был установлен В. из расчета государственной пенсии по состоянию на 1 января 2009 г. в сумме 6387, 25 руб., который впоследствии не изменялся, несмотря на то обстоятельство, что размер базовой, страховой и накопительной пенсии по старости В. за период с 1 января 2012 г. по 31 июля 2015 г. неоднократно увеличивался.

При этом из выплачиваемого ответчиком дополнительного материального обеспечения В. удерживался налог на доходы физических лиц в размере 13% от суммы данного обеспечения, что не соответствует Налоговому кодексу Российской Федерации.

В. просила взыскать с администрации муниципального образования недоплаченное материальное обеспечение за период с 1 января 2012 г. по 31 июля 2015 г. в размере 96 326, 47 руб., а также сумму излишне удержанного налога на доходы физических лиц с дополнительного материального обеспечения за период 2012–2014 годов в размере 28 332 руб.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласился и суд апелляционной инстанции, в частности, исходил из вывода о том, что с суммы дополнительного материального обеспечения В. должен удерживаться налог на доходы физических лиц.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления в части разрешения требований В. о взыскании излишне удержанного налога на доходы физических лиц и направила дело в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Согласно п. 2 ст. 217 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) пенсии по государственному пенсионному обеспечению, страховые пенсии, фиксированная выплата к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии) и накопительная пенсия, назначаемые в порядке, установленном действующим законодательством, социальные доплаты к пенсиям, выплачиваемые в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39), относит к компетенции законодателя установление государственных пенсий (ч. 2 ст. 39).

Социальная защита, установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, согласно ст. 72 (пп. «ж», «з», «н» ч. 1) Конституции Российской

Федерации, находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

В п. 12 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о муниципальной службе) предусмотрено, что муниципальный служащий имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации.

При этом в области пенсионного обеспечения на муниципального служащего в полном объеме распространяются права государственного гражданского служащего, установленные федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации (ч. 1 ст. 24 Федерального закона о муниципальной службе).

Устанавливая взаимосвязь муниципальной и государственной гражданской службы, федеральное законодательство определило, что такая взаимосвязь обеспечивается соотносительностью основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших муниципальную службу, и граждан, проходивших государственную гражданскую службу (ст. 5 Федерального закона о муниципальной службе, ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»).

Из приведенных нормативных положений следует, что пенсия за выслугу лет государственным гражданским служащим и пенсионное обеспечение за выслугу лет муниципальным служащим являются государственным пенсионным обеспечением, при назначении которых обязательным условием является наличие определенного стажа работы, в данном случае – в муниципальном образовании. Эти выплаты осуществляются одновременно с выплатой страховой части трудовой пенсии. Тем самым юридическая природа пенсии за выслугу лет для государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации и пенсионного обеспечения за выслугу лет муниципальных служащих одинаковая, а именно эти пенсии являются выплатами по государственному пенсионному обеспечению.

При этом условия предоставления права на пенсию муниципальным служащим (п. 4 ст. 7 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»), размер государственной пенсии муниципального служащего (ч. 2 ст. 24 Федерального закона о муниципальной службе), дополнительные гарантии муниципальным служащим (ч. 3 ст. 23 Федерального закона о муниципальной службе) обеспечиваются за счет средств местных

бюджетов на основании законов, иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и актов органов местного самоуправления.

Поскольку ежемесячные доплаты за выслугу лет к трудовой пенсии муниципальных служащих за счет средств местных бюджетов являются одним из видов выплат по государственному пенсионному обеспечению, то в силу п. 2 ст. 217 НК РФ эти выплаты не подлежат налогообложению.

Между тем при разрешении исковых требований В., ссылавшейся на незаконность удержания администрацией муниципального образования налога на доходы физических лиц с ее дополнительного материального обеспечения к назначенной трудовой пенсии по старости, выплачиваемого ей как лицу, замещавшему должность муниципального служащего, приведенные выше положения нормативных правовых актов судебными инстанциями во внимание приняты не были.

Определение № 18-КГ16-91

Процессуальные вопросы

9. Дела по спорам между нотариусами и нотариальными палатами о наложении дисциплинарных взысканий рассматриваются судами в порядке гражданского судопроизводства.

Нотариус Ш. обратилась в суд с иском к нотариальной палате о признании незаконным распоряжения президента нотариальной палаты о проведении в отношении ее повторной проверки исполнения профессиональных обязанностей нотариуса и признании незаконным и недействительным п. 3 решения правления нотариальной палаты об объявлении Ш. строгого выговора.

В предварительном судебном заседании суда первой инстанции представителем нотариальной палаты заявлено ходатайство о прекращении производства по данному делу со ссылкой на то, что требования Ш. подлежат рассмотрению в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, производство по делу прекращено на основании абзаца второго ст. 220 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные акты приняты с нарушением норм процессуального права.

В соответствии с частями первой и четвертой ст. 24 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы законодательства о нотариате), нотариальная палата

является некоммерческой организацией, представляющей собой профессиональное объединение, основанное на обязательном членстве нотариусов, занимающихся частной практикой. Нотариальная палата является юридическим лицом и организует свою работу на принципах самоуправления. Деятельность нотариальной палаты осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и своим уставом.

В силу части первой ст. 34 Основ законодательства о нотариате контроль за исполнением профессиональных обязанностей нотариусами, работающими в государственных нотариальных конторах, осуществляют федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю в сфере нотариата, и его территориальные органы, а нотариусами, занимающимися частной практикой, – нотариальные палаты. Контроль за соблюдением налогового законодательства осуществляют налоговые органы в порядке и сроки, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном названным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» разъяснено, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 1 КАС РФ в порядке, предусмотренном названным кодексом, суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) некоммерческих организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, в том числе саморегулируемых организаций субъектов профессиональной деятельности, если оспариваемые решения, действия (бездействие) являются результатом осуществления (неосуществления) указанных полномочий. В то же время не подлежат рассмотрению по правилам КАС РФ не связанные с реализацией публичных полномочий дела по внутрикорпоративным спорам, возникающим между адвокатами и адвокатскими палатами, нотариусами и нотариальными палатами, медиаторами и постоянно действующим коллегиальным органом управления саморегулируемой организации медиаторов, а также между членами и органами управления иных саморегулируемых организаций, которые подлежат разрешению в исковом порядке.

Из приведенных выше нормативных положений и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по применению норм КАС РФ следует, что споры, связанные с обжалованием нотариусами решений

нотариальных палат о наложении дисциплинарных взысканий за нарушения, допущенные при исполнении нотариусами профессиональных обязанностей (внутрикорпоративные споры), подлежат рассмотрению судами в порядке гражданского судопроизводства исходя из характера возникших правоотношений между нотариальной палатой и нотариусом, основанных на членстве нотариуса в профессиональном объединении – нотариальной палате, то есть на отношениях внутри корпорации.

С учетом того, что предметом иска Ш. является признание незаконным распоряжения президента нотариальной палаты о проведении в отношении ее повторной проверки исполнения профессиональных обязанностей нотариуса, признании незаконным и недействительным решения коллегиального исполнительного органа нотариальной палаты об объявлении ей строгого выговора, то названные требования подлежат рассмотрению в суде по правилам гражданского судопроизводства, в связи с чем вывод судов первой и апелляционной инстанций со ссылкой на п. 3 ч. 2 ст. 1 КАС РФ о том, что указанные требования подлежат рассмотрению по правилам административного судопроизводства, как вытекающие из публичных правоотношений, основан на неправильном толковании положений КАС РФ.

Кроме того, согласно материалам имеющегося в Верховном Суде Российской Федерации кассационного производства по жалобе Ш., после вынесения судом определения о прекращении производства по заявленным ею требованиям она обратилась в суд с аналогичным иском в порядке административного судопроизводства. Определением суда производство по административному иску Ш. было также прекращено. При этом суд руководствовался п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» и пришел к выводу о том, что заявленные требования подлежат рассмотрению по правилам гражданского судопроизводства.

Таким образом, производство по исковым требованиям Ш. было прекращено как на основании положений ГПК РФ, так и по нормам КАС РФ, что фактически привело к лишению Ш. гарантированного ст. 46 Конституции Российской Федерации права на доступ к правосудию и судебную защиту.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления незаконными, отменила их и направила дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу в порядке гражданского судопроизводства.

Определение № 46-КГ17-2

10. При недостаточной ясности или неполноте заключения эксперта по результатам проведения экспертизы, назначенной судом первой инстанции, дополнительная экспертиза может быть назначена судом апелляционной инстанции.

Территориальное управление Росимущества обратилось в суд с иском к Ч. об истребовании земельных участков лесного фонда из чужого незаконного владения и о возложении обязанности освободить земельные участки от расположенного на них имущества посредством демонтажа.

В обоснование заявленных требований истец указал, что земельные участки, принадлежащие Ч. на праве собственности, относятся к землям лесного фонда, при этом на одном из земельных участков лесного фонда возводится забор, ограждающий часть земельного участка.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, руководствовался заключением эксперта, согласно которому восстановить границы земель лесного фонда, а также установить наложение границ этих земель на границы спорных земельных участков, принадлежащих Ч., без определения координат земельного участка лесного фонда в местной системе координат и в связи с отсутствием лесоустроительных знаков на местности невозможно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав в том числе следующее.

Юридически значимым по данному делу обстоятельством являлось установление собственника спорного земельного участка, местоположения земельного участка в определенных границах и факта наложения на него земельных участков, принадлежащих ответчику.

Однако это обстоятельство, в нарушение требований ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, установлено не было.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции ссылаясь на заключение назначенной им землеустроительной экспертизы, которое не содержит ответа на поставленный судом вопрос о том, имеется ли наложение границ земель лесного фонда на границы земельных участков, принадлежащих Ч. на праве собственности.

В соответствии с данным заключением восстановить границы земель лесного фонда по имеющимся материалам лесоустройства ввиду отсутствия координат таких границ не представляется возможным. Установить наличие или отсутствие наложения границ земель лесного фонда на границы земельных участков ответчика без определения местоположения границ земель лесного фонда в местной системе координат также не представляется возможным.

Таким образом, заключение эксперта не позволило дать однозначный ответ на вопрос о том, имеется ли наложение границ земель лесного фонда

на границы земельных участков, принадлежащих Ч. на праве собственности, в связи с чем суду для правильного разрешения спора по существу следовало установить это юридически значимое обстоятельство.

Согласно ч. 1 ст. 87 ГПК РФ в случаях недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта суд может назначить дополнительную экспертизу, поручив ее проведение тому же или другому эксперту.

Дополнительная экспертиза (ст. 20 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), как правило, назначается при неполноте заключения (когда не все объекты были представлены для исследования, не все поставленные вопросы получили разрешение); при неточностях в заключении и невозможности устранить их путем опроса эксперта в судебном заседании; при необходимости поставить перед экспертом новые вопросы (например, в случае неверного установления обстоятельств, имеющих значение для дела, или при уточнении таких обстоятельств в связи с изменением исковых требований).

Однако в нарушение приведенных норм права при наличии недостаточной ясности землеустроительной экспертизы, проведенной в рамках данного гражданского дела, суд первой инстанции не создал условий для установления фактических обстоятельств дела, отклонил ходатайство истца об истребовании в ФГБУ «Рослесинфорг» сведений о координатах границ спорных земельных участков в местной системе координат для последующего назначения дополнительной судебной экспертизы, то есть не предпринял необходимые меры для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела.

Не устранил допущенные нарушения и суд апелляционной инстанции.

Между тем п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» разъясняется, что если судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), то суду апелляционной инстанции следует поставить на обсуждение вопрос о представлении лицами, участвующими в деле, дополнительных (новых) доказательств и при необходимости по их ходатайству оказать им содействие в собирании и истребовании таких доказательств. Суду апелляционной инстанции также следует предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные (новые) доказательства, если в суде первой инстанции не доказаны обстоятельства, имеющие значение для дела (п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ), в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

Это судом апелляционной инстанции учтено не было и повлекло вынесение незаконного судебного постановления.

Определение № 86-КГ17-2

11. Суд, рассматривающий заявление должника об отсрочке исполнения решения суда, в каждом конкретном случае должен принимать во внимание все обстоятельства, препятствующие исполнению должником решения в установленный срок.

Вступившим в законную силу решением суда от 6 апреля 2015 г. с Ш. в пользу негосударственного образовательного учреждения взысканы денежные средства в размере 200 177 руб. 71 коп. в счет возмещения затрат, понесенных работодателем на обучение работника, и судебные расходы в сумме 5201 руб. 78 коп.

13 сентября 2016 г. Ш. через своего представителя обратилась в суд с заявлением об отсрочке исполнения решения суда от 6 апреля 2015 г. до 5 июня 2018 г. – до достижения ее ребенком возраста трех лет.

В качестве обстоятельств, которые существенно затрудняют для нее исполнение решения суда, Ш. в заявлении указала на то, что она не работает, имеет на иждивении малолетнего ребенка, 2015 года рождения, по уходу за которым ежемесячно получает пособие в сумме 2908 руб. 62 коп., кроме того, находится в состоянии беременности, несет расходы на содержание съемного жилья и оплату коммунальных услуг.

Отказывая в удовлетворении заявления Ш. о предоставлении ей отсрочки исполнения решения суда от 6 апреля 2015 г., суд первой инстанции исходил из того, что заявителем не было представлено убедительных и бесспорных доказательств, подтверждающих ее затруднительное материальное положение, которое бы существенно препятствовало исполнению указанного решения суда. Наличие на иждивении несовершеннолетнего ребенка, беременность Ш. и ее нуждаемость в усиленном питании, по мнению суда первой инстанции, не могут быть признаны безусловными основаниями для длительного неисполнения решения суда и нарушения прав взыскателя. Суд первой инстанции указал, что наличие договора найма жилого помещения с необходимостью оплаты денежных средств по нему, а также неоплата заявителем денежных средств адвокату на основании соглашения, заключенного ранее на возмездной основе, не являются доказательствами, бесспорно подтверждающими затруднительное материальное положение Ш. По мнению суда первой инстанции, предоставление отсрочки или рассрочки исполнения судебных постановлений – это право суда, которое реализуется с учетом имущественного положения сторон либо других обстоятельств, обуславливающих невозможность исполнения решения суда.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции, дополнительно приведя доводы о том, что беременность Ш., наличие у нее на иждивении несовершеннолетнего ребенка и нахождение ее в отпуске по уходу за ребенком не могут быть отнесены к исключительным обстоятельствам, затрудняющим исполнение решения суда, и служить основанием для отсрочки его исполнения. Недостаточность у Ш. денежных средств для исполнения судебного акта сама по себе не является безусловным основанием для предоставления отсрочки исполнения судебного решения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Российская Федерация как правовое государство обязана обеспечивать эффективную систему гарантирования защиты прав и свобод человека и гражданина посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П, от 10 февраля 2006 г. № 1-П и др.).

Правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 1 ст. 12 ГПК РФ).

Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ).

Вступившие в законную силу судебные постановления, как установлено ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В соответствии со ст. 434 ГПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления

сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 203 и 208 указанного кодекса.

Согласно ч. 1 ст. 203 ГПК РФ суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя либо исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения.

Аналогичные положения содержатся в ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», предусматривающей, что взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе обратиться с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, акта другого органа или должностного лица, а также об изменении способа и порядка его исполнения в суд, другой орган или к должностному лицу, выдавшим исполнительный документ.

Заявление об отсрочке или рассрочке исполнения решения суда рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к рассмотрению и разрешению поставленного перед судом вопроса (ч. 2 ст. 203 ГПК РФ).

На определение суда об отсрочке или о рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения может быть подана частная жалоба (ч. 3 ст. 203 ГПК РФ).

В определении суда должны быть указаны в том числе мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, и ссылка на законы, которыми суд руководствовался (п. 5 ч. 1 ст. 225 ГПК РФ).

Как разъяснено в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», по смыслу положений ст. 37 Закона об исполнительном производстве, ст. 434 ГПК РФ, ст. 358 КАС РФ и ст. 324 АПК РФ основаниями для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа могут являться неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие исполнению должником исполнительного документа в установленный срок. Вопрос о наличии таких оснований решается судом в каждом конкретном случае с учетом всех имеющих значение фактических обстоятельств, к которым, в частности, могут относиться тяжелое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение, возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки. При предоставлении отсрочки или рассрочки судам необходимо обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников таким образом, чтобы такой порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности и не затрагивал существа

гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, в том числе права взыскателя на исполнение судебного акта в разумный срок (абзацы первый, второй и третий п. 25 названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Исходя из разъяснений, содержащихся в абзаце третьем п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», при рассмотрении заявлений лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя об отсрочке или рассрочке исполнения решения суда с учетом необходимости своевременного и полного исполнения решения суду в каждом случае следует тщательно оценивать доказательства, представленные в обоснование просьбы об отсрочке (рассрочке), и материалы исполнительного производства, если исполнительный документ был предъявлен к исполнению.

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ч. 1 ст. 67 ГПК РФ).

Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности (ч. 3 ст. 67 ГПК РФ).

Как следует из положений ч. 4 ст. 67 ГПК РФ, результаты оценки доказательств суд обязан отразить в судебном акте, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Из приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению следует, что по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя суд вправе решить вопрос об отсрочке исполнения решения при наличии установленных законом оснований и исходя из совокупности представленных сторонами доказательств с учетом принципов равноправия и состязательности сторон, а также принципа справедливости судебного разбирательства. Основанием для отсрочки или рассрочки исполнения решения являются неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, которые носят исключительный характер, свидетельствуют о невозможности или крайней затруднительности исполнения решения суда. К числу указанных обстоятельств могут быть отнесены в том числе тяжелое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение, возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки. Суд при рассмотрении заявлений лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя об отсрочке или рассрочке исполнения решения

суда в каждом конкретном случае должен установить наличие или отсутствие таких обстоятельств, препятствующих исполнению должником исполнительного документа в установленный срок. При этом суд обязан оценить все представленные должником доводы о необходимости отсрочки или рассрочки исполнения решения суда, возражения взыскателя относительно этой отсрочки или рассрочки по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, и исчерпывающим образом мотивировать свои выводы по данному вопросу в определении суда.

Таким образом, вопрос о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения решения суда разрешается судом не произвольно, а с учетом необходимости обеспечения баланса прав и законных интересов взыскателей и должников, соблюдения гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, требований справедливости и соразмерности.

Судом первой инстанции при рассмотрении заявления Ш. о предоставлении отсрочки исполнения решения суда указанные требования норм процессуального права не выполнены, разъяснения по их применению, содержащиеся в приведенных выше постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не учтены.

В нарушение положений ст. 67 ГПК РФ суд первой инстанции не исследовал и не дал надлежащей оценки доводам Ш. и представленным ею доказательствам в подтверждение наличия у нее исключительных обстоятельств, затрудняющих исполнение решения суда.

Так, Ш., обратившись в суд с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения решения суда от 6 апреля 2015 г., ссылалась на то, что в настоящее время у нее отсутствует возможность исполнить решение суда, поскольку с 30 августа 2014 г. она состоит в браке, 5 июня 2015 г. у нее родилась дочь, в связи с чем она не работает, находится в отпуске по уходу за ребенком и, кроме этого, вновь пребывает в состоянии беременности, никакого дохода и имущества не имеет, несет расходы по содержанию жилого помещения, занимаемого их семьей на условиях договора найма.

В материалах дела имеются представленные Ш. в качестве доказательств, подтверждающих названные обстоятельства, копии свидетельств о заключении брака и о рождении ребенка, справка органа социальной защиты от 24 июня 2016 г. о том, что Ш. получает ежемесячное пособие по уходу за ребенком в размере 2908 руб. 62 коп. в месяц, справка из городской поликлиники от 22 июня 2016 г., выданная Ш. о том, что она находилась под наблюдением в указанном учреждении здравоохранения с диагнозом «беременность 7–8 недель». Кроме того, Ш. представлен в дело договор найма занимаемого ее семьей жилого помещения от 9 апреля 2016 г., а также справка организации, выданная 23 июня 2016 г. и содержащая сведения о том, что ее супруг работает в данной организации оператором автоматических и полуавтоматических

линий, станков и установок, размер его заработной платы за май 2016 года составил 24 982 руб. 78 коп.

Как усматривается из протоколов судебных заседаний судов первой и апелляционной инстанций, в нарушение требований ст. 59, 60, 67 ГПК РФ доказательства, которые Ш. представила в обоснование просьбы об отсрочке исполнения решения суда, судами не исследовались и оценки с точки зрения их относимости, допустимости и достаточности в их взаимосвязи и совокупности не получили. Судами также не были истребованы и исследованы материалы исполнительного производства, возбужденного в отношении должника Ш.

Судебные инстанции, делая вывод об отсутствии доказательств, подтверждающих наличие у Ш. исключительных обстоятельств, затрудняющих для нее исполнение решения суда в установленный законом срок, фактически не рассмотрели вопрос о наличии таких исключительных обстоятельств с учетом всех конкретных обстоятельств данного дела и не мотивировали исчерпывающим образом свой вывод в обжалуемых судебных постановлениях.

Не основаны на имеющихся в деле доказательствах и нормах права приведенные в обоснование указанного выше вывода доводы суда апелляционной инстанции о том, что беременность Ш., наличие у нее на иждивении несовершеннолетнего ребенка и нахождение ее в отпуске по уходу за ребенком не могут быть отнесены к исключительным обстоятельствам, затрудняющим исполнение решения суда, так как недостаточность у Ш. денежных средств для исполнения судебного акта сама по себе не является безусловным основанием для предоставления отсрочки исполнения судебного решения.

Суд апелляционной инстанции, сославшись в определении на имеющиеся в материалах дела сведения о получении супругом Ш. заработной платы за май 2016 года в размере 24 982 руб. 78 коп., не исследовал вопрос как о доходе супруга Ш., так и о наличии у нее самой какого-либо дохода, не дал оценки факту получения Ш. ежемесячного пособия по уходу за ребенком в размере 2908 руб. 62 коп., которое исходя из положений п. 12 ч. 1 ст. 101 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и статьи 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» не относится к видам доходов, на которые может быть обращено взыскание по исполнительным документам.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, как и суд первой инстанции, не учел, что согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов, пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7); материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 38);

гарантируется право на заботу о детях и их воспитание (ч. 2 ст. 38); право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39).

В связи с этим при оценке указанных Ш. обстоятельств, затрудняющих исполнение ею судебного акта, судебным инстанциям надлежало исходить из необходимости соблюдения баланса интересов взыскателя и должника как участников исполнительного производства с учетом гарантированных Конституцией Российской Федерации прав Ш. на материнство, на заботу о детях и их воспитание, на сохранение условий, обеспечивающих выполнение ею социальных функций, связанных с материнством и детством. Судам также следовало принять во внимание, что поскольку в силу ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, то защита прав и законных интересов участников исполнительного производства должна быть соразмерной, то есть при защите прав взыскателя (в данном случае юридического лица) не должны нарушаться конституционные права гражданина-должника, что не было учтено судами первой и апелляционной инстанций.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций об отказе Ш. в предоставлении отсрочки исполнения решения суда от 6 апреля 2015 г. в связи с отсутствием исключительных обстоятельств, препятствующих исполнению должником исполнительного документа в установленный срок, Судебная коллегия признала неправомерным.

Определение № 77-КГ17-21

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

12. Наличие у лица требования о возмещении судебных расходов предоставляет ему право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом.

С. обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании общества несостоятельным (банкротом). С. указывала, что ее требования основаны на вступивших в законную силу судебных актах, согласно которым общество обязано выплатить С. суммы государственной пошлины, вознаграждение арбитражного управляющего по делу о банкротстве, а также иные судебные расходы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда

округа, требование С. признано необоснованным, во введении процедуры наблюдения в отношении должника отказано, производство по делу прекращено. Суды сослались на положения ст. 3, 6, 7, п. 3 ст. 48 и ст. 59 Закона о банкротстве и указали, что требования с подобной правовой природой не предоставляют права на возбуждение дела о несостоятельности организации, поскольку прямо не поименованы в ст. 4 Закона о банкротстве.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Статья 4 Закона о банкротстве предполагает возможность возбуждения дела о банкротстве на основании любых денежных обязательств или обязательных платежей. Так, применительно к денежным обязательствам в абзаце втором указанного пункта законодателем употреблено словосочетание «в том числе», что свидетельствует об открытости перечня таких обязательств в целях принятия их во внимание для учета формальных признаков банкротства.

При этом из открытого перечня денежных обязательств и обязательных платежей законодателем предусмотрены исключения. Обязательства, на которые распространяются названные исключения, не предоставляют права на инициирование процедуры банкротства. Названный список исключений является закрытым.

Если обязательство не относится к этому списку, оно учитывается при определении наличия признаков банкротства должника.

По своей правовой природе обязательство по выплате судебных расходов является обязательством о возмещении убытков независимо от того, возникло оно в материальных или процессуальных правоотношениях. Поскольку такие убытки составляют реальный ущерб лица, в пользу которого они взысканы, а не упущенную выгоду, судебные расходы не поименованы в списке исключений п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве, и соответствующее денежное обязательство предоставляет право на инициирование процедуры несостоятельности.

Определение № 307-ЭС17-14888

13. По общему правилу продажа находящегося и не находящегося в залоге имущества должника единым лотом допустима только с согласия залоговых кредиторов.

Большинством голосов на собрании кредиторов должника были приняты решения об одобрении результатов проведенной оценки рыночной стоимости имущества должника, а также об утверждении Положения о порядке и условиях проведения торгов по продаже

имущества должника (далее – Положение о продаже), в котором залоговое имущество было предложено к продаже вместе с незалоговым.

Полагая, что принятые решения собрания кредиторов не отвечают требованиям закона и нарушают права кредиторов, несколько кредиторов обратилось в арбитражный суд с заявлениями о признании их недействительными.

Определением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены. Суд руководствовался положениями ст. 12, 15 и 131 Закона о банкротстве с учетом разъяснений, изложенных в п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» (далее – постановление № 58), и исходил из того, что в составе имущества, подлежащего продаже, находится залоговое имущество конкретных залоговых кредиторов, в отношении данного имущества собрание кредиторов не вправе принимать решение о порядке и условиях его продажи.

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявлений отказано. По мнению суда, законом не предусмотрено, что продажа предмета залога в составе единого лота вместе с незалоговым имуществом возможна исключительно с согласия залоговых кредиторов. Реализация имущества единым лотом позволит получить наиболее высокую цену и максимально удовлетворить требования кредиторов, поскольку залоговое и незалоговое имущество взаимосвязаны и представляют собой действующий производственный комплекс. Кроме того, продажа единым лотом позволит избежать необоснованного увеличения расходов по проведению процедур банкротства.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В условиях, когда в залог передана часть имущественного комплекса должника (конкурсной массы), а другая его часть свободна от залога, с учетом того фактора, что ранее в хозяйственной деятельности использование всей совокупности имущества было подчинено одной общей цели, в рамках дела о банкротстве между залоговыми и незалоговыми кредиторами могут возникать объективные противоречия относительно выработки стратегии по поводу определения дальнейшей судьбы имущества, а именно продавать ли имущество должника по отдельности либо единым лотом. Подобные конфликты необходимо разрешать исходя из целей законодательного регулирования процедуры конкурсного производства – наиболее полного соразмерного удовлетворения требований кредиторов с учетом принципов очередности и

пропорциональности, а также особого правового статуса залогового кредитора.

Согласно сложившейся судебной практике продажа заложенного имущества в составе единого лота вместе с имуществом незаложенным возможна только с согласия залогового кредитора и только при условии выделения (установления порядка выделения, в том числе в отчете об оценке имущества) доли залогового кредитора в составе полученной выручки (п. 4 ст. 18¹, п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве, пп. 9 и 14 постановления № 58, постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 14016/10, определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2014 г. № 306-ЭС14-60). Отступление от названного подхода (преодоление отказа залогового кредитора) допустимо только в исключительных случаях при явно недобросовестном уклонении залогодержателя от дачи согласия на продажу имущества в составе единого лота (в частности, когда для него явно намного выгоднее продать имущество единым лотом, но он по каким-либо иным причинам, не связанным с экономической целесообразностью, не соглашается с подобными условиями, причиняя тем самым вред остальным кредиторам), учитывая техническую невозможность оставления заложенного имущества в составе единого лота за собой в случае признания повторных торгов несостоявшимися. Однако применительно к рассматриваемому обособленному спору подобная недобросовестность залоговых кредиторов судами не установлена.

Определение № 305-ЭС16-10852 (3)

14. Решение общего собрания кредиторов о замещении активов должника в случае, когда реализация этих объектов как имеющих социальное значение возможна только в соответствии со специальными положениями законодательства, является недействительным.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) муниципального унитарного предприятия (далее – предприятие, должник) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений общего собрания кредиторов должника о замещении активов должника путем создания на базе его имущества акционерного общества и об утверждении плана осуществления процедуры замещения активов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что продажа акций созданного на базе имущества предприятия акционерного общества должна обеспечить поступление денежных средств в конкурсную массу; продажа

акций экономически оправдана. Кроме того, суды сочли, что доказательства, подтверждающие нарушение оспариваемыми решениями прав и законных интересов общества, оно не представило. Также общество, по мнению судов, не подтвердило возможность наступления неблагоприятных последствий в результате исполнения оспариваемых решений.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала недействительными решения общего собрания кредиторов по следующим основаниям.

По общему правилу в соответствии с п. 1 ст. 141 Закона о банкротстве на основании решения собрания кредиторов в ходе конкурсного производства может быть проведено замещение активов должника. Однако в отношении социально значимых объектов законодатель предусмотрел специальный порядок их реализации. Этот порядок обеспечивает надлежащий баланс между интересами конкурсных кредиторов, претендующих на удовлетворение требований за счет должника, и публичным интересом в сохранении целевого назначения данных объектов. Так, п. 4 ст. 132 Закона о банкротстве установлены особенности продажи социально значимых объектов. Их реализация осуществляется путем проведения торгов в форме конкурса. На покупателей таких объектов возлагаются обязанности по обеспечению надлежащего содержания приобретенного имущества и по его использованию согласно целевому назначению. При замещении активов соответствующие обязанности не возлагаются ни на вновь образованные акционерные общества, ни на покупателей акций данных обществ.

Таким образом, проведение процедуры замещения активов в отношении социально значимых объектов, по сути, направлено на обход законодательных ограничений, установленных в отношении этих объектов при смене их собственника вследствие банкротства. Такой обход закона недопустим (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Социально значимые объекты, вопреки выводам судов, могли быть реализованы исключительно путем их продажи на торгах в форме конкурса.

Определение № 301-ЭС17-14863

Практика применения земельного законодательства

15. Если при отчуждении помещений в здании невозможен выдел земельного участка, расположенного под данными помещениями, земельный участок поступает в общую долевую собственность продавца и покупателя. Право собственности на долю в праве на земельный участок возникает у покупателя помещений в силу закона с момента государственной регистрации перехода к нему права собственности на помещения в здании.

Общество является собственником земельного участка. Компания в 2002 году приобрела по договорам купли-продажи у общества нежилые помещения в здании, расположенном на данном земельном участке. В договоре передаваемое покупателю недвижимости право на землю не определено, стороны согласовали, что условия землепользования определяются в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации; права на земельный участок регулируются ст. 552 ГК РФ и 35 ЗК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании неосновательного обогащения в виде сбережения арендной платы за пользование земельным участком под принадлежащими компании помещениями в здании.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Арбитражный суд округа постановлением отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

До принятия Федерального закона от 26 июня 2007 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части приведения их в соответствие с Земельным кодексом Российской Федерации» положениями ст. 273 и 552 ГК РФ допускалась возможность указания в договоре на то, что покупателю будет принадлежать иное право на соответствующую часть земельного участка – не право собственности. Однако данная возможность должна была быть прямо выражена в договоре.

В силу ст. 273, 552 ГК РФ, подп. 5 п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 35 ЗК РФ и условий договоров купли-продажи, несмотря на то, что земельный участок и проданные истцом помещения являлись самостоятельными объектами гражданских прав, на момент продажи они принадлежали одному лицу и в данном случае в обороте участвовали совместно. Следовательно, применению подлежит общее правило о том, что к покупателю земельный участок переходит на том же праве, что и у продавца.

При этом в силу п. 2 ст. 552 ГК РФ и учитывая, что иное не предусмотрено законом и договорами продажи недвижимости, установленная в них цена помещений в здании включала цену передаваемого с этим недвижимым имуществом права собственности на соответствующую долю в праве собственности на земельный участок.

Суд округа, отменяя постановление суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, исходил из того, что по спорным договорам купли-продажи покупателю передавались нежилые помещения, то есть часть здания, а не отдельно стоящее здание, и посчитал, что, по смыслу подп. 1 п. 4 ст. 35 ЗК РФ, в таком случае при отчуждении части здания не требуется одновременного отчуждения земельного участка, занятого зданием. Возможность перехода к приобретателю части здания доли в праве собственности на земельный участок указанным пунктом в редакции, действовавшей на момент заключения договоров купли-продажи, не предусматривалась.

Судебная коллегия считает, что суд округа неправильно применил к спорным правоотношениям названную норму, которая не может быть истолкована в качестве исключения из принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимого имущества, поскольку этим пунктом урегулированы иные случаи – возникновения права собственности на отдельный самостоятельный земельный участок у покупателя и прекращения соответствующего права у продавца. При этом в случаях, когда часть здания может быть выделена вместе с частью земельного участка и выделенная часть участка становится самостоятельным объектом гражданских прав, такие объекты подлежат продаже совместно. Если же при отчуждении помещений в здании выдел земельного участка, влекущий создание нового объекта гражданских прав, осуществить нельзя, совместно с помещениями в здании индивидуально определенный земельный участок продан быть не может в связи с невозможностью его образования, и в таких случаях в силу п. 4 ст. 244 ГК РФ земельный участок поступает в общую долевую собственность продавца и покупателя. Право собственности на долю в праве на земельный участок возникает у покупателя помещений в силу закона с момента государственной регистрации перехода к нему права собственности на помещения в здании (ст. 131, п. 2 ст. 223, п. 4 ст. 244 ГК РФ).

В связи с приобретением компанией доли в праве на земельный участок она обязана уплачивать земельный налог. В случае если после возникновения долевой собственности земельный налог был полностью уплачен обществом, оно вправе требовать возмещения расходов на уплату земельного налога по правилам о неосновательном обогащении. Поскольку в рамках данного дела такой иск заявлен не был, иск о взыскании неосновательно сбереженных средств в размере арендной платы удовлетворению не подлежал.

Определение № 307-ЭС17-5707

16. Граждане или юридические лица, являющиеся арендаторами земельного участка, находящегося в публичной собственности, имеют

право на заключение нового договора аренды такого земельного участка в указанных п. 3 ст. 39⁶ ЗК РФ случаях только при наличии в совокупности условий, содержащихся в п. 4 данной статьи.

В 2007 году распоряжением уполномоченного органа муниципального образования (далее – департамент) некоммерческому партнерству сроком на три года предоставлен в аренду земельный участок для строительства многопрофильного спортивно-оздоровительного комплекса. Департаментом и некоммерческим партнерством заключен соответствующий договор аренды сроком до 2010 года.

В 2013 году стороны продлили срок действия договора до 26 июня 2016 г.

По условиям договора арендатор имеет право заключить по истечении срока договора новый договор на согласованных сторонами условиях или продлить срок аренды участка на прежних условиях по письменному заявлению, переданному арендодателю не позднее чем за три месяца до истечения срока настоящего договора, за исключением случаев, предусмотренных земельным законодательством Российской Федерации.

Со ссылкой на то, что департамент отказал некоммерческому партнерству в заключении договора на новый срок, последнее обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление некоммерческого партнерства удовлетворено, на департамент возложена обязанность направить некоммерческому партнерству проект договора аренды в течение 10 дней со дня принятия решения суда. Суды исходили из того, что некоммерческим партнерством проведены значительные подготовительные работы, а также действия, направленные на освоение спорного земельного участка, оно не могло уложиться в срок, установленный договором, в том числе по независящим от него причинам.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 39⁶ ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи.

В соответствии с п. 15 ст. 39⁸ ЗК РФ арендатор земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, не имеет преимущественного права на заключение на новый срок договора аренды такого земельного участка без проведения торгов.

Случаи, при которых допускается заключение нового договора аренды, установлены п. 3 ст. 39⁶ ЗК РФ, а условия реализации такого права – п. 4 данной статьи.

Некоммерческому партнерству земельный участок был предоставлен без проведения торгов, поэтому в силу подп. 1 п. 3 ст. 39⁶ ЗК РФ заявитель имеет право на заключение нового договора аренды без проведения торгов при наличии в совокупности условий, перечисленных в п. 4 ст. 39⁶ ЗК РФ.

Для заключения с некоммерческой организацией договора аренды без проведения торгов отсутствовало условие, установленное подп. 4 п. 4 ст. 39⁶ ЗК РФ, поскольку на момент принятия оспариваемого отказа, а также на момент вынесения оспариваемых судебных актов, не имелось оснований, предусмотренных подп. 1–30 п. 2 ст. 39⁶ ЗК РФ, что не оспаривалось некоммерческим партнерством в ходе рассмотрения спора, и в отзыве на кассационную жалобу. Объектов незавершенного строительства на спорном земельном участке, дающих право на заключение договора аренды без торгов однократно для завершения их строительства собственникам объектов незавершенного строительства, также не имелось (подп. 10 п. 2 ст. 39⁶ ЗК РФ, п. 21 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»).

Ссылка судов на необходимость оценивать действия сторон как добросовестные или недобросовестные с целью применения п. 1 ст. 10 ГК РФ к спорным правоотношениям при рассмотрении данного дела не основана на нормах земельного законодательства и фактически вводит дополнительный критерий для предоставления земельного участка без проведения торгов взамен условий, предусмотренных подп. 4 п. 4, подп. 1–30 п. 2 ст. 39⁶ ЗК РФ.

Правовая позиция, сформулированная в определении Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 304-ЭС16-6168, не подлежала применению к спорным правоотношениям, поскольку основана на иных фактических обстоятельствах. Общий срок аренды некоммерческим партнерством спорного земельного участка на момент рассмотрения дела судами составил более девяти лет; судебные споры по вопросу о выдаче разрешения на строительство возникли по истечении более восьми лет со дня предоставления земельного участка в аренду, а первоначальное разрешение на строительство некоммерческое партнерство получило по истечении пяти лет с даты заключения договора.

Определение № 304-КГ17-9125

17. Если лицо приобрело в собственность здание, расположенное на земельном участке, предоставленном продавцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, и не переоформило до 1 июля 2012 г. данное право на право собственности или право аренды, оно

обязано платить за фактическое пользование земельным участком в размере арендной платы на основании нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации.

В 2009 году предприниматель приобрел у общества административное здание, расположенное на земельном участке, право государственной собственности на которое не разграничено, предоставленном продавцу на основании постановления администрации муниципального образования в 1998 году в постоянное (бессрочное) пользование. Право собственности предпринимателя на здание зарегистрировано в 2013 году.

Ни общество, ни предприниматель с заявлением о переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования на право собственности или аренды в отношении указанного земельного участка в срок, установленный п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ), не обращались.

С заявлением о предоставлении участка, занятого зданием и необходимым для его использования, предприниматель обратился в уполномоченный орган только в 2015 году.

По заключенному с уполномоченным органом муниципального образования договору купли-продажи в 2016 году предприниматель приобрел участок в собственность за плату.

Ссылаясь на то, что предприниматель в период с 2013 по 2016 год не платил за пользование спорным земельным участком, на котором расположено принадлежащее ему на праве собственности здание, Комитет земельных отношений обратился в арбитражный суд с иском о взыскании платы за фактическое пользование земельным участком, рассчитанной в размере арендной платы на основании нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации.

Суд первой инстанции удовлетворил требования Комитета в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции и взыскал с ответчика неосновательное обогащение – годовую плату за пользование спорным земельным участком в размере двух процентов кадастровой стоимости участка. Арбитражный суд округа согласился с судом апелляционной инстанции. Суды исходили из того, что при приобретении предпринимателем здания, расположенного на спорном земельном участке, к нему на основании п. 1 ст. 35 ЗК РФ и п. 1 ст. 552 ГК РФ перешло имевшееся у продавца здания право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, занятым зданием; поскольку предприниматель в силу п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ был вправе переоформить указанное право путем заключения договора аренды или купли-продажи, на него распространяются положения данного пункта об

установлении годовой арендной платы в случае переоформления права постоянного (бессрочного) пользования в пределах двух процентов кадастровой стоимости земельного участка.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ (в редакции, действовавшей в спорный период) юридические лица, за исключением указанных в п. 1 ст. 20 ЗК РФ юридических лиц, обязаны переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или приобрести земельные участки в собственность до 1 июля 2012 г. В действующей с 1 марта 2015 г. редакции указанного пункта ст. 3 Закона № 137-ФЗ закреплено аналогичное правило.

В п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» также разъяснено, что, если недвижимость находится на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, а покупателю согласно ст. 20 ЗК РФ (в редакции, действовавшей на момент приобретения предпринимателем здания) земельный участок на таком праве предоставляться не может, последний как лицо, к которому перешло право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в связи с приобретением здания, строения, сооружения, может оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобрести его в собственность в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ.

Согласно ст. 20 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г., и ст. 39⁹ ЗК РФ, действующей в настоящее время, в постоянное (бессрочное) пользование земельные участки предоставляются исключительно органам государственной власти и органам местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждениям, казенным предприятиям, центрам исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий.

Предприниматель не относится к лицам, которым земельные участки могут предоставляться на праве постоянного (бессрочного) пользования, указанное право не было зарегистрировано, не является ранее возникшим, не приобретено в порядке универсального правопреемства, поэтому правовым основанием для взыскания с предпринимателя как фактического пользователя земельного участка являются ст. 1102 ГК РФ, ст. 1 и 65 ЗК РФ.

В случае переоформления в порядке п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков годовой размер арендной платы

устанавливается в пределах двух процентов кадастровой стоимости арендуемых земельных участков. Установленная данным законом льготная ставка арендной платы распространяется исключительно на лиц, которые совершили необходимые юридические действия по переоформлению принадлежащего им права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком на право аренды. При отсутствии переоформления права постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок, право государственной собственности на который не разграничено, плата за пользование таким участком до 1 марта 2015 г. подлежала определению по правилам абзаца пятого п. 10 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, с 1 марта 2015 г. – по правилам, установленным п. 3 ст. 39⁷ ЗК РФ.

Поскольку ни общество до продажи объекта недвижимости по договору в 2009 году, ни предприниматель после приобретения этого объекта не исполнили обязанность, предусмотренную п. 2 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, и не обратились до 1 июля 2012 г. с заявлениями о переоформлении права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком на право аренды, размер платы за пользование участком, право государственной собственности на который не разграничено, подлежит определению на основании действовавших в спорный период нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации об установлении арендной платы.

Определение № 306-ЭС17-13791

18. Размер регулируемой арендной платы за пользование земельным участком, находящимся в собственности субъекта Российской Федерации и используемым для эксплуатации объектов систем электро-, газоснабжения, объектов систем теплоснабжения, объектов централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения федерального, регионального или местного значения, с 1 марта 2015 г. не может превышать размер арендной платы, установленный для соответствующих земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее – министерство) в 2005 году на срок до 2030 года по договору аренды предоставил обществу комплекс зданий, строений и других технических сооружений, составляющих единую систему очистных сооружений.

В 2007 году министерство (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды земельного участка, на котором расположен комплекс очистных сооружений, сроком до 2030 года.

В связи с расторжением договора аренды очистных сооружений судебным актом по другому делу министерство и общество 20 ноября 2015 г. заключили соглашение о расторжении договора аренды земельного

участка, в котором указали, что участок считается переданным арендодателю с 9 октября 2015 г.

Министерство обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по арендной плате за период с 1 октября 2015 г. по 8 октября 2015 г., рассчитав долг в соответствии с нормативным актом субъекта Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Договор аренды заключен сторонами после введения в действие ЗК РФ без проведения торгов в отношении земельного участка, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, следовательно, арендная плата по этому договору является регулируемой.

Пунктом 3 ст. 39⁷ ЗК РФ, вступившим в законную силу с 1 марта 2015 г., предусмотрено, что, если иное не установлено ЗК РФ или другими федеральными законами, порядок определения размера арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные в аренду без торгов, устанавливается: 1) Правительством Российской Федерации в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности; 2) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в отношении земельных участков, находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена; 3) органом местного самоуправления в отношении земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Пунктом 4 ст. 39⁷ ЗК РФ установлено, что размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и предоставленные для размещения объектов, предусмотренных подп. 2 ст. 49 ЗК РФ, а также для проведения работ, связанных с использованием недрами, не может превышать размер арендной платы, рассчитанный для соответствующих целей в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности. К объектам, предусмотренным подп. 2 ст. 49 ЗК РФ, относятся объекты систем электро-, газоснабжения, объекты систем теплоснабжения, объекты централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения федерального, регионального или местного значения. Нормативным правовым актом, устанавливающим размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в федеральной собственности, являются Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли,

находящиеся в собственности Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 582 (далее – Правила № 582).

Согласно п. 5 Правил № 582 арендная плата рассчитывается в соответствии со ставками арендной платы либо методическими указаниями по ее расчету, утвержденными Министерством экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития), в отношении земельных участков, которые предоставлены без проведения торгов для размещения, в частности, линий электропередачи, линий связи, в том числе линейно-кабельных сооружений, трубопроводов и иных объектов, используемых в сфере тепло-, водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод, гидроэлектростанций, тепловых станций и других электростанций, обслуживающих их сооружений и объектов, объектов электросетевого хозяйства и иных определенных законодательством Российской Федерации об электроэнергетике объектов электроэнергетики.

Минэкономразвития во исполнение данного пункта Правил № 582 издало Приказ от 23 апреля 2013 г. № 217 «Об утверждении ставки арендной платы в отношении земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации и предоставленных (занятых) для размещения трубопроводов и иных объектов, используемых в сфере тепло-, водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод» (далее – Приказ № 217), которым утвердило ставку арендной платы в размере 0,7% кадастровой стоимости соответствующего земельного участка в отношении земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации и предоставленных (занятых) для размещения трубопроводов и иных объектов, используемых в сфере тепло-, водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод.

Поскольку спорный земельный участок, находящийся в собственности субъекта, использовался обществом в период действия договора аренды для эксплуатации расположенного на участке комплекса очистных сооружений, с помощью которого осуществляется очистка сточных вод, поступающих от абонентов нескольких районов субъектов Российской Федерации, следовательно, арендная плата за земельный участок, предоставленный для размещения объекта, указанного в подп. 2 ст. 49 ЗК РФ, с 1 марта 2015 г. не может превышать размер арендной платы, рассчитанный по правилам Приказа № 217 для соответствующих целей в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2(2015), утвержденном 26 июня 2015 г. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (вопрос № 7), сформулирована следующая правовая позиция: Правила № 582, которыми определены ставки за федеральные земли, не применяются при определении арендной

платы за земельные участки, находящиеся в собственности субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, земли, право государственной собственности на которые не разграничено; вместе с тем, если ставки утверждены непосредственно федеральным законом, они являются обязательными при определении размера арендной платы для всех публичных собственников.

Поскольку п. 4 ст. 39⁷ ЗК РФ, вступившей в действие с 1 марта 2015 г., установлены случаи, при наличии которых размер арендной платы за некоторые виды публичных земель не может превышать размер арендной платы, установленный в отношении федеральных земель, данная норма Кодекса подлежит применению с указанной даты при определении арендной платы за все публичные земли независимо от того, какие правила установлены нормативными правовыми актами субъектов или муниципальных образований.

Так как арендная плата за пользование земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, не может превышать федеральные ставки в случае, если на участках размещены объекты, предусмотренные подп. 2 ст. 49 ЗК РФ, неверен вывод судов о невозможности применения указанных ставок по причине того, что общество не включено в реестр естественных монополий. Исходя из положений ст. 3, 4, 5, 6 Федерального закона от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» основополагающим признаком субъекта естественной монополии следует считать осуществление данным субъектом деятельности в условиях естественной монополии в сферах, установленных данным Законом, а не факт его включения в реестр естественных монополий, который формируется на основании информации, полученной от различных органов и организаций, а также на основании заявлений самих организаций, осуществляющих указанную деятельность.

Определение № 305-ЭС17-12788

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

19. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, предполагается, что возмездность данной сделки имеет иные, не связанные с денежными основания, в частности вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников.

Кредитором (арендодателем), первоначальным должником (арендатором) и новым должником заключено соглашение о переводе долга об уплате арендных платежей за определенный период с первоначального должника на нового должника.

Новый должник исполнил указанное обязательство и обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов первоначального должника, в отношении которого открыта процедура банкротства, требования о возмещении выплаченных кредитору сумм в качестве арендной платы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования нового должника удовлетворены частично.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления нового должника по следующим основаниям.

Согласно ст. 391 ГК РФ при заключении соглашения о переводе долга первоначальный должник полностью выбывает из основного обязательства, а его место занимает новый должник, который становится обязанным перед кредитором (далее – привативный перевод долга).

В случае исполнения после привативного перевода долга новым должником своих обязательств перед кредитором погашается его собственный долг, при этом подобное исполнение в отличие от случаев поручительства или кумулятивного принятия долга (абзац второй п. 1 ст. 391 ГК РФ) не предоставляет новому должнику прав требования (суброгационных или регрессных) к первоначальному должнику.

Разрешая вопрос о получении новым должником встречного предоставления при привативном переводе долга, необходимо учитывать, что исходя из презумпции возмездности гражданско-правовых договоров (п. 3 ст. 423 ГК РФ) соответствующая сделка действительна и при отсутствии в ней условий о получении новым должником каких-либо имущественных выгод, в том числе оплаты за принятие долга на себя. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируется, что возмездность подобной сделки имеет иные, не связанные с денежными основания, в частности такая возмездность, как правило, вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, в связи с чем в подобной ситуации не применяются правила п. 3 ст. 424 ГК РФ об определении цены в денежном выражении.

Определение № 310-ЭС17-3279(2)

20. Положения п. 2 ст. 334 ГК РФ применяются к отношениям, возникшим из договоров залога, заключенным с 1 июля 2014 г.

Определением суда в состав третьей очереди реестра требований кредиторов должника включено требование банка как обязательство, обеспеченное залогом имущества должника (пяти земельных участков и нежилого здания).

Должник (арендодатель) заключил с третьими лицами (арендаторами) договоры аренды находящегося в залоге у банка имущества.

Банк направил конкурсному управляющему должником требование с указанием на необходимость распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду заложенного в его пользу имущества в порядке, установленном ст. 138 Закона о банкротстве и п. 2 ст. 334 ГК РФ. Конкурсный управляющий должником представил возражение на данное требование банка.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий относительно порядка распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника в виде арендной платы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, разногласия разрешены, установлено, что денежные средства, поступающие в конкурсную массу должника в виде арендной платы от использования третьими лицами заложенного в пользу банка имущества должника, подлежат распределению в соответствии с п. 2 ст. 334 ГК РФ и ст. 138 Закона о банкротстве, то есть требования банка удовлетворяются преимущественно перед требованиями других кредиторов должника. Суды исходили из того, что Закон о банкротстве не содержит норм, устанавливающих порядок распределения денежных средств, поступающих в конкурсную массу должника от сдачи в аренду заложенного имущества, в связи с чем указали, что в силу п. 1 ст. 6 ГК РФ к спорным правоотношениям подлежит применению п. 2 ст. 334 ГК РФ. Поскольку договоры аренды заложенного имущества заключены после вступления в силу п. 2 ст. 334 ГК РФ в редакции Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее – Закон № 367-ФЗ), суды пришли к выводу о том, что выручка от аренды предмета залога должна распределяться преимущественно банку как залоговому кредитору.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и установила, что денежные средства, поступающие в конкурсную массу в виде арендной платы, подлежат распределению в порядке, установленном ст. 134 Закона о банкротстве, по следующим основаниям.

Согласно абзацу четвертому п. 2 ст. 334 ГК РФ залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования также за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами. Указанная норма включена в ГК РФ Законом № 367-ФЗ, вступившим в силу с 1 июля 2014 г.

В соответствии п. 2 ст. 422 ГК РФ закон, принятый после заключения договора и устанавливающий иные правила, чем те, которые действовали при заключении договора, распространяет свое действие на отношения сторон по такому договору лишь в случае, когда в законе это прямо установлено. Закон № 367-ФЗ такой оговорки не содержит.

По общему правилу объем залогового права определяется исходя из даты возникновения залога (ст. 341 ГК РФ). Договор ипотеки заключен 1 июня 2012 г., при этом распространение права залога на полученные в результате использования заложенного имущества доходы (абзац второй п. 1 ст. 340 ГК РФ в редакции до вступления в силу Закона № 367-ФЗ) названный договор не предусматривает, что сторонами не оспаривается.

Учитывая момент возникновения залоговых правоотношений, положения ст. 334 ГК РФ в редакции Закона № 367-ФЗ в данном случае неприменимы, при этом дата заключения договоров аренды заложенного имущества значения не имеет.

Определение № 301-ЭС17-9716

21. В случае представления залогодержателем достаточно серьезных доказательств, указывающих на возникновение залогового права, бремя доказывания условий для отказа в удовлетворении заявленных им требований (возражения о ничтожности договора залога, уничтожении заложенного имущества, приобретения залогового имущества третьим лицом по добросовестности и т.д.) переходит на его процессуальных оппонентов.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования как обеспеченного залогом имущества должника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в реестр включены требования банка, в удовлетворении остальной части заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что банком не представлено доказательств наличия залогового имущества в натуре.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу разъяснений, изложенных в абзаце третьем п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя», на суд, разрешающий обособленный спор о признании требований кредитора залоговыми, возложена обязанность установить факт возникновения залога, в том числе проанализировать

соответствующие юридические основания возникновения залогового права, а также проверить, не прекратилось ли данное право и имеется ли заложенное имущество у должника в натуре.

Исходя из принципа состязательности суд, осуществляя руководство арбитражным процессом, должен правильно распределить бремя доказывания фактических обстоятельств, в том числе принимая во внимание их материально-правовые интересы (ст. 9 АПК РФ).

Так, считающий себя залоговым кредитор, будучи истцом по такого рода обособленным спорам, всегда объективно заинтересован (ст. 4 АПК РФ) в признании его требований обоснованными, в связи с чем на него должна быть возложена первичная обязанность подтвердить основания возникновения залога. На лицо же, имеющее противоположные материальные интересы и не желающее, чтобы требования заявителя были установлены (например, арбитражный управляющий или другие кредиторы), исходя из его правовой позиции по спору может быть возложено бремя по доказыванию оснований прекращения залогового права либо подтверждения выбытия имущества из контроля должника.

В случае представления заявителем достаточно серьезных первичных доказательств и приведения убедительных аргументов, указывающих на возникновение залогового права, бремя доказывания условий для отказа в удовлетворении заявленных им требований (возражения о ничтожности договора залога, уничтожении заложенного имущества, приобретения залогового имущества третьим лицом по добросовестности и т.д.) переходит на его процессуальных оппонентов.

Банком в материалы дела были представлены договоры об ипотеке с выпиской из ЕГРН, из содержания которой следует, что правообладателем спорного объекта является должник, а в пользу банка зарегистрировано обременение в виде ипотеки на данное имущество. Кроме того, банком были представлены договоры о залоге движимого имущества.

Суд не указал, по каким причинам в качестве относимого, допустимого и достоверного доказательства он не принял выписку из ЕГРН, в то время как государственная регистрация права в данном реестре является единственным доказательством существования зарегистрированного права (ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»; до 1 января 2017 г. – абзац второй п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»). Следовательно, для отклонения подобного рода доказательства о существовании объекта залога и залогового права судом должны быть приведены очень веские мотивы (например, имущество уничтожено на момент включения требований в реестр (с приложением соответствующих документов)), что им сделано не было.

Обязав банк (истца) опровергнуть ничем не подтвержденный довод об отсутствии имущества в натуре, суд первой инстанции тем самым

фактически возложил на него негативные последствия процессуального бездействия противоположной стороны и недоказанности ею условий, составляющих основания для отказа в иске, что недопустимо.

При этом следует отметить, что характерная особенность споров об обращении взыскания на заложенное имущество (разновидностью которых является установление залоговых требований в деле о банкротстве) состоит еще и в том, что исполнение судебного акта об удовлетворении требований в условиях отсутствия имущества у ответчика в натуре в любом случае невозможно (например, не могут быть проведены торги, потому что отсутствует их предмет), в связи с чем при наличии возражений противоположной стороны любые сомнения по вопросу о том, имеется ли данное имущество либо нет, по общему правилу должны быть истолкованы в пользу признания наличия залога.

Определение № 305-ЭС17-9931

22. Кредитор вправе взыскать с лица, несвоевременно и (или) не полностью внесшего плату за жилое помещение и коммунальные услуги, сумму финансовой санкции в размере, не превышающем размер ответственности (пеней), установленный ч. 14 ст. 155 ЖК РФ, в том числе и в случае, когда кредитор в обоснование своего требования ссылается на положения п. 1 ст. 395 ГК РФ.

Товарищество собственников жилья (далее – товарищество) осуществляет управление жилым комплексом, часть жилых и нежилых помещений в котором на праве оперативного управления принадлежит федеральному учреждению (далее – учреждение).

Товарищество с 2012 по 2014 год оказывало услуги по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирных домов жилого комплекса. Договор на оказание услуг товарищество и учреждение не заключали.

Определением арбитражного суда по другому делу по иску товарищества к учреждению о взыскании задолженности за оказанные услуги по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирных домов утверждено мировое соглашение, согласно которому учреждение обязалось добровольно уплатить товариществу задолженность в течение 15 дней с даты утверждения мирового соглашения.

Ссылаясь на то, что учреждение оплатило оказанные товариществом услуги за 2012–2013 годы только в мае 2016 года, за период с января по апрель 2014 года – 24 июля 2015 г., за период с мая по ноябрь 2014 года – 31 декабря 2014 г., товарищество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму долга по оплате услуг, оказанных с января 2013 года по ноябрь 2014 года.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении иска отказано. Суд исходил из того, что ч. 14 ст. 155 ЖК РФ установлена ответственность лиц, несвоевременно и (или) не полностью внесших плату за жилое помещение и коммунальные услуги, в виде пеней; согласно разъяснениям, приведенным в п. 61 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», если размер неустойки установлен законом, то в силу п. 2 ст. 332 ГК РФ он не может быть уменьшен по заранее заключенному соглашению сторон, но может быть увеличен, если такое увеличение законом не запрещено, например, не допускается увеличение размера неустоек, установленных ч. 14 ст. 155 ЖК РФ за несвоевременное и (или) неполное внесение лицами платы за жилое помещение и коммунальные услуги; поскольку к спорным правоотношениям применяются специальные нормы права, предусматривающие ответственность за нарушение сроков оплаты оказанных услуг в виде неустойки, удовлетворение иска о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в соответствии со ст. 395 ГК РФ является неправомерным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 154 ЖК РФ плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, в том числе плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме. Лицо, за которым помещения в многоквартирном доме закреплены на праве оперативного управления, в силу норм действующего гражданского и жилищного законодательства обязано нести расходы по оплате оказанных услуг по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома.

Частью 14 ст. 155 ЖК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2016 г.) предусмотрена ответственность лица, несвоевременно и (или) не полностью внесшего плату за жилое помещение и коммунальные услуги, в виде уплаты пеней в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченных в срок сумм за каждый день

просрочки начиная со следующего дня после установленного срока оплаты по день фактической выплаты включительно; увеличение установленных данной частью размеров пеней не допускается. Указанные пени по своей правовой природе являются законной неустойкой (ст. 332 ГК РФ).

Отсутствие у лица, обязанного нести расходы по оплате указанных услуг, надлежаще оформленного договора с лицом, оказывающим эти услуги, в силу действующего жилищного законодательства не может повлечь отказ в удовлетворении требований о взыскании штрафных санкций.

Редакция ст. 395 ГК РФ, действовавшая до 1 июня 2015 г., не содержала запрета на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами в том случае, если законом или соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства. Согласно сложившейся до 1 июня 2015 г. практике применения норм ГК РФ об ответственности за неисполнение денежного обязательства кредитор был вправе предъявить требование о взыскании установленной законом (соглашением сторон) неустойки либо требование о взыскании с должника процентов на основании ст. 395 ГК РФ (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» в редакции до 24 марта 2016 г.).

Поскольку в ч. 14 ст. 155 ЖК РФ указано на невозможность увеличения установленного данной нормой размера неустойки за несвоевременное внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги, сумма процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму долга, не должна превышать размер законной неустойки. Арбитражный суд округа также не учел правовой подход, сформулированный в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июня 2016 г. (раздел «Обязательственное право», вопрос № 2), согласно которому не может служить основанием для отказа в иске о взыскании суммы санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства ее неправильная правовая квалификация истцом, обосновывающим свое требование п. 1 ст. 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на этот случай предусмотрена неустойка; в этом случае суд вправе взыскать проценты в пределах суммы неустойки, подлежащей взысканию в силу закона или договора.

Таким образом, товарищество вправе требовать взыскания с учреждения, несвоевременно внесшего плату за услуги, оказанные в период с января 2013 г. по ноябрь 2014 г. по содержанию и текущему

ремонту общего имущества в многоквартирных домах, процентов в размере, не превышающем неустойку, установленную ч. 14 ст. 155 ЖК РФ.

Определение № 305-ЭС17-10359

23. Заказчик по договору об осуществлении технологического присоединения вправе отказаться от договора на основании положений ст. 782 ГК РФ.

Обществом (заказчиком) и компанией (исполнителем) заключен договор технологического присоединения, по которому общество перечислило компании аванс.

Впоследствии общество в одностороннем порядке отказалось от договора и просило компанию вернуть перечисленные денежные средства.

Отказ компании от возврата аванса послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к компании о взыскании указанной денежной суммы и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон № 35-ФЗ), п. 6 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее – Правила № 861), технологическое присоединение осуществляется на основании договора об осуществлении технологического присоединения к объектам электросетевого хозяйства, заключаемого между сетевой организацией и обратившимся к ней лицом. Указанный договор является публичным. По договору об осуществлении технологического присоединения сетевая организация принимает на себя обязательства по реализации мероприятий, необходимых для осуществления такого технологического присоединения, в том числе мероприятий по разработке и в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации об электроэнергетике, согласованию с системным оператором технических условий, обеспечению готовности объектов электросетевого хозяйства, включая их проектирование, строительство, реконструкцию, к присоединению

энергопринимающих устройств и (или) объектов электроэнергетики, урегулированию отношений с третьими лицами в случае необходимости строительства (модернизации) такими лицами принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства (энергопринимающих устройств, объектов электроэнергетики). Как правило, построенные и реконструированные объекты электросетевого хозяйства не передаются заказчику; силами сетевой организации создаются условия для технологического присоединения энергопринимающих устройств заказчика с согласованной категорией надежности к электрической сети сетевой организации и для последующей передачи заказчику электрической энергии с определенными физическими характеристиками. В свою очередь, заказчик вносит сетевой организации плату по договору об осуществлении технологического присоединения с возможным условием об оплате выполнения отдельных мероприятий по технологическому присоединению, а также разрабатывает проектную документацию в границах своего земельного участка согласно обязательствам, предусмотренным техническими условиями, и выполняет технические условия, касающиеся обязательств заказчика (п. 1 ст. 26 Закона № 35-ФЗ и пп. 16, 17 Правил № 861).

В таком виде договор о технологическом присоединении по всем своим существенным условиям соответствует договору о возмездном оказании услуг; к правоотношениям сторон по договору технологического присоединения применяются помимо специальных норм положения гл. 39 ГК РФ, а также общие положения об обязательствах и о договоре (раздел III ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Отсутствие в специальных нормативных актах указания на возможность немотивированного одностороннего отказа от исполнения договора не означает, что такого права у заказчика не имеется.

Иное толкование положений специального регулирования может привести к тому, что при отсутствии интереса заказчика в строительстве объекта, присоединение которого планировалось произвести к электрической сети ответчика, заказчик лишается возможности прекратить договорные отношения в установленных ГК РФ случаях и минимизировать свои убытки как в виде платы за технологическое присоединение, так и в виде предусмотренной договором ответственности за неисполнение обязательств по договору.

Таким образом, общество вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора при условии оплаты исполнителю (компании) фактически понесенных им расходов.

Практика применения законодательства о защите конкуренции

24. Под неопределенным кругом потребителей для целей применения ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» следует понимать множественность (не единичность) числа потребителей, чьи права и законные интересы могут быть затронуты действиями лица, занимающего доминирующее положение на рынке.

Согласно решению антимонопольного органа общество на основании ч. 1 ст. 10 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) признано злоупотребившим доминирующим положением на рынке услуг по вывозу (транспортировке) твердых бытовых отходов. Антимонопольный орган пришел к выводу о том, что используемый обществом порядок заключения договоров на вывоз твердых бытовых отходов путем опубликования в газете публичных оферт, а затем посредством включения в единую квитанцию на оплату жилищно-коммунальных платежей суммы оплаты за вывоз твердых бытовых отходов противоречит Правилам предоставления услуг по вывозу твердых и жидких бытовых отходов, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 10 февраля 1997 г. № 155 и позволяет обществу поддерживать значительную долю на рынке данных услуг. По мнению антимонопольного органа, это может привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и ограничивает право потребителей рассматриваемой услуги (собственников жилых помещений и собственников жилых помещений в многоквартирных домах, выбравших в качестве способа управления домом непосредственное управление) на самостоятельный выбор поставщика (исполнителя).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным указанного решения антимонопольного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, решение антимонопольного органа признано незаконным. Суд исходил из того, что ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции с 5 января 2016 г. действует в новой редакции, и подлежит применению в случаях, когда имеет место недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов неопределенного круга потребителей, в то время как оспариваемое решение антимонопольного органа направлено на защиту интересов собственников жилых помещений г. Тамбова (жилых домов, их частей, комнат в жилых домах) и собственников жилых помещений в

многоквартирных домах, выбравших в качестве способа управления домом непосредственное управление, круг которых является определенным.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд округа по следующим основаниям.

Закон о защите конкуренции исходит из открытого перечня действий, которые могут быть сочтены в качестве злоупотребления доминирующим положением, называя в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции примеры наиболее распространенных видов данного антимонопольного нарушения.

С учетом положений ч. 1 ст. 2 Закона о защите конкуренции, пп. 3–4 ст. 1, абзаца второго п. 1 ст. 10 ГК РФ это означает, что на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, возлагается общая обязанность воздерживаться от такого использования своей рыночной силы, которое бы приводило к негативным последствиям для конкуренции и (или) непосредственному причинению ущерба иным участникам рынка, включая потребителей, извлечению выгоды из использования доминирующего положения в отношениях с ними.

В последнем случае, исходя из разъяснений, данных в п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2008 г. № 30 (редакция от 14 октября 2010 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства», оценка добросовестности поведения доминирующего хозяйствующего субъекта дается с позиций разумности и обоснованности применения им рыночной силы при использовании гражданских прав.

Следовательно, для целей применения ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции (в том числе в редакции, действующей после 5 января 2016 г.) понятие неопределенного круга потребителей используется не в значении невозможности установить число таких лиц на заданный момент времени, а в контексте множественности (не единичности) числа потребителей как участников рынка, чьи права и законные интересы могут быть затронуты действиями лица, занимающего доминирующее положение, исходя из характера допущенного данным лицом злоупотребления имеющейся у него рыночной властью и последствий таких нарушений.

Иной подход к толкованию данной нормы по существу приводит к установлению не оправданных объективными причинами различий в сфере действия запрета злоупотребления правом для доминирующих на рынке субъектов, что не отвечает принципу равенства всех перед законом.

Определение № 310-КГ17-12130

Практика применения законодательства о налогах и сборах

25. Лицо, приобретавшее товары (работы, услуги) по операциям, освобожденным от налогообложения, но получившее от контрагента счет-фактуру с выделением суммы НДС, не лишено права принять к вычету предъявленную сумму налога.

По результатам камеральной налоговой проверки уточненной налоговой декларации общества по НДС налоговый орган принял решения об отказе в привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения и об отказе в возмещении суммы НДС, заявленной к возмещению.

Основанием для принятия указанных решений в части отказа в возмещении НДС послужил вывод налогового органа, что, приобретая в проверяемом периоде у подрядных организаций работы (услуги) по сохранению объекта культурного наследия, его реставрации и приспособлению для современного использования, общество неправомерно включило в состав налоговых вычетов суммы НДС на основании счетов-фактур, выставленных подрядными организациями с выделенной суммой НДС, поскольку указанные работы (услуги), в соответствии с подп. 15 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), освобождены от налогообложения НДС.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений налогового органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды пришли к выводу, что выставленные подрядными организациями счета-фактуры с выделенными суммами НДС не соответствуют положениям п. 5 ст. 169 НК РФ, а потому не могут являться основанием для применения налоговых вычетов по НДС. Суды указали, что общество не имеет права на включение в порядке, предусмотренном ст. 171 и 172 НК РФ, в состав налоговых вычетов по НДС сумм налога, уплаченных обществом подрядным организациям за выполнение спорных работ (услуг), не подлежащих обложению НДС.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 ст. 173 НК РФ сумма НДС, подлежащая уплате в бюджет, исчисляется следующими лицами в случае выставления ими покупателю счета-фактуры с выделением суммы налога: 1) лицами, не являющимися налогоплательщиками, или налогоплательщиками, освобожденными от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога; 2) налогоплательщиками при

реализации товаров (работ, услуг), операции по реализации которых не подлежат налогообложению.

При этом сумма НДС, подлежащая уплате в бюджет, определяется как сумма налога, указанная в соответствующем счете-фактуре, переданном покупателю товаров (работ, услуг).

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 17-П разъяснено, что одним из проявлений диспозитивности в регулировании налоговых правоотношений выступает право лиц, не являющихся плательщиками НДС, или налогоплательщиков, освобожденных от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с его исчислением и уплатой, вступить в правоотношения по уплате данного налога, что в силу п. 5 ст. 173 НК РФ возлагает на таких лиц обязанность выставлять покупателю счет-фактуру с выделением в нем суммы налога и, соответственно, исчислять сумму данного налога, подлежащую уплате в бюджет. Выставленный же покупателю счет-фактура, согласно п. 1 ст. 169 НК РФ, в дальнейшем служит для него основанием для принятия указанных в счете-фактуре сумм налога к вычету.

Как следует из п. 5 ст. 173 НК РФ, обязанность продавца уплатить НДС в бюджет и право покупателя применить налоговый вычет связаны с одним и тем же юридическим фактом – выставлением счета-фактуры: право покупателя на такой вычет ставится в зависимость от предъявления ему продавцом сумм налога на добавленную стоимость в порядке, предусмотренном НК РФ, то есть посредством счета-фактуры (п. 1 ст. 169 НК РФ), а обязанность продавца перечислить сумму этого налога в бюджет обусловлена выставлением им счета-фактуры с выделением в нем соответствующей суммы отдельной строкой.

Таким образом, общество, приобретавшее у подрядных организаций работы (услуги) по сохранению объекта культурного наследия, его реставрации и приспособлению для современного использования и получившее от этих подрядных организаций счета-фактуры с выделением суммы НДС, вправе было применить соответствующие налоговые вычеты, а подрядные организации обязаны уплатить НДС в бюджет. При этом доказательств направленности действий общества и подрядных организаций на получение необоснованной налоговой выгоды не представлено и обществу не вменяется.

Определение № 307-КГ17-12461

Практика применения таможенного законодательства

26. Учитывая закрепленный в п. 6 ст. 3 НК РФ общий для всех обязательных платежей принцип формальной определенности норм, порядок исчисления утилизационного сбора и соответствующие

обязанности плательщиков данного сбора не могут устанавливаться путем применения норм права по аналогии.

Общество заявило к таможенному оформлению товары – новые самоходные погрузчики иностранного изготовления. При обращении в таможенный орган с заявлением о проставлении отметок об уплате утилизационного сбора в паспортах самоходных машин общество представило в таможенный орган расчет утилизационного сбора, в соответствии с которым в основу определения размера сбора положена конструкционная масса погрузчиков, установленная изготовителями. Таможенный орган отказал в проставлении отметок об уплате утилизационного сбора в паспортах самоходных машин в связи с неполной уплатой утилизационного сбора ввиду занижения массы погрузчиков. По мнению таможенного органа, при исчислении сбора помимо конструктивной массы следовало учесть грузоподъемность погрузчиков, что должно влечь соответствующее увеличение размера сбора.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что определение понятия «максимальная технически допустимая масса» в отношении самоходных машин отсутствует как в Перечне видов и категорий самоходных машин и прицепов к ним, в отношении которых уплачивается утилизационный сбор, а также размер утилизационного сбора, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2016 г. № 81 (далее – Перечень), так и в Техническом регламенте Таможенного союза 010/2011 «О безопасности машин и оборудования», утвержденном решением Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 823.

В связи с этим на основании ч. 6 ст. 13 АПК РФ суды применили по аналогии закона положения Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств», утвержденного решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2001 г. № 877, в котором дано определение технически допустимой максимальной массы колесного транспортного средства – установленной изготовителем максимальной массы транспортного средства со снаряжением, пассажирами и грузом.

По аналогии с указанным определением суды пришли к выводу, что для целей расчета утилизационного сбора максимальная технически допустимая масса погрузчика должна определяться путем суммирования массы самоходной машины и ее грузоподъемности. При таком расчете сбора его величина за каждый погрузчик должна составлять двукратный

размер базовой ставки, в то время как обществом утилизационный сбор исчислен исходя из однократного размера базовой ставки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в регулировании обязательных публичных индивидуально возмездных платежей компенсационного фискального характера (фискальных сборов) вправе участвовать Правительство Российской Федерации – в той мере, в какой эти платежи допускаются по смыслу Федерального закона, возлагающего на Правительство Российской Федерации определение в своих нормативных правовых актах порядка их исчисления.

При этом обязательные в силу закона публичные платежи в бюджет, не являющиеся налогами и не подпадающие под данное НК РФ определение сборов и не указанные в нем в качестве таковых, но по своей сути представляющие собой именно фискальные сборы, не должны выводиться из сферы действия ст. 57 Конституции Российской Федерации и развивающих ее правовых позиций об условиях надлежащего установления налогов и сборов, конкретизированных законодателем применительно к сборам, в частности п. 3 ст. 17 НК РФ, которая приобретает тем самым универсальный характер.

Так, для отношений по уплате фискальных сборов в правовом государстве принципиально важным является соблюдение требования определенности правового регулирования, заключающейся в конкретности, ясности и недвусмысленности нормативных установлений, что призвано обеспечить лицу, на которое законом возлагается та или иная обязанность, реальную возможность предвидеть в разумных пределах последствия своего поведения в конкретных обстоятельствах.

С учетом изложенного на отношения по взиманию утилизационного сбора распространяется общий для всех обязательных платежей принцип формальной определенности, нашедший свое закрепление, в частности, в п. 6 ст. 3 НК РФ и состоящий в том, что правила их взимания должны быть сформулированы ясным образом, чтобы обязанность по уплате могла быть исполнена правильно каждым плательщиком и не зависела от усмотрения контролирующих органов.

Это означает, что все существенные элементы юридического состава утилизационного сбора, в том числе его базовая ставка и порядок исчисления, должны быть установлены законом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации. Определение данных элементов и соответствующих им обязанностей плательщиков сбора в рамках правоприменительной деятельности таможенных органов, равно как и

восполнение пробелов в порядке исчисления сбора по аналогии, не может быть признано правомерным.

Утвержденный Правительством Российской Федерации порядок исчисления утилизационного сбора не содержит нормы, предписывающей определять размер сбора в отношении погрузчиков с учетом такой их технической характеристики, как грузоподъемность в дополнение к указанной изготовителем массе самого погрузчика.

Следовательно, именно масса погрузчика необходима для расчета суммы утилизационного сбора, так как влияние этого параметра на процесс утилизации самоходных погрузчиков носит объяснимый характер и получило свое закрепление в Перечне в соответствии с пп. 4–5 ст. 24.1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления».

Принимая во внимание, что расширительное истолкование понятия «максимально допустимая техническая масса» в отношении самоходных машин способно приводить к двукратному изменению размера утилизационного сбора, следует признать, что данный вопрос имеет существенное значение с точки зрения соблюдения принципа формальной определенности норм, регулирующих взимание данного фискального платежа. В связи с этим у судов, при наличии неопределенности в правовом регулировании, отсутствовали законные основания для того, чтобы истолковывать правила исчисления утилизационного сбора в сторону увеличения фискального бремени, возлагаемого на его плательщиков.

Определение № 305-КГ17-12383

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

27. Заявление декларантом либо таможенным брокером (представителем) при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений о качественных характеристиках товаров при условии полного декларирования этих товаров по количественным характеристикам подлежит квалификации по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Общество представило в таможенный орган декларацию на товары для целей таможенного оформления ввезенного на территорию Российской Федерации товара. В ходе проверки правильности классификации товара таможенным органом назначена экспертиза, по результатам которой было выявлено недекларирование по установленной форме товаров, подлежащих таможенному декларированию.

Постановлением таможенного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, с назначением наказания в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что общество задекларировало иной товар, чем тот, который представило к таможенному оформлению, и, соответственно, не задекларировало фактически ввезенный товар, что образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Согласно п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» при разграничении административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена чч. 1 и 2 ст. 16.2 КоАП РФ, необходимо исходить из следующего.

Частью 1 ст. 16.2 КоАП РФ установлена ответственность за недекларирование товаров и (или) транспортных средств, когда лицом фактически не выполняются требования таможенного законодательства по декларированию и таможенному оформлению товара, то есть таможенному органу не заявляется весь товар либо его часть (не заявляется часть однородного товара либо при декларировании товарной партии, состоящей из нескольких товаров, в таможенной декларации сообщаются сведения только об одном товаре или к таможенному оформлению представляется товар, отличный от того, сведения о котором были заявлены в таможенной декларации). Если же товар по количественным характеристикам задекларирован полностью, но декларантом либо таможенным брокером (представителем) в таможенной декларации заявлены не соответствующие действительности (недостоверные) сведения о качественных характеристиках товара, необходимых для таможенных целей, эти действия образуют состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ, при условии, что такие сведения послужили основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера.

Таким образом, ошибка в классификации товара для таможенных целей, не сопряженная с недостоверным декларированием его

количественных характеристик, не может служить основанием для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ.

При этом из содержания положений чч. 1 и 2 ст. 16.2 КоАП РФ следует, что законодатель рассматривает недекларирование товара в качестве правонарушения, имеющего значительно большую общественную опасность для сферы таможенного дела в сравнении с недостоверным декларированием товаров, что находит отражение в несопоставимости размеров санкций, установленных данными нормами. При этом состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 16.2 КоАП РФ, является формальным, в то время как ответственность по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ наступает только при условии, что недостоверное декларирование товара привело к неблагоприятным последствиям – неуплате таможенных пошлин.

Ввезенный товар был полностью задекларирован обществом с указанием сведений о его наименовании и количестве в соответствии с условиями внешнеторгового контракта и товаросопроводительными документами.

Следовательно, в рассматриваемой ситуации имело место заявление недостоверных сведений о качественных характеристиках фактически ввезенного товара, тогда как сам товар задекларирован полностью, что образует состав правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ.

Определение № 307-АД17-8737

28. Неразмещение хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность посредством организации торговой сети, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров и о существенных условиях такого договора не образует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ.

В ходе проведения проверки соблюдения требований, предъявляемых к хозяйствующим субъектам, осуществляющим торговую деятельность посредством организации торговой сети либо поставку продовольственных товаров в торговые сети, установленных чч. 1 и 2 ст. 9 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 381-ФЗ), антимонопольный орган выявил факт отсутствия на сайте общества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – интернет-сайт) информации об условиях отбора контрагентов для заключения договора

поставки продовольственных товаров, а также актуальной информации о существенных условиях такого договора.

Постановлением антимонопольного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч.1 ст. 14.41 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды квалифицировали указанное деяние как непредоставление обществом запрашиваемой контрагентами информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров, о существенных условиях такого договора. Суды также указали, что под непредоставлением информации по запросу контрагента понимается не только уклонение торговой сети от направления контрагенту письменного ответа о способах и формах отбора, но и неразмещение такой информации общедоступным способом для контрагентов на интернет-сайте, так как обращение контрагента к сведениям, размещенным на интернет-сайте торговой сети, является способом запроса информации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ административная ответственность наступает за непредоставление хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность посредством организации торговой сети, запрашиваемой контрагентом информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров, о существенных условиях такого договора.

Исходя из буквального толкования указанной нормы права, правонарушением признается непредоставление соответствующим хозяйствующим субъектом упомянутой информации на запрос, полученный со стороны контрагента.

Учитывая исторический и систематический способы толкования правовых норм, содержащихся в ч. 1 ст. 9 Закона № 381-ФЗ и ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ, ответственность за неразмещение соответствующим хозяйствующим субъектом упомянутой информации на интернет-сайте не предусмотрена ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ.

Такой вывод следует из того, что изначально, в соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона № 381-ФЗ, обязанность хозяйствующего субъекта, осуществляющего торговую деятельность посредством организации торговой сети, обеспечить хозяйствующему субъекту, осуществляющему поставки продовольственных товаров, доступ к информации об условиях

отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров и о существенных условиях такого договора могла быть реализована двумя способами: либо путем размещения соответствующей информации на интернет-сайте, либо путем предоставления запрашиваемой информации безвозмездно в четырнадцатидневный срок со дня получения запроса.

В соответствии с ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ ответственность была предусмотрена за непредоставление хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность посредством организации торговой сети, запрашиваемой контрагентом указанной информации.

За неразмещение такой информации на интернет-сайте административная ответственность не была предусмотрена.

После исключения Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» слов «или путем предоставления запрашиваемой информации безвозмездно в четырнадцатидневный срок со дня получения запроса» соответствующие изменения в ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ внесены не были, хотя другие изменения, касающиеся ответственности указанных хозяйствующих субъектов за правонарушения в данной сфере, этим же законом были предусмотрены.

Учитывая административный характер правоотношений, в которых находятся государственный орган и лицо, привлекаемое к административной ответственности, расширительное толкование норм об административной ответственности не допускается. Административная ответственность, установленная ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ, наступает лишь за те действия, которые прямо предусмотрены диспозицией указанной нормы.

Таким образом, допущенное обществом нарушение требований ч. 1 ст. 9 Закона № 381-ФЗ (в редакции, действующей с 15 июля 2016 г.), выразившееся в неразмещении на интернет-сайте необходимой информации, не может быть квалифицировано как противоправное деяние, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ.

Определение № 304-АД17-12725

29. Изменение наименования юридического лица в связи с приведением его в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ не требует внесения изменений в паспорт сделки и поэтому не влечет применение административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ.

Общество было зарегистрировано, как юридическое лицо в форме закрытого акционерного общества и заключило контракт на поставку белково-витаминно-минерального концентрата, в связи с чем в уполномоченном банке открыт паспорт сделки.

В порядке выполнения требований п. 7 ст. 3 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 99-ФЗ), согласно листу записи Единого государственного реестра юридических лиц, внесена запись о государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы общества в части изменения его наименования.

По мнению таможенного органа, срок представления в уполномоченный банк документов, необходимых для переоформления паспорта сделки, согласно положениям пп. 8.1–8.4 Инструкции Банка России от 4 июня 2012 г. № 138-И «О порядке представления резидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением» – не позднее 28 января 2016 г. включительно. Между тем документы в уполномоченный банк обществом представлены не были, паспорт сделки не переоформлен.

Постановлением таможенного органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

В силу п. 7 ст. 3 Федерального закона № 99-ФЗ учредительные документы, а также наименования юридических лиц, созданных до дня вступления в силу настоящего Федерального закона, подлежат приведению в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ (в редакции настоящего Федерального закона) при первом изменении учредительных документов таких юридических лиц. Изменение наименования юридического лица в связи с приведением его в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ (в редакции настоящего Федерального закона) не требует внесения изменений в правоустанавливающие и иные документы, содержащие его прежнее наименование. Учредительные документы таких юридических лиц до

приведения их в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ (в редакции настоящего Федерального закона) действуют в части, не противоречащей указанным нормам.

Следовательно, в рассматриваемой ситуации изменение наименования общества в связи с приведением его в соответствие с нормами гл. 4 ГК РФ не требует внесения изменений в правоустанавливающие и иные документы, содержащие его прежнее наименование, в том числе в паспорт сделки.

Определение № 305-АД17-11035

30. Началом течения срока давности привлечения к административной ответственности за несвоевременное представление в уполномоченный банк документов и информации, которые необходимы для переоформления паспорта сделки, является день, следующий за последним днем периода, предоставленного уполномоченным органом для исполнения соответствующей обязанности, даже если следующий день является нерабочим (праздничным).

При исполнении условий договора на предоставление беспроцентного займа от общества в уполномоченный банк не поступили заявление, документы и информация, которые необходимы для переоформления паспорта сделки в срок, установленный п. 8.4 Инструкции Банка России от 4 июня 2012 г. № 138-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам документов и информации, связанных с проведением валютных операций, порядке оформления паспортов сделок, а также порядке учета уполномоченными банками валютных операций и контроля за их проведением», а именно не позднее 29 января 2016 г. (пятница).

Постановлением налогового органа от 31 января 2017 г. общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды пришли к выводу, что состав правонарушения в деянии общества имеется, процедура привлечения к ответственности соблюдена, датой совершения правонарушения является 1 февраля 2016 г., вследствие чего срок давности привлечения к ответственности, установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ и равный одному году, налоговым органом соблюден.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Федеральным законом от 5 апреля 2016 г. № 89-ФЗ «О внесении изменений в ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части увеличения срока давности привлечения к административной ответственности за нарушение валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования» (вступил в силу 16 апреля 2016 г.) срок давности привлечения к административной ответственности за соответствующие правонарушения увеличен с одного года до двух лет.

С учетом ст. 1.7 КоАП РФ соответствующая моменту совершения вменяемого обществу правонарушения редакция ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ устанавливала, что постановление по делу об административном правонарушении за нарушение валютного законодательства Российской Федерации не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Ч. 1 ст. 4.8 КоАП РФ предусмотрено, что сроки, установленные настоящим кодексом, исчисляются часами, сутками, днями, месяцами, годами. Течение срока, определенного периодом, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено начало срока.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 14) разъяснено, что срок давности привлечения к ответственности исчисляется по общим правилам исчисления сроков – со дня, следующего за днем совершения административного правонарушения (за днем обнаружения правонарушения). В случае совершения административного правонарушения, выразившегося в форме бездействия, срок привлечения к административной ответственности исчисляется со дня, следующего за последним днем периода, предоставленного для исполнения соответствующей обязанности. Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации предельным сроком исполнения обязанности по представлению документов являлось 29 января 2016 г. (пятница), вследствие чего 30 января 2016 г. (суббота) срок являлся пропущенным и именно в эту дату правонарушение считается совершенным. Соответственно, с 30 января 2016 г. начал исчисляться

годовой срок давности привлечения к ответственности, вследствие чего привлечение к ответственности 31 января 2017 г. незаконно.

Определение № 305-АД17-13725

***Практика применения законодательства
о социальном страховании***

31. Довод территориального фонда обязательного медицинского страхования о нецелевом использовании медицинской организацией выделенных денежных средств, выразившемся в осуществлении стимулирующих выплат в рамках региональной программы модернизации здравоохранения отдельным категориям медицинских работников, признан судом неправомерным.

Территориальным фондом обязательного медицинского страхования (далее – территориальный фонд) проведена проверка использования медицинской организацией средств, полученных на финансовое обеспечение региональной программы модернизации здравоохранения.

По результатам проверки территориальный фонд пришел к выводу о нецелевом использовании выделенных средств, выразившемся в осуществлении стимулирующих выплат в рамках указанной программы медицинским работникам, не имеющим профессионального образования надлежащего уровня.

В частности, произведена выплата стимулирующих надбавок медицинским сестрам, окончившим двухгодичные курсы медицинских сестер обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в период с 1966 по 1968 год, рентгенолаборанту, окончившему годовые курсы по подготовке медицинских сестер для детских яслей в период с 1966 по 1967 год, и не имеющим сертификата специалиста, заведующей клинико-диагностической лабораторией и врачам клинической лабораторной диагностики, при отсутствии соответствующего занимаемой должности высшего медицинского образования, но имеющим высшее профессиональное (немедицинское) образование.

Территориальный фонд обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с медицинской организации средств обязательного медицинского страхования, использованных не по целевому назначению.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленное требование удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции, постановление суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 60 «О порядке реализации мероприятий по повышению доступности амбулаторной медицинской помощи, проводимых в рамках региональных программ модернизации здравоохранения субъектов Российской Федерации» (далее – постановление Правительства РФ № 60) перечень должностей специалистов с высшим и средним медицинским образованием, участвующих в реализации мероприятий по повышению доступности амбулаторной медицинской помощи, а также методика оценки их деятельности устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в соответствии с показателями оценки указанной деятельности, устанавливаемыми Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Таким образом, для осуществления специалистам дополнительных денежных выплат в рамках мероприятий по повышению доступности амбулаторной медицинской помощи обязательно наличие высшего и среднего медицинского образования, а также выполнение перечня работ и услуг для диагностики и лечения заболевания.

Согласно приказу Министерства здравоохранения СССР от 19 октября 1954 г. № 206-м лицам, окончившим двухгодичные курсы медицинских сестер обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР без отрыва от производства, присваивалась квалификация медицинской сестры с законченным средним медицинским образованием с распространением на них всех прав и льгот, установленных для медицинских сестер с законченным средним медицинским образованием. Названный приказ не отменен и не признан утратившим силу.

Приказом Министерства здравоохранения СССР от 13 июля 1989 г. № 418 лица, окончившие годичные курсы по подготовке медицинских сестер для детских яслей, получившие свидетельство об окончании обучения, были допущены к замещению должностей постовых медицинских сестер дома ребенка, диетсестер молочной кухни, медицинских сестер поликлиники (поликлинического отделения) по обслуживанию детей дошкольных учреждений.

Поскольку в дальнейшем федеральными органами исполнительной власти в области здравоохранения не издавались нормативные правовые акты, касающиеся ранее существовавшего порядка подготовки и занятия медицинской деятельностью лиц, окончивших двухгодичные курсы медицинских сестер обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и годичные курсы по подготовке медицинских сестер для детских яслей, Министерство здравоохранения Российской Федерации в письме от 8 ноября 2016 г. № 16-5/2096392 полагает возможным продолжение профессиональной деятельности медицинскими работниками, прошедшими обучение на указанных курсах, занимающими соответствующие должности без сертификата специалиста, при условии

периодического повышения квалификации по соответствующим специальностям в образовательных организациях дополнительного профессионального образования.

Таким образом, судами сделан неверный вывод, что медицинские сестры не имели необходимого уровня образования и сертификата специалиста, и поэтому не имели права участвовать в реализации региональной программы модернизации здравоохранения и получать стимулирующие выплаты.

Вместе с тем решением Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № АКПИ12-1323, принятым по заявлению о признании частично недействующими пп. 1 и 3 постановления Правительства РФ № 60 в части, предусматривающей распространение его действия лишь на специалистов с высшим и средним медицинским образованием, установлено, что врачом-специалистом может быть только лицо, получившее высшее медицинское образование.

Принимая во внимание названное решение Верховного Суда Российской Федерации, в отношении врачей клинической лабораторной диагностики и заведующей клинико-диагностической лабораторией выводы судов являются правильными.

Определение № 303-ЭС17-9696

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Назначение наказания

32. Использование оружия при совершении убийства признано в качестве отягчающего наказание обстоятельства, поскольку данное обстоятельство не является признаком состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

По приговору суда М. осужден по ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 222 УК РФ.

В апелляционных жалобах осужденный М. и его защитники оспаривали приговор в части назначенного М. наказания. Авторы жалоб указывали, что суд первой инстанции необоснованно признал отягчающим наказание обстоятельством, предусмотренным п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, совершение убийства с использованием огнестрельного оружия и боеприпасов.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в отношении М. без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения, указав следующее.

Согласно п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления с использованием оружия признается отягчающим наказание

обстоятельством. Поэтому суд первой инстанции, установив, что убийство потерпевшего совершено с применением огнестрельного оружия, обоснованно признал данное обстоятельство отягчающим наказание осужденного. Статьей 105 УК РФ совершение убийства с использованием оружия не предусмотрено в качестве признака состава преступления и квалифицирующего признака убийства.

Определение № 43-АПУ17-3

Процессуальные вопросы

33. Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления.

По приговору суда Б. и М. осуждены по ч. 1 ст. 286 УК РФ (два эпизода).

В апелляционных жалобах осужденные просили приговор отменить в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, выразившимся в том, что уголовное дело в отношении осужденных рассмотрено судьей, который ранее рассматривал в особом порядке, предусмотренном гл. 40¹ УПК РФ, выделенное в отдельное производство уголовное дело в отношении соучастников преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

Как следует из приговора, Б., являясь должностным лицом, действуя с М., а также с двумя лицами, уголовное преследование в отношении которых прекращено 28 июля 2015 г. в связи с примирением с потерпевшими, умышленно дважды совершили действия, явно выходящие за пределы их полномочий и повлекшие существенное нарушение прав граждан.

Дела в отношении обвиняемых по данному делу Г. и П. были выделены в отдельное производство в связи с заключением указанными лицами досудебных соглашений и рассмотрены судьей Камчатского краевого суда М., которая 28 июля 2015 г. в предварительном слушании вынесла в отношении Г. и П. постановления о прекращении в отношении их уголовных дел в связи с примирением с потерпевшими.

После рассмотрения дел в отношении Г. и П. дело в отношении Б. и М. поступило для рассмотрения по существу в Камчатский краевой суд и было рассмотрено тем же судьей.

Г. и П., заключившие досудебные соглашения о сотрудничестве, были допрошены в ходе судебного разбирательства, давали показания,

которые положены в обоснование обвинительного приговора в отношении Б. и М., и тот факт, что судья М. ранее рассматривала в отношении их уголовные дела, дает основание усомниться в его беспристрастности.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», «...в силу конституционных принципов независимости, объективности и беспристрастности судей, а также по смыслу положений статьи 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвинялось такое лицо, в том числе и тех, с которыми также заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников преступления, в совершении которого обвиняется лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может участвовать в рассмотрении уголовного дела в отношении такого лица».

С учетом изложенного Судебная коллегия пришла к выводу о том, что по настоящему делу были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, выразившиеся в рассмотрении дела в отношении Б. и М. незаконным составом суда, что является безусловным основанием к отмене приговора в соответствии со ст. 389¹⁷ УПК РФ.

Определение № 60-АПУ17-3сс

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

34. Рассмотрение дела о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа осуществляется в соответствии с нормами КАС РФ, в том числе его положений об обжаловании судебных актов в суде апелляционной и кассационной инстанций.

Также следует учитывать конкретные обстоятельства дела, в том числе наличие (отсутствие) у несовершеннолетнего заболеваний, препятствующих его содержанию и обучению в указанном учреждении.

С целью предупреждения совершения общественно опасных деяний территориальной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав принято решение ходатайствовать перед районным судом о

помещении несовершеннолетнего Я. в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа сроком на три года.

Постановлением судьи районного суда, оставленным без изменения постановлением председателя областного суда, несовершеннолетний Я. направлен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа сроком на три года и до направления в это учреждение помещен в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.

Принимая такое решение, суд исходил из того, что несовершеннолетний Я. неоднократно совершал противоправные деяния, отрицательно характеризуется и был поставлен на соответствующий учет в органах внутренних дел. Также суд пришел к выводу об отсутствии у Я. заболеваний, препятствующих содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа.

Председатель областного суда отказал в удовлетворении ходатайства адвоката несовершеннолетнего Я. об участии его и законных представителей несовершеннолетнего при рассмотрении жалобы на постановление судьи районного суда, указав, что такая жалоба рассматривается председателем вышестоящего суда без проведения судебного заседания.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации устанавливает виды судопроизводства, посредством которых реализуется судебная власть: конституционное, гражданское, административное и уголовное (чч. 1 и 2 ст. 118). Данное конституционное положение не исключает наличия в рамках этих видов судопроизводства специальных процедур рассмотрения отдельных категорий дел.

Вместе с тем само по себе закрепление в отдельном законодательном акте особенностей рассмотрения той или иной категории дел недостаточно для полноценного правового регулирования процедуры судебного разбирательства. Такие специальные нормы не могут рассматриваться как отменяющие действие общих процессуальных правил разрешения соответствующих дел. Иное означало бы возможность судебной деятельности вне рамок предусмотренных Конституцией Российской Федерации процессуальных форм осуществления судебной власти, что приводило бы к нарушению конституционных прав и свобод граждан.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних» (далее – Закон об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, Закон) относит к ведению суда рассмотрение материалов о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, определяя порядок и сроки их рассмотрения, а также порядок обжалования соответствующего постановления судьи.

При этом ст. 30 Закона не предусматривает возможности проверки законности судебного постановления о помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в судебном заседании, лишая лиц, участвующих в деле, процессуальных гарантий, установленных федеральным процессуальным законом (КАС РФ), который не исключает участия председателя вышестоящего суда, в частности, в качестве судьи кассационного суда.

Вместе с тем, изложенное судом учтено не было, судебное разбирательство, в полной мере учитывающее интересы ребенка и гарантирующее соблюдение его процессуальных прав, не проведено.

Несовершеннолетнему Я., его адвокату, родителям или иным законным представителям не была представлена возможность участвовать в судебном заседании по проверке не вступившего в законную силу постановления судьи судом в коллегиальном составе в порядке ч. 3 ст. 29 КАС РФ, что лишило указанных лиц процессуальных гарантий, установленных названным кодексом.

Кроме того, пп. 4–7 ст. 15 Закона об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних предусмотрено, что несовершеннолетний, нуждающийся в особых условиях воспитания, обучения, который совершил противоправное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, может быть направлен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года.

В специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа не могут быть помещены несовершеннолетние, имеющие заболевания, препятствующие их содержанию и обучению в указанных учреждениях (п. 8 ст. 15 Закона).

Согласно Перечню заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органов управления образованием, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 518, любая форма активного туберкулеза, невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства, расстройства психологического развития являются заболеваниями, препятствующими содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа.

Для определения возможности помещения несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа медицинские организации проводят их медицинское, в том числе психиатрическое, освидетельствование. Для подготовки рекомендаций по оказанию несовершеннолетнему, в отношении которого рассматривается вопрос о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, психолого-медико-педагогической помощи и определению форм его дальнейшего обучения и воспитания психолого-медико-педагогическая комиссия проводит на основании постановления начальника органа внутренних дел или прокурора комплексное обследование несовершеннолетнего (пп. 3 и 4¹ ст. 26 Закона об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних).

Приведенные законоположения также не были учтены судом при рассмотрении дела.

Так, в материалах дела имелись сведения о том, что несовершеннолетний Я. имеет ограниченные возможности здоровья, обусловленные задержкой психического развития, а также ряд заболеваний.

В этой связи территориальная психолого-медико-педагогическая комиссия в соответствующем заключении рекомендовала оказать несовершеннолетнему Я. психолого-медико-педагогическую помощь – организовать консультацию психолога.

Сведений о необходимости помещения Я. в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа указанное заключение не содержало.

Таким образом, судом не были приняты предусмотренные КАС РФ меры для полного и правильного установления фактических обстоятельств дела и их всестороннего исследования с учетом закрепленного в п. 7 ст. 6 данного кодекса принципа состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда.

Определение № 8-КГ17-10

35. Отсутствие государственной регистрации публичного сервитута не является препятствием для рассмотрения и разрешения судом административного искового заявления о признании недействующим нормативного правового акта, установившего данный сервитут.

Решением органа местного самоуправления на определенный срок установлен публичный сервитут для прохода или проезда к водному объекту общего пользования и его береговой полосе в административных границах сельского поселения.

В. обратился в суд с административным иском с заявлением об оспаривании этого решения, ссылаясь на то, что в результате его принятия у неопределенного круга лиц возникло неограниченное право пользования принадлежащими ему на праве собственности земельными участками, тогда как у административного ответчика имелась иная возможность для обеспечения доступа граждан к водным объектам общего пользования.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление оставлено без рассмотрения.

При этом суд исходил из того, что установленный оспариваемым решением органа местного самоуправления публичный сервитут в установленном порядке не зарегистрирован, в связи с чем административный истец не является субъектом правоотношений, регулируемых оспариваемым решением, которое не подлежит исполнению до регистрации сервитута. Таким образом, решение органа местного самоуправления не нарушает прав, свобод и законных интересов В.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу, указав следующее.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным Кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части.

В силу положений ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным иском с заявлением о признании нормативного правового акта недействующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Согласно ст. 23 ЗК РФ публичный сервитут устанавливается нормативным правовым актом органа местного самоуправления в случаях, если это необходимо для обеспечения интересов государства, местного самоуправления или местного населения, без изъятия земельных участков. Установление публичного сервитута осуществляется с учетом результатов общественных слушаний (п. 2).

Лица, права и законные интересы которых затрагиваются установлением публичного сервитута, могут осуществлять защиту своих прав в судебном порядке (п. 8).

Частями 2 и 3 ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определено, что муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, вступают в силу после их официального опубликования (обнародования).

Из содержания оспариваемого решения органа местного самоуправления, опубликованного на официальном сайте сельского поселения, а также протокола публичных слушаний, заключения о результатах публичных слушаний, схемы сервитута следует, что административный истец является субъектом правоотношений, регулируемых этим решением.

При этом само по себе отсутствие государственной регистрации публичного сервитута не является препятствием для рассмотрения и разрешения судом административного иска о признании недействующим нормативного правового акта, установившего данный сервитут.

Определение № 49-КГ17-29

36. Правовое регулирование, предусматривающее необходимость получения предварительного согласия законодательного органа субъекта Российской Федерации на передачу религиозным организациям объектов религиозного назначения, являющихся объектами культурного наследия и находящихся в государственной собственности субъекта Российской Федерации, не противоречит действующему федеральному законодательству.

Законодательным Собранием Красноярского края принят Закон Красноярского края № 12-5650 «Об управлении государственной собственностью Красноярского края».

Согласно п. 4 ст. 31 этого закона, если балансовая стоимость имущества Красноярского края, отчуждаемого по одному договору, или общая балансовая стоимость имущества Красноярского края, отчуждаемого одному лицу по нескольким договорам, составляет 15 миллионов рублей и более, отчуждение такого имущества может быть произведено только с предварительного согласия Законодательного Собрания Красноярского края, за исключением случаев отчуждения имущества, которым учреждения Красноярского края в соответствии с федеральным законом вправе распоряжаться самостоятельно, а также иных случаев, предусмотренных настоящим законом.

Согласно подп. «б» п. 4 ст. 32 этого же закона требование о согласовании отчуждения имущества с Законодательным Собранием Красноярского края, предусмотренное п. 4 ст. 31 настоящего закона, не применяется в случаях безвозмездной передачи религиозным

организациям имущества религиозного назначения в соответствии со ст. 33 названного закона (за исключением передачи объектов религиозного назначения, являющихся объектами культурного наследия, находящимися в государственной собственности Красноярского края).

Прокурор Красноярского края обратился в суд с административным иском о признании подп. «б» п. 4 ст. 32 Закона Красноярского края «Об управлении государственной собственностью Красноярского края» недействующим со дня вступления решения суда в законную силу в той мере, в какой указанная норма предусматривает необходимость получения предварительного согласия Законодательного Собрания Красноярского края на передачу религиозным организациям объектов религиозного назначения, являющихся объектами культурного наследия и находящихся в государственной собственности Красноярского края.

По мнению прокурора, согласование передачи таких объектов с Законодательным Собранием Красноярского края противоречит в том числе Федеральному закону от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

Подпунктом «ж» п. 2 ст. 5 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусмотрено, что порядок управления и распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации устанавливается законом субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 1 Закона Красноярского края «Об управлении государственной собственностью Красноярского края» названный закон устанавливает цели и принципы управления государственной собственностью Красноярского края, а также порядок управления и распоряжения ею, в том числе разграничение полномочий органов государственной власти и иных государственных органов Красноярского края в сфере управления и распоряжения государственной собственностью Красноярского края, порядок взаимодействия этих органов при осуществлении указанных полномочий.

На основании п. 1 ст. 26¹² Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и

исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» органы государственной власти субъекта Российской Федерации самостоятельно управляют и распоряжаются имуществом, находящимся в собственности субъекта Российской Федерации, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и издаваемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также в соответствии с конституцией (уставом), законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

В силу п. 4 ст. 26¹¹ этого же федерального закона особенности возникновения, осуществления и прекращения права собственности субъекта Российской Федерации устанавливаются федеральным законом.

Пунктом 3 ст. 21 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определено, что передача в установленном порядке в собственность религиозным организациям культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно.

Порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности определяет Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», в соответствии с которым основанием для рассмотрения вопроса о передаче религиозной организации государственного или муниципального имущества религиозного назначения является заявление религиозной организации, представленное в письменной форме в уполномоченный орган после согласования с вышестоящим руководящим органом (центром) религиозной организации (ч. 1 ст. 6).

В месячный срок со дня поступления заявления религиозной организации уполномоченный орган обязан рассмотреть такое заявление и по результатам рассмотрения принять решение о передаче государственного или муниципального имущества религиозного назначения религиозной организации или о подготовке предложений о включении этого имущества в план передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения либо мотивированное решение об отказе в передаче этого имущества (ч. 1 ст. 7). При этом под уполномоченным органом понимается федеральный орган исполнительной власти, или орган государственной власти субъекта Российской Федерации, или орган местного самоуправления, которые уполномочены соответственно федеральными законами, иными нормативными

правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, муниципальными правовыми актами на принятие решений о передаче религиозным организациям государственного или муниципального имущества религиозного назначения (п. 2 ст. 2).

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что субъект Российской Федерации вправе самостоятельно определить орган, уполномоченный принимать решение о передаче указанного выше имущества религиозного назначения религиозным организациям.

Законом субъекта Российской Федерации устанавливается порядок управления и распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации, и, как следствие, может определяться порядок передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в собственности данного субъекта Российской Федерации.

При этом указанный порядок не должен противоречить федеральным законам, устанавливающим особенности отчуждения такого имущества и прекращения права собственности субъекта Российской Федерации на это имущество.

Кроме того, п. 1 ст. 33 Закона Красноярского края «Об управлении государственной собственностью Красноярского края» предусмотрено, что передача религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности Красноярского края, осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Таким образом, взаимосвязанные положения подп. «б» п. 4 ст. 32 и ст. 33 названного закона Красноярского края не устанавливают иной порядок передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности Красноярского края, который противоречил бы порядку, предусмотренному Федеральным законом «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Установленная оспариваемым в части законом обязательная процедура согласования с Законодательным Собранием Красноярского края отчуждения объектов религиозного назначения, являющихся одновременно объектами культурного наследия, соответствует нормам Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», которыми установлено, что высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации управляет и распоряжается собственностью субъекта Российской Федерации в соответствии с законами субъекта Российской Федерации

Федерации (подп. «д» п. 2 ст. 21), в то время как законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в пределах и формах, установленных конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации и законами субъекта Российской Федерации, осуществляет наряду с другими уполномоченными на то органами контроль за соблюдением установленного порядка распоряжения собственностью субъекта Российской Федерации (подп. «а» п. 4 ст. 5).

При таких обстоятельствах правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 53-АПГ17-49

37. Правовое регулирование, допускающее выпуск безнадзорных животных в среду обитания в месте их отлова, противоречит действующему федеральному законодательству.

Постановлением правительства Пермского края от 9 июля 2014 г. № 596-п утверждены Правила отлова, регистрации, учета и содержания безнадзорных животных на территории Пермского края (далее – Правила).

Правила определяют, что пункт временного содержания – это специально отведенное помещение для содержания безнадзорных животных до возврата их владельцам, передачи в приют или в пользование заинтересованным лицам, выпуска в среду обитания в месте отлова (п. 1.2 Правил).

Абзацем вторым п. 4.22 Правил, определяющим судьбу отловленных безнадзорных животных после истечения срока их пребывания в пункте временного содержания, предусмотрен выпуск безнадзорных животных в среду обитания в месте отлова вне границ детских и спортивных площадок, территорий образовательных организаций, организаций здравоохранения и общественного питания.

Заместитель прокурора Пермского края обратился в суд с административным иском о признании приведенных правовых предписаний недействующими в части, предусматривающей выпуск безнадзорных животных в среду обитания в месте отлова, ссылаясь на то, что такое правовое регулирование осуществлено с превышением полномочий и противоречит положениям ст. 2 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пп. 9.2, 9.5 Санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.7.2627-10, пп. 8.2, 8.4.2 Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 3.2.3215-14, пп. 4.8 и 4.9 Санитарных правил СП 3.1.096-96 Ветеринарных правил ВП 13.3.1103-96.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда оставила без изменения по следующим основаниям.

Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду регулируется Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ), согласно п. 2 ст. 2 которого полномочиями в названной сфере общественных отношений обладают наряду с Российской Федерацией и субъекты Российской Федерации, расходным обязательством которых является осуществление мер по предупреждению эпидемий и ликвидации их последствий и которые вправе осуществлять в названной сфере правовое регулирование (ст. 6 этого же закона).

Между тем, такое регулирование не может быть произвольным и должно осуществляться в соответствии с федеральным законодательством, в пределах предоставленных полномочий и не нарушать принцип разделения вопросов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации.

В круг полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации наряду с решением вопросов организации проведения на территории субъекта Российской Федерации мероприятий по предупреждению и ликвидации болезней животных, их лечению, защите населения от болезней, общих для человека и животных, после внесения в подп. 49 п. 2 названной статьи изменений Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 64-ФЗ включена также организация проведения мероприятий по отлову и содержанию безнадзорных животных.

По смыслу приведенной нормы, федеральный законодатель предусмотрел решение вопроса регулирования численности безнадзорных животных как источника болезней путем проведения мероприятий по отлову и содержанию таких животных, в связи с чем оспариваемое правовое регулирование, предусматривающее возврат безнадзорных животных в прежнюю среду обитания, а не их содержание в специальных питомниках, противоречит действующему федеральному законодательству.

Изложенное согласуется с предписаниями, содержащимися в Санитарно-эпидемиологических правилах и нормативах СанПиН 3.2.3215-14, утвержденных постановлением Главного санитарного врача Российской Федерации от 22 августа 2014 г. № 50, Санитарно-эпидемиологических правилах СП 3.1.7.2627-10, утвержденных постановлением Главного санитарного врача Российской Федерации от 6 мая 2010 г. № 54.

Кроме того, гражданским законодательством также предусмотрена обязанность по содержанию безнадзорных домашних животных лицом, их задержавшим (ст. 230–231 ГК РФ).

При таких обстоятельствах административное исковое заявление удовлетворено обоснованно.

Определение № 44-АПГ17-29

38. Правовое регулирование, при котором лицам, имеющим одновременно право на социальную поддержку по нескольким предусмотренным законодательством основаниям, социальная поддержка предоставляется по одному из оснований по выбору получателя (за исключением случаев, предусмотренных законодательством), не противоречит действующему федеральному законодательству.

Согласно абзацам первому и второму ч. 2 ст. 2 Закона Хабаровского края от 26 января 2005 г. № 253 «О мерах социальной поддержки жертв политических репрессий», если реабилитированное лицо одновременно имеет право на меры социальной поддержки по настоящему закону и иным нормативным правовым актам независимо от оснований, по которым они устанавливаются, ему предоставляются меры социальной поддержки либо по настоящему закону, либо по иным нормативным правовым актам по его выбору, за исключением лиц, получающих меры социальной поддержки в соответствии с Федеральным законом от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов», а также лиц, получающих компенсацию расходов по оплате взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 3 Закона Хабаровского края от 26 января 2005 г. № 254 «О мерах социальной поддержки граждан пожилого возраста, инвалидов, ветеранов труда, лиц, проработавших в тылу в период Великой Отечественной войны, семей, имеющих детей, и иных категорий граждан».

Меры социальной поддержки, предусмотренные пп. 7, 10, 12 ч. 1 и ч. 3 названной статьи, предоставляются реабилитированным лицам независимо от предоставления им мер социальной поддержки по другим нормативным правовым актам.

Аналогичная абзацу первому ч. 2 ст. 2 Закона Хабаровского края «О мерах социальной поддержки жертв политических репрессий» норма содержится в ч. 2 ст. 8 Закона Хабаровского края «О мерах социальной поддержки граждан пожилого возраста, инвалидов, ветеранов труда, лиц, проработавших в тылу в период Великой Отечественной войны, семей, имеющих детей, и иных категорий граждан».

А. обратился в Хабаровский краевой суд с административным исковым заявлением о признании недействующей ч. 2 ст. 2 Закона Хабаровского края «О мерах социальной поддержки жертв политических

репрессий», ссылаясь на противоречие данной нормы положениям ст. 12 и 16 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Указал, что является ветераном труда и лицом, признанным подвергшимся политическим репрессиям и впоследствии реабилитированным. Полагал, что наряду с получением ежемесячной денежной выплаты как реабилитированное лицо он имеет также право на получение ежемесячной денежной выплаты как ветеран труда.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции оставила без изменения по следующим основаниям.

Согласно п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В силу ч. 2 ст. 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Согласно подп. 24 п. 2 ст. 26³ Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также детей-сирот, безнадзорных детей, детей, оставшихся без попечения родителей, социальной поддержки ветеранов труда, лиц, проработавших в тылу в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, семей, имеющих детей, жертв политических репрессий, малоимущих граждан.

Из содержания ст. 16 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» следует, что реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, обеспечиваются мерами социальной поддержки в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Расходные обязательства по обеспечению мерами социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от

политических репрессий, являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» предусматривает, что меры социальной поддержки ветеранов труда, а также граждан, приравненных к ним по состоянию на 31 декабря 2004 г., определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации (ст. 22). Одновременно с этим в п. 3 ст. 13 этого же федерального закона установлено требование, согласно которому при наличии у ветерана права на получение одной и той же формы социальной поддержки по нескольким основаниям социальная поддержка предоставляется по одному основанию по выбору ветерана, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Реализация субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения, в том числе в области социальной защиты, предполагает осуществление ими нормативно-правового регулирования по вопросам, отнесенным федеральным законодателем к их ведению, включая принятие соответствующих законов и иных нормативных правовых актов.

Законами Хабаровского края «О мерах социальной поддержки жертв политических репрессий» и «О мерах социальной поддержки граждан пожилого возраста, инвалидов, ветеранов труда, лиц, проработавших в тылу в период Великой Отечественной войны, семей, имеющих детей, и иных категорий граждан» урегулированы отношения, связанные с предоставлением мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, проживающим на территории Хабаровского края.

В системном толковании положения названных выше законов Хабаровского края и федеральных законов не предусматривают возможность получения одним и тем же лицом мер социальной поддержки, установленных для различных категорий граждан.

Правовое регулирование, при котором лицам, имеющим одновременно право на социальную поддержку по нескольким предусмотренным законодательством основаниям, социальная поддержка предоставляется по одному из оснований по выбору получателя (за исключением случаев, предусмотренных законодательством), как позволяющее выбрать наиболее выгодное основание пользования мерами социальной поддержки, не может расцениваться как ущемляющее права граждан.

При таких обстоятельствах правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение № 58-АПГ17-12

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

39. Право выбора образовательного учреждения при направлении военнослужащего, увольняемого с военной службы, на профессиональную переподготовку предоставляется командованию и не зависит от волеизъявления военнослужащего.

Решением 35 гарнизонного военного суда от 28 октября 2016 г. Л. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконными действия директора ФСБ России и начальника Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району (далее – Пограничное управление), связанные с отказом в направлении его на профессиональную переподготовку по выбранной им программе обучения, возложить на директора ФСБ России обязанность не препятствовать в направлении его на профессиональную переподготовку по указанной программе обучения, а на начальника Пограничного управления – направить его в любое учебное заведение для прохождения переподготовки по выбранной им программе обучения.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 7 марта 2017 г. решение суда отменено в части признания законными действий начальника Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району, связанных с отказом в направлении Л. на профессиональную переподготовку по выбранной программе обучения, и по делу в этой части принято новое решение о возложении на начальника Пограничного управления обязанности по направлению административного истца на профессиональную переподготовку с учетом имеющегося у него высшего профессионального образования. В остальной части решение гарнизонного военного суда оставлено без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Л., имеющий квалификацию «инженер» по специальности «Проектирование, сооружение и эксплуатация газонефтепроводов и газонефтехранилищ» и проходивший военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в г. Петропавловске-Камчатском, в связи с сокращением воинской должности с 1 декабря 2011 г. зачислен в распоряжение начальника Пограничного управления, а после истечения 20 марта 2014 г. срока контракта представлен к увольнению в связи с организационно-штатными

мероприятиями, которое не было реализовано в установленные законодательством сроки ввиду необеспеченности административного истца жильем.

После обеспечения жилым помещением Л. 9 февраля 2016 г. обратился по команде с рапортом о направлении его на профессиональную переподготовку в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина», расположенном в г. Москве, по выбранной им программе обучения «Строительный контроль, организация проектно-изыскательских и строительно-монтажных работ на объектах нефтегазового комплекса».

От прохождения профессиональной переподготовки в образовательных учреждениях, расположенных в г. Петропавловске-Камчатском и в близлежащих к месту прохождения военной службы населенных пунктах, по имеющимся в них программам профессиональной переподготовки Л. отказался, а в образовательных учреждениях, специализирующихся на подготовке специалистов нефтегазовой отрасли и расположенных в городах Москве, Тюмени и Уфе, установлен срок обучения 12 месяцев, 7 месяцев и 1,5 года соответственно.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции в решении указал, что Л. выбрал для реализации своего права образовательное учреждение не по месту прохождения военной службы, а от прохождения профессиональной переподготовки в образовательных учреждениях Камчатского края отказался.

Отменяя решение суда первой инстанции в части признания незаконными действий начальника Пограничного управления и принимая по делу в этой части новое решение об удовлетворении заявления, флотский военный суд исходил из того, что административный истец не настаивал на прохождении профессиональной переподготовки в конкретном учебном заведении, связывал ее прохождение с имеющимся у него высшим профессиональным образованием, а предложенные командованием программы обучения в учебных заведениях по месту прохождения военной службы не соответствуют требованиям законодательства.

Однако такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном применении норм материального права.

Согласно п. 4 ст. 19 Закона о статусе военнослужащих отдельные категории военнослужащих, к числу которых относится административный истец, в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских

специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми видами довольствия в порядке и на условиях, которые определяются Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба), продолжительностью до четырех месяцев.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что право военнослужащего на профессиональную переподготовку реализуется в порядке и на условиях, которые определяются федеральным органом исполнительной власти и федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, а сама переподготовка не может превышать четырех месяцев.

Во исполнение закона приказом ФСБ России от 26 января 2009 г. № 22 утверждена Инструкция о порядке и условиях реализации военнослужащими органов федеральной службы безопасности, проходящими военную службу по контракту, права на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей.

В соответствии с п. 9 названной инструкции профессиональная переподготовка военнослужащих осуществляется, как правило, в образовательных учреждениях, расположенных в населенных пунктах по месту прохождения военной службы. При невозможности пройти обучение по месту прохождения военной службы военнослужащие направляются на обучение в образовательные учреждения, расположенные в близлежащих к месту прохождения военной службы населенных пунктах.

Из изложенного следует, что право выбора образовательного учреждения для направления военнослужащего на профессиональную переподготовку предоставлено исключительно командованию и не зависит от волеизъявления военнослужащего.

В суде установлено, что по месту прохождения военной службы Л. имел возможность пройти обучение в образовательных учреждениях, расположенных в г. Петропавловске-Камчатском и в близлежащих к месту прохождения военной службы населенных пунктах, по имеющимся в них программам профессиональной переподготовки.

Что касается выбранной Л. программы обучения, то возможность переподготовки по ней в образовательных учреждениях, расположенных по месту военной службы и в близлежащих к нему населенных пунктах, отсутствовала, а срок обучения в других образовательных учреждениях, расположенных не по месту военной службы административного истца, составляет более четырех месяцев.

К тому же, как следует из рапорта Л. от 9 февраля 2016 г., желание реализовать свое право на дополнительное образование было обусловлено намерением повысить профессиональный уровень в рамках имеющейся квалификации.

Между тем согласно п. 5 ст. 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации, что указывает на направленность профессиональной переподготовки на освоение военнослужащими нового вида профессиональной деятельности и приобретение новой квалификации, способствующих их адаптации к новым экономическим и социальным условиям жизни и деятельности после увольнения с военной службы, а также повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

При таких данных права Л. на профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, начальником Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району нарушены не были, в связи с чем решение гарнизонного военного суда об отказе в удовлетворении заявления основано на законе.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 7 марта 2017 г. в части удовлетворенных требований Л. и оставила в силе в указанной части решение 35 гарнизонного военного суда от 28 декабря 2016 г.

Определение № 211-КГ17-27

По гражданским делам

40. Одним из обязательных условий выплаты военнослужащему денежной компенсации за наем жилого помещения в повышенном размере является совместное проживание с военнослужащим трех и более членов семьи.

Решением Знаменского гарнизонного военного суда от 8 декабря 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением 3 окружного военного суда от 21 февраля 2017 г., отказано в удовлетворении искового заявления представителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Астраханской области» (далее – Управление финансового обеспечения по Астраханской области) о привлечении к материальной ответственности З. за ущерб, причиненный необоснованной выплатой ему в повышенном размере денежной компенсации за наем жилого помещения, в размере 46 800 руб.

В кассационной жалобе представитель начальника Управления финансового обеспечения по Астраханской области, утверждая, что судами существенно нарушены нормы материального права, просит

судебные постановления отменить и принять по делу новое решение об удовлетворении искового заявления.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные постановления отменила, дело направила на новое рассмотрение в Знаменский гарнизонный военный суд, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что полковник З., проходящий военную службу по контракту в воинской части, дислоцированной в г. Ахтубинске Астраханской области, в январе 2012 г. признан нуждающимся в служебном жилом помещении по месту военной службы на семью из четырех человек (он, супруга, дочь и сын).

На основании рапорта З. приказами командира воинской части установлена ежемесячная выплата денежной компенсации за наем жилого помещения на семью из четырех человек в размере 5400 рублей, с увеличением установленного размера на 50 %, которую ответчик фактически получал в том числе с 1 сентября 2013 г. по 31 октября 2015 г.

По результатам служебного разбирательства было установлено, что сын ответчика с сентября 2013 г. обучается в учебном заведении в Воронежском государственном университете, был зарегистрирован и фактически проживал в период получения З. денежной компенсации за наем жилого помещения, в том числе на него, в г. Воронеже.

В связи с этим начальник Управления финансового обеспечения по Астраханской области обратился в суд с иском к З. о взыскании с него излишне выплаченной денежной компенсации за наем жилого помещения.

Отказывая в удовлетворении искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что сын ответчика в период обучения в другом населенном пункте продолжал являться членом семьи своего отца военнослужащего, в связи с чем З. не утратил право на получение денежной компенсации за наем жилого помещения в повышенном размере, которая выплачивалась ему на основании изданных в установленном порядке и неотмененных приказов командования.

Суд апелляционной инстанции с выводами гарнизонного военного суда согласился.

Однако такие выводы основаны на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с Законом о статусе военнослужащих и в целях обеспечения прав на жилище военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, и членов их семей Правительство Российской Федерации постановлением от 31 декабря 2004 г. № 909 утвердило Положение о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей.

Согласно п. 2 названного постановления размеры денежной компенсации, выплачиваемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы, и членам их семей повышаются на 50 % в случае совместного проживания с военнослужащим или гражданином, уволенным с военной службы трех и более членов семьи.

Аналогичные положения содержатся в п. 2(1) названного постановления применительно к военнослужащим – гражданам, имеющим воинское звание офицера, прапорщика или мичмана, проходящим военную службу по контракту либо уволенным с военной службы, и членам их семей.

Содержание названной правовой нормы указывает на то, что одним из обязательных условий выплаты военнослужащему денежной компенсации за наем жилого помещения в повышенном размере является совместное проживание с военнослужащим, имеющим воинское звание офицера, прапорщика или мичмана, трех и более членов семьи.

Между тем суды при разрешении спора ошибочно исходили из того факта, что сын ответчика на период получения последним компенсации в повышенном размере продолжал являться членом его семьи по основаниям, установленным п. 5 ст. 2 Закона о статусе военнослужащих, что, исходя из предписаний постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909, является недостаточным.

Что касается издания командованием приказов о выплате 3. денежной компенсации за наем жилого помещения, то это обстоятельство при установлении факта недостоверного сообщения ответчиком сведений о количестве совместно проживающих с ним членов семьи и причинения тем самым истцу имущественного вреда, само по себе не может являться основанием для отказа во взыскании с него излишне выплаченных денежных сумм.

Неправильное применение судом норм материального права повлекло неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, что является основанием для отмены судебных постановлений ввиду существенного нарушения судами норм материального права и направления дела на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

При новом рассмотрении суду необходимо установить место фактического проживания сына 3. в период его обучения в учебном заведении в г. Воронеже, приняв во внимание положения ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает, а также ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», согласно которой местом жительства является

жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Определение № 209-КГ17-11

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. В каком порядке подлежат рассмотрению и разрешению дела о признании запрещенной к распространению информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, размещенной в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»)?

Как определяется их подсудность? Кто привлекается к участию в рассмотрении таких дел и как исполняются решения суда?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 1 ст. 15¹ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон о защите информации) в целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее – Реестр).

В отношении видов информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, указанных в п. 1 ч. 5 ст. 15¹ Закона о защите информации, решения о включении в Реестр сведений, позволяющих определить (идентифицировать) сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются федеральными органами исполнительной власти в соответствии с их компетенцией.

Решения, являющиеся основаниями для ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим иную распространяемую посредством сети «Интернет» информацию, причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются судами общей юрисдикции в порядке

административного судопроизводства в рамках осуществления обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям (ч. 3 ст. 1 КАС РФ).

Производство по таким делам осуществляется по общим правилам административного искового производства, предусмотренным разделами I–III, VI–VIII данного кодекса.

Поскольку федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (далее – Роскомнадзор), подлежит привлечению к участию в рассмотрении соответствующих административных дел в качестве административного ответчика, административное исковое заявление подается в районный суд по месту нахождения Роскомнадзора или его территориального органа (ст. 19, 22 КАС РФ), если административное дело не отнесено к подсудности Московского городского суда (ч. 2 ст. 20 КАС РФ). При этом неявка административного ответчика в судебное заседание, за исключением случая, когда его явка признана судом обязательной, непредставление им объяснений по административному делу не препятствуют рассмотрению дела по существу.

В ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству судья определяет иных лиц, права и законные интересы которых может затронуть судебное решение (например, владельцы сайтов в сети «Интернет», авторы размещенной на них информации). В случае выявления таких лиц, установления их места нахождения (места жительства) суд привлекает их к участию в деле, извещает о времени и месте судебного заседания.

Замедление исполнения судебных решений, являющихся основаниями для ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей, как правило, наносит значительный ущерб публичным и частным интересам, поэтому судам по просьбе административных истцов необходимо незамедлительно разрешать вопросы об обращении соответствующих решений к немедленному исполнению путем направления их копий в Роскомнадзор (чч. 2, 3 ст. 188 КАС РФ). Поскольку процедура исполнения данных решений регулируется Законом о защите информации, выдачи исполнительного листа и направления его в Федеральную службу судебных приставов для их исполнения не требуется (ст. 352 КАС РФ).

Кроме того, судам следует иметь в виду, что после возбуждения производства по указанным делам до их разрешения судья вправе принять меры предварительной защиты в виде ограничения доступа к информации, распространенной в сети «Интернет» (ст. 85 КАС РФ).

ВОПРОС 2. Вправе ли адвокат, назначенный судом в качестве представителя по административному делу в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 54 КАС РФ, обжаловать судебные акты по данному делу?

ОТВЕТ. В соответствии с ч. 4 ст. 54 КАС РФ в случае, если у административного ответчика, место жительства которого неизвестно, либо у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке, нет представителя, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях суд назначает в качестве представителя адвоката.

В силу ч. 1 ст. 56 КАС РФ представитель вправе совершать от имени представляемого им лица все процессуальные действия, а при обязательном ведении административного дела в суде с участием представителя – совершать вместо представляемого лица все процессуальные действия, за исключением действий, связанных с получением объяснений и пояснений у самого представляемого лица и привлечением его к участию в осуществлении иных процессуальных прав, если суд признает это необходимым.

Указанные нормы конкретизируют конституционные положения о гарантиях права на судебную защиту, квалифицированную юридическую помощь и о принципах судопроизводства. Предусмотренные Кодексом гарантии представительства прав и законных интересов гражданина исключают оставление его без квалифицированной юридической помощи, в том числе при возникновении необходимости обжалования судебного акта (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 2483-О).

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием.

Как следует из ч. 4 ст. 57 КАС РФ, полномочия адвоката в качестве представителя в суде удостоверяются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием, а в случаях, предусмотренных данным кодексом, также доверенностью.

При наличии оснований, указанных в ч. 4 ст. 54 КАС РФ, адвокат назначается в качестве представителя определением суда. Поэтому его полномочия удостоверяются только ордером, которым в данном случае не может быть ограничено полномочие на обжалование судебных актов.

Следовательно, адвокат, назначенный судом в качестве представителя по административному делу, вправе обжаловать судебные акты по делу.

ВОПРОС 3. Подлежат ли взысканию судебные расходы, понесенные юридическим лицом (ответчиком, административным ответчиком), при отказе в удовлетворении требований лица, наделенного государственными или иными публичными полномочиями, о ликвидации юридического лица в случае, если после возбуждения производства по делу юридическим лицом устранены обстоятельства, послужившие основанием для обращения в суд?

ОТВЕТ. В случаях, предусмотренных законодательством, юридическое лицо может быть ликвидировано по иску, административному иску лица, наделенного государственными или иными публичными полномочиями.

Если после принятия к производству иска, административного иска о ликвидации юридического лица ответчик, административный ответчик устраняет нарушения закона, являющиеся основанием для ликвидации (например, представляет в орган власти необходимые документы или сведения), суд может отказать в удовлетворении требования о ликвидации юридического лица.

Согласно ч. 1 ст. 110 АПК РФ и ч. 1 ст. 111 КАС РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, присуждаются стороне, в пользу которой состоялось решение суда.

Общим принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу, что следует из содержания гл. 9 АПК РФ, гл. 10 КАС РФ и разъясняется в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Исходя из п. 26 названного постановления, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком, административным ответчиком после обращения истца, административного истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки подлежат взысканию с ответчика, административного ответчика.

Учитывая, что требование лица, наделенного государственными или иными публичными полномочиями, о ликвидации юридического лица представляет собой в том числе требование об устранении нарушений, являющихся основанием для ликвидации юридического лица, добровольное устранение ответчиком, административным ответчиком этих

нарушений свидетельствует об удовлетворении требований истца, административного истца, послуживших основанием для обращения в суд.

Таким образом, отказ суда в удовлетворении требования о ликвидации юридического лица в связи с добровольным устранением юридическим лицом имеющихся нарушений после возбуждения производства по делу не является основанием для возмещения судебных расходов юридического лица – ответчика, административного ответчика – за счет лица, наделенного государственными или иными публичными полномочиями.

ВОПРОС 4. Может ли быть возвращен судьей суда общей юрисдикции протокол об административном правонарушении и другие материалы дела по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ в орган или должностному лицу, которыми составлен протокол, в случае, если в материалах дела отсутствуют сведения, позволяющие оценить существенность вреда?

ОТВЕТ. Частью 7 ст. 7.32 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц за действия (бездействие), повлекшие неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков, с причинением существенного вреда охраняемым законом интересам общества и государства, если такие действия (бездействие) не влекут уголовной ответственности.

Существенность вреда может определяться его размером, характером, а также особой для потерпевшего ценностью нарушенного блага и, как правило, выражается в материальном ущербе, нарушении нормальной работы органов государственной власти и органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений.

Определяющим для квалификации административного правонарушения по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ является не только размер ущерба, но и значение последствий для самого потерпевшего, сведения о чем должны содержаться в материалах дела об административном правонарушении, направляемых судьей суда общей юрисдикции на рассмотрение.

В том случае, когда в материалах дела отсутствуют какие-либо сведения, позволяющие оценить существенность вреда, судья при подготовке дела к рассмотрению выносит на основании п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган или должностному лицу, которыми составлен протокол.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

В связи с принятием Федерального закона от 2 июня 2016 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений в статьи 55 и 57 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2015 г., подлежит исключению ответ на вопрос № 16 о том, какими документами подтверждаются статус и полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя по административному делу.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

---

¹ Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт) и

Сообщение: *Р.И.Х. и С.М.Д. против Дании.* Сообщение № 2640/2015. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 13 июля 2017 г.

Тема сообщения: выдворение из Дании в Болгарию.

Вопрос существа: пытки и жестокое обращение.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на пункт 12 своего [3]амечания общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, в котором он обращает внимание на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как вред, предусмотренный в статье 7 Пакта. Комитет также указывает, что опасность должна быть личной² и что пороговое значение для обоснования наличия реального риска непоправимого вреда является высоким³. Комитет ссылается на свою практику рассмотрения дел, согласно которой оценке, проведенной государством-участником, следует придавать большое значение, и, как правило, именно органы государств – участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства, чтобы определить наличие угрозы⁴, за исключением случаев, в которых можно утверждать, что такая оценка являлась явно произвольной или была равносильной отказу в правосудии⁵ (пункт 8.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что их высылка с четырьмя детьми, включая двух несовершеннолетних детей, в Болгарию на

Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

² Сообщения № 2007/2010, *Дж.Дж.М. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., пункт 9.2, и № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., пункт 6.6. См. также сообщения Комитета против пыток № 282/2005, *С.П.А. против Канады*, Решение, принятое 7 ноября 2006 г.; № 333/2007, *Т.И. против Канады*, Решение, принятое 15 ноября 2010 г.; и № 344/2008, *А.М.А. против Швейцарии*, Решение, принятое 12 ноября 2010 г.

³ См. *Дж.Дж.М. против Дании*, пункт 9.2, и сообщение № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

⁴ См. сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункт 11.4, и № 1957/2010, *Фан Бао Лин против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., пункт 9.3.

⁵ См., в частности, сообщение № 541/1993, *Симмс против Ямайки*, Решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 г., пункт 6.2.

основании принципа «первой страны убежища» по Дублинскому регламенту создаст опасность такого отношения к ним, которое противоречит статье 7 Пакта. Комитет отмечает, что авторы обосновывают свою аргументацию, в частности, социально-экономическим положением, в котором они окажутся, включая отсутствие доступа к финансовой или социальной помощи, а также к программам интеграции для беженцев и просителей убежища, равно как и общие условия приема просителей убежища и беженцев в Болгарии. Авторы утверждают, что у них не будет доступа к социальному жилью или временным убежищам; что они не смогут найти жилье или работу и, следовательно, окажутся бездомными и будут вынуждены жить на улице; что им будут угрожать действия ксенофобского характера, и они будут лишены защиты (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что факт получения авторами временной защиты не оспаривается, равно как и то, что они получили вид на жительство в Болгарии в ноябре 2014 года сроком на три года и могли находиться в центре для просителей убежища после того, как получили вид на жительство. Кроме того, Комитет отмечает, что датский Апелляционный совет по делам беженцев пришел к выводу, что авторы не сталкивались ни с какими проблемами при взаимодействии с гражданами и властями Болгарии и что в случае их возвращения в Болгарию они будут пользоваться всеми необходимыми социальными правами, включая доступ к школьному образованию для детей и доступ к медицинскому обслуживанию (пункт 8.4 Соображения).

Комитет... отмечает, что авторы опираются на информацию, полученную от третьих лиц, и на доклады об общем положении просителей убежища и беженцев в Болгарии, утверждая, что они не будут иметь доступа к жилью в случае возвращения и будут лишены медицинской помощи. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что согласно закону лица, которым предоставлен статус беженца и защита в Болгарии, обладают теми же правами, что и граждане Болгарии⁶, а также утверждение государства-участника о том, что авторы не запрашивали медицинскую помощь и не нуждались в ней в период своего пребывания в Болгарии и поэтому не обосновали свое утверждение о недоступности медицинской помощи. В связи с утверждениями о применении насилия на почве ксенофобии Комитет... принимает к сведению утверждение Апелляционного совета по делам беженцев о том, что во время собеседования для получения убежища авторы не указали ни на какие конкретные конфликты и что у них будет возможность обратиться за защитой к соответствующим болгарским органам, если их личная неприкосновенность и безопасность окажутся под угрозой (пункт 8.5 Соображения).

---

⁶ Статья 32 (2) болгарского Закона об убежище и беженцах.

Комитет отмечает, что, несмотря на то, что на практике беженцам и лицам, пользующимся дополнительной защитой, трудно получить доступ на рынок труда или к жилью, авторам не удалось доказать реальный и личный угрожающий им риск в случае их возвращения в Болгарию. Авторы не доказали, что они были бездомными до своего отъезда из Болгарии; они не жили в нищете; и положение семьи с четырьмя детьми, младшему из которых 14 лет, следует отличать от положения автора в решении *Джасин и др. против Дании*, которое касалось больной матери-одиночки с тремя несовершеннолетними детьми, имеющей на руках истекший вид на жительство. Тот факт, что авторы могут столкнуться с трудностями по возвращении, сам по себе не означает, что они окажутся существенно уязвимыми – в условиях, значительно отличающихся от условий многих других семей, – чтобы сделать вывод о том, что их возвращение в Болгарию представляло бы нарушение государством-участником своих обязательств по статье 7 Пакта⁷ (пункт 8.6 Соображения).

Хотя авторы не согласны с решением властей государства-участника об их возвращении в Болгарию как в страну их первого убежища, они не разъяснили, по какой причине это решение является явно необоснованным или произвольным. Не указали они также и на какие-либо процессуальные нарушения во время разбирательства их дела в Иммиграционной службе Дании или в Апелляционном совете по делам беженцев. Соответственно, Комитет не может сделать вывод о том, что высылка авторов в Болгарию государством-участником будет являться нарушением статьи 7 Пакта (пункт 8.7 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение авторов в Болгарию не нарушит их прав по статье 7 Пакта (пункт 9 Соображения).

Комитет против пыток⁸

Сообщение: *С.С.Б. против Дании*. Сообщение № 602/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 28 апреля 2017 г.

Тема сообщения: выдворение в Судан.

Вопрос существа: опасность применения пыток.

⁷ См., например, сообщение № 2569/2015, *Б.М.И. и Н.А.К. против Дании*, Соображения, принятые 26 октября 2016 г., пункт 8.6.

⁸ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Судан заявителю лично будет угрожать применение пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственным субъектами, – как военнослужащими, так и сотрудниками полиции, – которые по-прежнему совершаются во многих районах Судана⁹ (пункт 8.3 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в случае возвращения в Судан ему будет угрожать реальная личная опасность применения пыток, поскольку: сотрудники национальной службы безопасности и сотрудники полиции допрашивали его по поводу участия его брата в деятельности «Движения за справедливость и равенство» и по поводу местонахождения брата; сотрудники службы безопасности несколько раз ударили его ножом; сотрудники полиции угрожали ему смертью; он бежал из военного госпиталя, где он находился под стражей, а затем покинул страну. Он также опасается возвращаться в Судан, поскольку связан отношениями с женщиной-христианкой и поскольку сотрудники полиции обвинили его в том, что в силу таких отношений он не является настоящим мусульманином. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не заслуживает доверия, поскольку, в частности, в ходе собеседований он сделал противоречивые и преувеличенные заявления, а также поскольку он и его партнерша сделали противоречивые заявления по поводу причины их отъезда из Судана (пункт 8.5 Решения).

По данному делу Комитет отмечает, что утверждения заявителя о том, что он рискует подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Судан, основываются на общей репутации Судана в области прав человека и на утверждении о том, что в 2007 году сотрудники службы безопасности и полиции ударили его ножом, угрожали ему и подвергли его аресту, с тем чтобы заставить его рассказать о местонахождении его брата, который является сторонником «Движения за справедливость и равенство». Комитет...принимает к сведению представления государства-участника о том, что заявитель никогда сам не участвовал в этом Движении, что его политическая деятельность свелась к участию в одной демонстрации и что он сделал противоречивые заявления о событиях, связанных с жестоким обращением с ним и с его арестом. Комитет отмечает, что, даже если он не

---

⁹ CCPR/C/SDN/CO/4, пункты 15–17.

примет во внимание вышеупомянутые несоответствия и признает эти утверждения подлинными, заявитель все равно не представил никаких доказательств того, что власти Судана разыскивали его в недавнем прошлом или проявили каким-то иным образом интерес к его личности. Комитет...принимает к сведению позицию заявителя о том, что власти должны были распорядиться провести медицинское освидетельствование в целях подтверждения или опровержения того, что в прошлом он был подвергнут пыткам (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что медицинское освидетельствование, испрошенное заявителем в целях подтверждения актов пыток, которым он или она были якобы подвергнуты, должно было быть, в принципе, проведено, независимо от оценки, вынесенной органами власти в отношении достоверности данного утверждения, с тем чтобы органы власти, принимающие решение по тому или иному делу, связанному с принудительным возвращением, могли объективно завершить оценку опасности применения пыток, основываясь на результатах этого медицинского освидетельствования, без какого-либо разумного сомнения. Вместе с тем, учитывая конкретные обстоятельства данного дела, Комитет принимает во внимание период времени, прошедший после событий 2007 года, и напоминает, что, хотя происшедшие в прошлом события могут иметь отношение к делу, главная цель его оценки заключается в том, чтобы определить, существует ли в настоящее время опасность применения к заявителю пыток после его возвращения в Судан¹⁰. Комитет напоминает о том, что жестокое обращение, которому... [заявитель] подвергся в прошлом, является лишь одним из тех элементов, которые должны быть приняты во внимание, и что соответствующий вопрос, стоящий на рассмотрении Комитета, заключается в том, существует ли в настоящее время опасность того, что заявитель будет подвергнут пыткам в случае его возвращения в Судан¹¹. Комитет считает, что, даже если предположить, что в прошлом суданские власти применили к заявителю пытки, из этого автоматически не вытекает, что по крайней мере через десять лет после предполагаемых событий ему по-прежнему угрожает опасность быть подвергнутым пыткам в случае возвращения в Судан¹² (пункт 8.7 Решения).

---

¹⁰ См. сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Мнения, принятые 6 мая 1998 г., пункт 11.2 и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., пункт 7.7.

¹¹ См., например, сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Мнения, принятые 6 мая 1998 г., пункт 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., пункт 7.7; № 458/2011, *X. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 9.5.

¹² См., например, сообщение № 431/2010, *Y. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 мая 2013 г., пункт 7.7 и № 458/2011, *X. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 9.5.

Выводы Комитета: [в] свете вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителем и государством-участником, в том числе об общем положении в области прав человека в Судане, Комитет считает, что заявитель не доказал должным образом, как того требует статья 3 Конвенции, наличия серьезных оснований полагать, что по его возвращении в Судан он подвергнется реальной, конкретной и личной опасности применения пыток (пункт 8.8 Решения).

Сообщение: *М.К.М. против Австралии*. Сообщение № 681/2015. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 10 мая 2017 г.

Тема сообщения: угроза выдворения заявителя в Афганистан.

Вопрос существа: угроза применения пыток в случае выдворения в страну происхождения (невыводение).

Правовые позиции Комитета: целью ... оценки [имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения заявителя в Афганистан ему будет лично угрожать опасность применения пыток] является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в той стране, в которую оно должно быть возвращено¹³. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну. Должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. Верно и обратное: отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в его/ее конкретных обстоятельствах не угрожает применение пыток¹⁴ (пункт 8.3 Решения).

Комитет... ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 1 и подтверждает, что наличие опасности пыток следует оценивать на основаниях, которые выходят за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя риск не следует доказывать с высокой степенью вероятности¹⁵, бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно изложить, что ему угрожает «предсказуемая, реальная и личная опасность»¹⁶. Комитет придает

¹³ См., в частности, сообщение № 470/2011, *Х. против Швейцарии*, Решение, принятое 24 ноября 2014 г.

¹⁴ См., в частности, сообщение № 490/2012, *Е.К.У. против Финляндии*, Решение от 4 мая 2015 г., пункт 9.3.

¹⁵ См. Замечание общего порядка № 1, пункт 6.

¹⁶ См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3; № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г., пункт 8.4; № 343/2008, *Калонзо против Канады*, Решение,

большое значение заключениям по фактической стороне дела, подготовленным органами соответствующего государства-участника, но в то же время он не считает себя связанным такими заключениями и правомочен, как это предусмотрено в пункте 4 статьи 22 Конвенции, свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому отдельному делу¹⁷ (пункт 8.4 Решения).

Комитет... отмечает, что государство-участник указало на противоречия и несоответствия в утверждениях заявителя; однако Комитет считает, что редко можно ожидать полной точности информации, сообщаемой жертвами пыток¹⁸, психические расстройства которых надлежит должным образом принимать во внимание (пункт 8.6 Решения).

Комитет напоминает, что в своих решениях¹⁹ и в своем [З]амечании общего порядка № 2 (2008) об осуществлении статьи 2 он уже рассматривал вопрос об опасности применения пыток негосударственными субъектами и о непроявлении должного усердия со стороны государства-участника для принятия мер по прекращению недопустимых по Конвенции действий, за что оно может нести ответственность²⁰. В этой связи Комитет принимает к сведению информацию, содержащуюся в имеющихся докладах о пытках и жестоком обращении, произвольных задержаниях и нарушениях права на справедливое судебное разбирательство в Афганистане²¹, а также в сообщениях о жестоком обращении с лицами, которые искали убежище и не получили его в ситуациях, сходных с ситуацией автора²² (пункт 8.7 Решения).

принятое 18 мая 2012 г., пункт 9.3; № 458/2011, *Х. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 9.3; и № 520/2012, *В.Г.Д. против Канады*, Решение, принятое 26 ноября 2014 г., пункт 8.4.

¹⁷ См. Замечание общего порядка № 1, пункт 9, и сообщения № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., пункт 7.3; № 375/2009, *Т.Д. против Швейцарии*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.7; № 387/2009, *Дивейдж против Австралии*, Решение, принятое 14 ноября 2013 г., пункт 10.4; и № 466/2011, *Альп против Дании*, Решение, принятое 14 мая 2014 г., пункт 8.3.

¹⁸ См. сообщение № 21/1995, *Алан против Швейцарии*, Решение, принятое 8 мая 1996 г., пункт 11.3.

¹⁹ См., в частности, сообщения № 379/2009, *Бакату-Биа против Швеции*, Решение от 3 июня 2011 г., пункт 10.6; № 322/2007, *Нджамба и Баликоса против Швеции*, Решение, принятое 14 мая 2010 г., пункт 9.5.

²⁰ См. Замечание общего порядка № 2, пункт 18. См. также *Дивейдж против Австралии*, пункт 10.9.

²¹ См. CAT/C/AFG/2 и A/HRC/31/46, стр. 13. См. также CAT/C/AFG/CO/2.

²² См., например, Руководство УВКБ ООН по оценке потребностей в международной защите лиц, ищущих убежища, из Афганистана (19 апреля 2016 г.), стр. 39–41. См. также www.theguardian.com/australia-news/2016/mar/14/hazara-asylum-seeker-to-be-forcibly-deported-from-australia-to-afghanistan.

Комитет напоминает, что, хотя именно заявителю надлежит обосновать *prima facie*²³ свое ходатайство о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю может угрожать применение пыток в случае его возвращения в соответствующую страну²⁴ (пункт 8.8 Решения).

Комитет, ссылаясь на свою правовую практику²⁵, считает, что возможность нахождения другого местожительства или переселения не является надежной и долгосрочной альтернативой, поскольку отсутствие защиты является общераспространенным явлением и данному лицу будет угрожать риск дальнейшего преследования или причинения серьезного вреда, особенно в ситуации, при которой преследования гражданского населения со стороны антиправительственных элементов носят зачастую произвольный характер в стране происхождения заявителя (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что в 2008 году он около пяти месяцев удерживался под стражей и подвергался пыткам талибами по причине его этнического происхождения и религии, поскольку талибы обвиняли его в том, что он работает на иностранное правительство, и подозревали его в причастности к подготовке акта бомбового терроризма с участием террористов-смертников. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что он был свидетелем обезглавливания его отца и еще одного узника, в результате чего у него возник серьезный психологический стресс; что афганские власти не захотят или не смогут защитить его от преследований и пыток, если он вернется в Афганистан, поскольку талибы проникли во все уровни власти; и что после его приезда в Австралию медработники констатировали, что он находится в состоянии тревоги, депрессии и посттравматического стрессового расстройства, которое предположительно еще более усугубилось в результате его продолжительного содержания под стражей в государстве-участнике в качестве незаконного мигранта. Комитет... отмечает, что в Афганистане не будет возможностей для надлежащего лечения заявителя в соответствии с его потребностями и что психическое здоровье автора ухудшилось с 2012 года, главным образом потому, что он видел, как убили его отца, и продолжительное время содержался под стражей в качестве незаконного мигранта из-за ошибок, допущенных в ходе первого независимого рассмотрения его дела по существу. Комитет... отмечает заявление автора о том, что руководящие работники государства-участника не смогли

---

²³ В первую очередь.

²⁴ См., в частности, сообщение № 580/2014, *Ф.К. против Дании*, Решение, принятое 23 ноября 2015 г., пункт 7.6.

²⁵ См., например, сообщение № 338/2008, *Мондаль против Швеции*, Решение, принятое 23 мая 2011 г., пункт 7.4.

рассмотреть вопрос о том, может ли его психическое расстройство быть вылеченным в Афганистане и не будет ли отсутствие адекватного лечения равнозначно жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в его случае. Эти утверждения, предоставившие новые обстоятельства в поддержку заявлений о предоставлении дополнительной защиты после рассмотрения дела по существу, государством-участником не оспариваются (пункт 8.5 Решения).

Комитет... принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель не обосновал свое утверждение о том, что ему будет угрожать реальная и личная опасность быть подвергнутым пыткам, если он вернется в Афганистан, и что общая опасность насилия не является достаточным основанием считать, что данному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток в случае возвращения. Тем не менее Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает утверждений заявителя относительно угрожающей ему опасности подвергнуться пыткам или жестокому обращению как возвратившемуся лицу, которому было отказано в убежище, и относительно неспособности правительства Афганистана обеспечить защиту от пыток. Кроме того, Комитет отмечает, что Департамент иммиграции и охраны границ государства-участника пришел к выводу о том, что заявитель вполне может переехать в какой-либо другой район в пределах Афганистана, включая Кабул, хотя Департамент согласился с тем, что автор сообщения и его отец были похищены талибами и на протяжении нескольких месяцев подвергались ими пыткам и что автор стал свидетелем обезглавливания его отца и поэтому опасается возвращения в Афганистан. Комитет также отмечает, что государство-участник указало на противоречия и несоответствия в утверждениях заявителя; однако Комитет считает, что редко можно ожидать полной точности информации, сообщаемой жертвами пыток²⁶, психические расстройства которых надлежит должным образом принимать во внимание. Кроме того, несмотря на вывод о том, что заявителю не будет отказано в предоставлении медицинской помощи в Афганистане, государство-участник признало, что уровень оказания психиатрической помощи в Афганистане «сравнительно низок» (пункт 8.6 Решения).

Комитету известно о положении в области прав человека в Афганистане, и он отмечает, что австралийские власти учитывали этот вопрос при оценке риска, с которым может столкнуться заявитель, если он вернется в страну своего происхождения. Что касается утверждения заявителя, касающегося опасности, которой он подвергнется в качестве получившего отказ просителя убежища, который в течение нескольких лет жил в западной стране, Комитет отмечает отсутствие каких-либо аргументов государства-участника, опровергающих это утверждение.

---

²⁶ См. сообщение № 21/1995, *Алан против Швейцарии*, Решение, принятое 8 мая 1996 г., пункт 11.3.

Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он подвергался пыткам со стороны негосударственных субъектов и что государство-участник будет не в состоянии защитить его, если он вернется в Афганистан (пункт 8.7 Решения).

Комитет... отмечает, что аргументы заявителя и представленные в их поддержку свидетельства были рассмотрены властями государства-участника... Комитет считает бесспорным тот факт, что заявитель удерживался под стражей и подвергался пыткам талибами, что у него хрупкое состояние здоровья, поскольку у него были диагностированы тревожное состояние, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство, связанные с психологическим потрясением, которое он перенес в Афганистане, и предположительно еще более усугубленные его продолжительным содержанием под стражей в государстве-участнике в качестве незаконного мигранта, и что риск применения пыток или причинения значительного вреда нельзя исключать, поскольку государство-участник рекомендовало ему переехать в какой-нибудь другой район Афганистана (пункт 8.8 Решения).

Комитет считает, что, хотя государство-участник выразило обеспокоенность по поводу, например, достоверности аргументов заявителя, касающихся его опасения подвергнуться пыткам или угроз, которым он подвергся, оно пришло к негативному заключению относительно правдивости заявления без надлежащего изучения основополагающего аспекта претензии заявителя, а именно того, не могут ли перенесенные им ранее пытки, усугубляемые его нынешним психическим расстройством, возникшим в результате пыток и бесчеловечного обращения, которым он подвергался в Афганистане, представлять собой его нынешний профиль рисков в результате опасности нанесения ему серьезного и значительного вреда в случае его возвращения в Афганистан. В этой связи Комитет считает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не уделив достаточного внимания тому факту, что афганские власти не в состоянии защитить заявителя от дальнейших преследований со стороны талибов, государство-участник не провело достаточного расследования по вопросу о том, будет ли заявителю угрожать применение пыток или жестокое обращение в случае его возвращения в Афганистан. В этой связи Комитет, ссылаясь на свою правовую практику²⁷, считает, что возможность нахождения другого местожительства или переселения не является надежной и долгосрочной альтернативой, поскольку отсутствие защиты является общераспространенным явлением и данному лицу будет угрожать риск дальнейшего преследования или причинения серьезного вреда, особенно в ситуации, при которой преследования гражданского населения со стороны антиправительственных элементов носят зачастую произвольный характер

---

²⁷ См., например, сообщение № 338/2008, *Мондаль против Швеции*, Решение, принятое 23 мая 2011 г., пункт 7.4.

в стране происхождения заявителя. Комитет также считает, что власти государства-участника не смогли адекватно оценить психическое состояние заявителя, фактическое наличие возможностей для адекватного лечения в Афганистане и потенциальные последствия принудительного возвращения заявителя в страну его происхождения для его психического здоровья. В связи с этим Комитет считает, что в данных обстоятельствах высылка заявителя в Афганистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.9 Решения).

Выводы Комитета: государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от принудительного возвращения заявителя в Афганистан или любую другую страну, где ему угрожает реальная опасность быть высланным или возвращенным в Афганистан (пункт 9 Решения).

Сообщение: *Субакаран Р. Тиругнанасампантар против Австралии.* Сообщение № 614/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 9 августа 2017 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя из Австралии в Шри-Ланку.

Вопрос существа: угроза применения пыток в случае.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: заявитель утверждает, что по возвращении в Шри-Ланку он будет задержан, подвергнут пыткам и, возможно, убит военнослужащими Шри-Ланки или связанными с ними военизированными группами за свое участие в 2005 году в школьной театральной постановке, организованной «Тиграми освобождения Тамил-Илама»²⁸ (далее – ТОТИ), в связи с чем он подозревается в том, что является сторонником ТОТИ. Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в 2008 году неизвестная вооруженная банда явилась к нему домой и допросила его о ТОТИ; что в июне 2008 года два лица попытались похитить его из школы; в период с октября 2009 по январь 2011 года он скрывался в церкви Св. Марии в Джафне, поскольку члены вооруженных банд в поисках него неоднократно являлись к членам его семьи; и что в мае 2011 года военнослужащие Шри-Ланки провели обыск в его доме, в ходе которого они напали на заявителя и избili его. Комитет также отмечает утверждения заявителя о том, что в июне 2011 года он был похищен большой группой мужчин в белом микроавтобусе, был избит и подвергся сексуальному насилию; и что один из членов банды позволил ему бежать после того, как отец заявителя дал взятку. Комитет далее отмечает утверждения заявителя о том, что, когда он бежал в Малайзию с целью избежать дальнейших преследований, военнослужащие Шри-Ланки и члены вооруженных банд приходили к

²⁸Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства Тамил-Илам на территории Шри-Ланки.

нему домой и допрашивали его брата, а также о том, что он вновь подвергнется преследованиям со стороны военизированных групп, связанных с армией Шри-Ланки, в случае своего возвращения в страну (пункт 8.5 Решения).

Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что заявитель не смог представить достоверных доказательств и не обосновал того, что имеется предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей страны в случае его возвращения в Шри-Ланку, а также что его утверждения были тщательно рассмотрены в рамках процедур определения статуса беженца и необходимости предоставления дополнительной защиты в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешней ситуации в области прав человека в Шри-Ланке. Комитет отмечает, что власти государства-участника пришли к выводу о том, что утверждения заявителя относительно преследований в период с 2008 по 2011 год и его предполагаемого похищения в июне 2011 года не заслуживают доверия... Комитет отмечает, что государство-участник не согласилось с тем, что заявитель подозревается в том, что он является сторонником ТОТИ и представляет интерес для военизированных групп армии Шри-Ланки в связи с его участием в школьной театральной постановке в 2005 году. Напротив, оно считает, что тот факт, что заявитель смог покинуть Шри-Ланку по своему собственному паспорту без каких-либо происшествий, свидетельствует об обратном. Принимавшие решения инстанции полагались на информацию, согласно которой обстановка в области безопасности в Шри-Ланке улучшилась после прекращения боевых действий в 2009 году и заявитель не может подвергнуться преследованию по причине своего тамильского происхождения, принадлежности к определенной социальной группе молодых людей или предполагаемых политических взглядов в качестве сторонника ТОТИ. В отношении предполагаемых преследований других участников школьной театральной постановки 2005 года и предполагаемого допроса его брата военнослужащими Шри-Ланки и вооруженными бандами в то время, когда он находился в Малайзии в 2011 году, власти государства-участника не считают, что заявитель является надежным свидетелем в отношении значительной части своих утверждений. Кроме того, государство-участник считает, что он не представил убедительных доказательств того, что власти Шри-Ланки разыскивали его в недавнем прошлом или иным образом проявляли к его личности интерес. Наконец, Комитет принимает к сведению информацию государства-участника о том, что заявитель не был задержан или привлечен к ответственности сотрудниками полиции Шри-Ланки после его возвращения в Шри-Ланку и ему было разрешено беспрепятственно покинуть аэропорт (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель не представил свои комментарии в ответ на замечания государства-участника и не ответил ни на одно из

направленных Комитетом напоминаний, что может являться следствием его высылки в Шри-Ланку. В отношении утверждения заявителя о том, что он рискует подвергнуться пыткам по возвращении в Шри-Ланку, поскольку он является молодым тамилем и имеет реальные или предполагаемые связи с ТОТИ, а также является получившим отказ просителем убежища, Комитет принимает решение о том, что жителям Шри-Ланки тамильского происхождения, ранее имевшим реальные или предполагаемые личные или семейные связи с ТОТИ, в случае принудительного возвращения в Шри-Ланку может угрожать опасность применения пыток... Комитет отмечает нынешнее положение дел в области прав человека в Шри-Ланке и ссылается на свои заключительные замечания по пятому периодическому докладу Шри-Ланки, в которых он выразил обеспокоенность, в частности, сообщениями о непрекращающихся похищениях, пытках и жестоком обращении со стороны государственных сил безопасности в Шри-Ланке, в том числе военнослужащих и сотрудников полиции, которые продолжаются во многих частях страны после завершения конфликта с ТОТИ в мае 2009 года²⁹, а также на достоверные сообщения неправительственных организаций³⁰ об обращении властей Шри-Ланки с лицами, возвращенными в Шри-Ланку³¹... Комитет...напоминает, что, хотя прошлые события могут иметь отношение к делу, главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, подвергается ли в настоящее время заявитель опасности применения пыток в случае своего возвращения в Шри-Ланку³². Кроме того, Комитет отмечает, что при оценке государством-участником ходатайства заявителя о предоставлении убежища власти государства-участника также учитывали возможный риск жестокого обращения с лицами, которым было отказано в предоставлении убежища, по их возвращении в Шри-Ланку, но не посчитали, что в данном случае власти Шри-Ланки в недавнем прошлом разыскивали его или иным образом проявляли к его личности интерес. Комитет полагает, что в данном случае власти государства-участника надлежащим образом рассмотрели жалобу заявителя (пункт 8.7 Решения).

В свете вышеуказанных соображений и всей представленной заявителем и государством-участником информации, в том числе об общем положении дел в области прав человека в Шри-Ланке, Комитет

---

²⁹ См. САТ/С/ЛКА/СО/5, пункты 9–12.

³⁰ Freedom from Torture, *Tainted Peace: Torture in Sri Lanka since May 2009* (August 2015), доступно по адресу www.freedomfromtorture.org/sites/default/files/documents/sl_report_a4_-_final-f-b-web.pdf.

³¹ См. сообщение № 628/2014, *Дж.Н. против Дании*, Решение, принятое 13 мая 2016 г., пункт 7.9.

³² См., например, сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Соображения, принятые 6 мая 1998 г., пункт 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 г., пункт 7.7; или № 458/2011, *X против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 9.5.

приходит к заключению, что в данном случае заявитель не смог представить достаточных доказательств³³, поскольку он не доказал наличия серьезных оснований полагать, что в случае его принудительной высылки в страну происхождения ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность стать жертвой пыток по смыслу статьи 3 Конвенции. Хотя заявитель не согласен с оценкой властями государства-участника его утверждений, он не смог продемонстрировать, что решение об отказе ему в оформлении визы в целях защиты было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии (пункт 8.7 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается невыполнения государством-участником просьбы Комитета от 24 июня 2014 года о принятии временных мер защиты в отношении заявителя с целью не допустить его депортации и его принудительной высылки в Шри-Ланку 25 июня 2014 года, то Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 22 Конвенции в связи с отказом от добросовестного сотрудничества с Комитетом, в результате чего Комитет не смог эффективно рассмотреть настоящее сообщение³⁴ (пункт 9 Решения).

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин³⁵

Сообщение: *Н.М. против Дании*. Сообщение № 78/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 21 июля 2017 г.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на пункт 21 своей [О]бщей рекомендации № 32 (2014) по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, в котором отмечается, что согласно международному праву в области прав человека

³³ См. сообщение № 429/2010, *Сиваганаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 г., пункты 10.5 и 10.6.

³⁴ См. сообщение № 428/2010, *Калиниченко против Марокко*, Решение, принятое 25 ноября 2011 г., пункт 16. См. также *Турсунов против Казахстана*, пункт 10; и *Д.И.С. против Венгрии*, пункт 11.

³⁵ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

принцип невыдворения возлагает на государство обязанность воздерживаться от возвращения любого лица в правовую систему, в которой он или она могут стать жертвами серьезных нарушений прав человека, особенно произвольного лишения жизни или пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. В этом пункте Комитет... указывает на то, что на гражданские и политические права и свободы, включая право на жизнь и право не подвергаться пыткам или жестокому обращению, косвенно распространяется действие Конвенции, а следовательно, государства-участники обязаны не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом то или иное лицо со своей территории на территорию другого государства, когда есть веские основания считать, что имеется реальная опасность причинения этому лицу непоправимого вреда. Принцип невыдворения также является неотъемлемым элементом процедуры предоставления убежища и системы международной защиты беженцев. Суть этого принципа заключается в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она могут подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам. Преследование по гендерным признакам представляет собой преследование, направленное против женщин как таковых или несоразмерно затрагивающее женщин. Данная позитивная обязанность предполагает обязательство государств-участников защищать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами выдворяющего государства-участника. Если государство-участник принимает в отношении лица, находящегося под его юрисдикцией, решение, неизбежным и предсказуемым последствием которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, то государство-участник само может стать нарушителем Конвенции³⁶ (пункт 8.5 Мнения).

Комитет напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств или оценка применения внутреннего законодательства в каждом конкретном случае относится к компетенции уполномоченных органов государств — участников Конвенции³⁷, если не может быть установлено, что такая оценка носила предвзятый характер или базировалась на гендерных стереотипах, представляющих собой

---

³⁶ См. сообщение № 57/2013, *В. против Дании*, Решение о неприемлемости, принятое 11 июля 2016 г.

³⁷ См., например, сообщение № 34/2011, *Р.П.Б. против Филиппин*, Мнения, принятые 21 февраля 2014 г., пункт 7.5.

дискриминацию в отношении женщин, была явно произвольной или являлась равносильной отказу в правосудии³⁸ (пункт 8.6 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по утверждению автора, она состоит в браке с членом Национального фронта освобождения Огадена, в поддержку которого она выступала на собраниях, что представители государственной власти забрали ее мужа из дома, где они совместно проживали, и что, вернувшись в их дом спустя две недели, арестовали ее саму. Она утверждает, что после помещения под стражу она ежедневно на протяжении трех недель подвергалась пыткам и допросам на предмет местонахождения ее супруга и что по прошествии какого-то времени ей удалось бежать, воспользовавшись вспыхнувшей перестрелкой. Она утверждает, что она бежала и смогла в конечном итоге добраться до дома ее тети, которая организовала ее побег на следующий день. По ее словам, она опасается, что может быть вновь арестована и подвергнута пыткам по возвращении на основании принадлежности ее супруга к Фронту освобождения. Автор утверждает, что она подвергалась стрессу и давлению в ходе собеседований и что ей задавались наводящие вопросы, что могло стать причиной противоречивости ее заявлений, на которую ссылается государство-участник (пункт 8.2 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не смогла представить достаточно убедительные доводы, которые позволили бы поверить в наличие для нее угрозы стать жертвой серьезного гендерного насилия в случае ее возвращения в Эфиопию, что ее утверждения были рассмотрены иммиграционными органами Дании, которые пришли к выводу, что автору не угрожает опасность подвергнуться преследованию по смыслу раздела 7 (1) Закона об иностранцах и что она не нуждается в предоставлении статуса защищаемого лица по смыслу раздела 7 (2) Закона об иностранцах в случае ее возвращения в Эфиопию, что автор не смогла достоверно описать ход упомянутых выше событий, представить исчерпывающие разъяснения относительно различных версий обстоятельств ее побега, что ее показания о применении пыток представляются поверхностными и надуманными и что она делала противоречащие одно другому заявления относительно того, видела ли она документы, использовавшиеся для ее побега. Он также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что оно не видит никаких оснований полагать, что автору действительно задавались наводящие вопросы или что она подвергалась ненадлежащему давлению в ходе собеседований, и что, таким образом, упомянутые противоречия остаются без объяснения (пункт 8.3 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что ее права, предусмотренные статьями 3, 5 и 7 Конвенции, были нарушены в

---

³⁸ См., например, сообщение № 62/2013, *Н.К. Соединенного Королевства*, Мнения, принятые 25 февраля 2016 г.

результате лишения ее возможности выбирать собственную политическую принадлежность и угрозы подвергнуться, в случае возвращения в Эфиопию, преследованию по причине принадлежности ее мужа к Национальному фронту освобождения Огадена. Комитет отмечает, что, государству-участнику не вменяется непосредственное нарушение упомянутых положений Конвенции, но в действительности нарушение, о котором заявляет автор сообщения, состоит в том, что в случае ее принудительного возвращения в Эфиопию она может столкнуться с серьезными формами гендерного насилия со стороны эфиопских властей, обусловленными осуществляемой ими дискриминацией по смыслу этих положений (пункт 8.4 Мнения).

Комитет отмечает, что по своей сути заявления автора направлены на оспаривание того, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения законодательства и делали выводы. Таким образом, Комитету необходимо выяснить, были ли в процессе принятия решения по ходатайству автора о предоставлении ей убежища совершены какие-либо нарушения в том смысле, что власти государства-участника не смогли должным образом оценить угрожающую ей опасность подвергнуться серьезному гендерному насилию в случае ее возвращения в Эфиопию... Комитет принимает к сведению критические замечания автора по поводу игнорирования уполномоченными органами государства-участника обоснованности ее заявлений, представленной справочной информации и конкретных доказательств применения в отношении нее пыток. Вместе с тем Комитет считает, что после рассмотрения всех представленных автором материалов уполномоченные органы государства-участника пришли к выводу, что поведенная ею история не вызывает доверия по причине наличия несоответствий и недостаточной обоснованности. Комитет отмечает, что никакие из имеющихся материалов не указывают на то, что при рассмотрении властями заявлений автора были допущены какие-либо подобные нарушения, которые позволяли бы сделать вывод о том, что государство-участник не обеспечило должный учет опасностей, которые могли угрожать автору сообщения (пункт 8.6 Мнения).

В свете вышеизложенного, должным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общей ситуации в области прав человека в Эфиопии, в особенности в контексте прав женщин, Комитет считает, что ничто в материалах настоящего дела не дает ему оснований сделать вывод о том, что уполномоченные органы государства-участника не уделили должного внимания ходатайствам автора о предоставлении убежища. В этой связи Комитет считает, что уполномоченные органы государства-участника при рассмотрении ходатайства автора о предоставлении убежища руководствовались соответствующими обязательствами государства-участника по Конвенции (пункт 8.7 Мнения).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора о предоставлении убежища и принятии решения о ее принудительном возвращении в Эфиопию положения статей 3, 5 и 7 Конвенции нарушены не были (пункт 9 Мнения).

Сообщение: *Ф.Ф.М. против Дании*. Сообщение № 70/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 21 июля 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает заявление автора сообщения о том, что она подверглась преследованиям со стороны членов семьи ее мужа, вызванным их недовольством таким родством в силу ее принадлежности к более низкой касте, и что в 2010 году она перенесла у себя дома серьезное физическое насилие со стороны членов семьи мужа, а именно ей нанесли ножевые ранения и ожоги, и что члены этой семьи возвращались еще дважды и в последнем случае пытались ее убить, но по ошибке убили ее мачеху. Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения, согласно которому у нее не было возможности обратиться в полицию в связи с тем, что полицейские силы не имеют влияния на юге Сомали, который находится под неформальным управлением деревенских старейшин и под контролем «Аш-Шабааб». Помимо этого, автор заявляет, что отец от ее имени принял предложение о ее вступлении в брак с членом группировки «Аш-Шабааб», которое она отвергла, и что в это же время она тайно вышла замуж за своего жениха. Когда об этом стало известно, члены «Аш-Шабааб» распространили в ее деревне листовки с обвинением ее в нарушении законов шариата и требованием ее выдачи. Автор сообщения бежала в Могадишо и впоследствии узнала, что в связи с описанными событиями боевики «Аш-Шабааб» похитили и убили ее отца (пункт 8.2 Мнения).

Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что автор сообщения не представила достаточных доказательств того, что имеются существенные основания полагать, что в случае возвращения в Сомали для нее существует опасность подвергнуться серьезному гендерному насилию, что ее заявления были рассмотрены иммиграционными властями Дании и что последние пришли к выводу о том, что автору сообщения не угрожает опасность подвергнуться преследованию, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 закона «Об иностранных гражданах», и что она не будет нуждаться в предоставлении защиты, как это предусмотрено пунктом 2 статьи 7 Закона, в случае ее возвращения в Сомали; что автор сообщения не представила достоверного объяснения описанных событий, что она не объяснила всех причин своего тайного вступления в брак, что в период рассмотрения дела о предоставлении убежища она с опозданием, только перед началом апелляционных слушаний представила подкрепляющие доказательства со

стороны свидетеля, который был знаком с ее отцом, и школьный сертификат и что согласно результатам языкового анализа местом ее происхождения не является юг Сомали, как она утверждает (пункт 8.3 Мнения).

Комитет... принимает к сведению заявления автора сообщения о том, что она вступила в тайный брак по любви, что она встретила лиц, которые могли подтвердить ее показания, только после начала рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, сообщила об этих контактах в кратчайшие сроки и обратилась к государству-участнику с просьбой об их проверке и о своем полном медицинском обследовании для установления факта наличия шрамов на теле и их вероятного происхождения в подтверждение ее заявлений. Автор сообщения также ссылается на очень подробные пояснения, сделанные ей в отношении своей деревни и окрестностей, приводит факты, свидетельствующие о том, что, по заключению специалистов, языковые тесты могут давать ошибочные результаты, и отмечает, что аналитик не имел лингвистической подготовки (пункт 8.4 Мнения).

Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника, что оно не обязано проводить дополнительного расследования в том случае, если достоверность заявления автора сообщения в целом вызывает сомнения и есть основания полагать, что новые показания не изменят результатов оценки. Кроме того, государство-участник заявляет, что у автора сообщения есть защитники в Сомали в лице ее отца и сводных братьев (пункт 8.5 Мнения).

Комитет принимает к сведению, что по сути заявления автора сообщения направлены на оспаривание того, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения национального законодательства и делали выводы... Комитет принимает к сведению, что в материалах дела отсутствуют факты, которые указывали бы на то, что подходу уполномоченных органов к изучению заявлений автора сообщения в отношении ее страхов, связанных с рисками, которым она могла бы подвергнуться по возвращении в Сомали, были присущи какие-либо недостатки такого рода... Комитет принимает к сведению критические замечания автора сообщения по поводу того, что национальные органы проигнорировали значимость ее утверждений, отдельные доказательства и показания свидетелей в поддержку ее заявлений (пункт 8.6 Мнения).

[У]читывая информацию, представленную сторонами, Комитет делает вывод о наличии несоответствий в заявлениях автора сообщения, что подрывает доверие к ее показаниям, в частности: а) ее решение о тайном вступлении в брак, которое также было представлено как попытка избежать насильственного брака с членом группировки «Аш-Шабааб»; и б) ее утверждение, что сведения об учителе были предъявлены только на

этапе апелляции, потому что она не связывалась ни с кем из жителей родной деревни до начала рассмотрения ходатайства, что противоречит ее заявлению о встрече с соотечественницей, которая помогла ей связаться с учителем, во время пребывания в Греции, то есть до прибытия на территорию государства-участника. Комитет... принимает к сведению несоответствия в изложении фактов в отношении шрамов, в том числе утверждение, что на нее напали дома, которое противоречит тому, что она рассказала доктору, давшему ей направление на физиотерапию, о своем избииении на улице. Также было отмечено, что в ходе рассмотрения ее ходатайства о предоставлении убежища изменилось описание характера нападения: она говорила доктору, что ее били по обоим плечам, тогда как во время второго собеседования заявила, что получила «удары в сердце», от которых всё еще не может оправиться. Комитет отмечает, что автор сообщения не представила дополнительной информации или подробностей по этому вопросу. Факт нападения 2010 года был предъявлен только позднее в ходе рассмотрения дела, и автору не удалось это надлежащим образом объяснить. Уполномоченные органы проанализировали все доводы, представленные автором сообщения в процессе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, и взвесили ее заявления по поводу угроз со стороны родственников ее мужа и боевиков «Аш-Шабааб»; доказательства, представленные ею в отношении района своего происхождения в Сомали, включая заявление свидетеля и школьный сертификат, и ее утверждения о том, что по возвращении в Сомали она может стать жертвой преследования или даже убийства. Тем не менее после рассмотрения всех указанных показаний уполномоченные органы государства-участника сделали вывод, что ее история не вызывает доверия по причине наличия несоответствий или необоснованности (пункт 8.8 Мнения).

[Д]олжным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общей ситуации в области прав человека в Сомали и, в частности, в контексте прав женщин, Комитет считает, что ничто в материалах настоящего дела не дает ему оснований сделать вывод о том, что уполномоченные органы государства-участника не уделили должного внимания ходатайствам автора о предоставлении убежища. Исходя из этого, Комитет не может установить, что рассмотрение ее ходатайства о предоставлении убежища уполномоченными органами государства-участника осуществлялось с нарушением его обязательств согласно Конвенции (пункт 8.8 Мнения).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и принятии решения о ее последующей высылке в Сомали положения статей 1, 2, 3, 5 или 16 Конвенции нарушены не были (пункт 9 Мнения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека³⁹ по жалобам № 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07 «*Бердзенишвили и другие против России*» (вынесено 20 декабря 2016 г., вступило в силу 20 марта 2017 г.), в котором установлено нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5, статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴⁰, пункта 4 Протокола № 4 к Конвенции в связи с незаконным задержанием пятнадцати граждан Грузии, необеспечением им надлежащих условий содержания в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства и отсутствием у них эффективных средств правовой защиты от данных нарушений, а также выдворением соответствующих граждан с территории Российской Федерации без обеспечения надлежащего изучения ситуации каждого заявителя (коллективное выдворение).

Власти Российской Федерации утверждали, что Суд должен воздержаться от рассмотрения вопросов, поднятых в индивидуальных жалобах, поскольку в своем постановлении по межгосударственной жалобе «*Грузия против России (I)*» Суд уже установил нарушение прав конкретных граждан Республики Грузия и, следовательно, прав конкретных заявителей. Власти утверждали, что установление нарушений предусмотренных Конвенцией прав тех же лиц и при тех же обстоятельствах в ходе разбирательств, возбужденных по индивидуальной жалобе, приведет к «привлечению государства к ответственности за одно и то же нарушение», что является неприемлемым согласно международному праву (пункт 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что «Конвенция предусматривает запрет на «привлечение государства к ответственности за одно и то же нарушение», только в том, что касается подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, когда Суд не рассматривает жалобу, которая «является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов» (пункт 37 постановления).

Суд напомнил, что «для того, чтобы жалоба была «по сути аналогичной» она должна не только касаться тех же фактов и жалоб, но и подаваться теми же лицами. Следовательно, это не тот случай, когда подав межгосударственную жалобу, государство-заявитель лишило индивидуальных заявителей возможности подать и добиваться рассмотрения своих жалоб... [Р]ассмотрение межгосударственного дела «*Грузия против России (I)*»... не мешает Суду рассмотреть настоящие индивидуальные жалобы» (пункт 37 постановления).

³⁹ Далее также – Европейский Суд, Суд.

⁴⁰ Далее также – Конвенция.

Большинство заявителей жаловались на то, что они, будучи гражданами Грузии, подверглись коллективной высылке из Российской Федерации в нарушение статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции.

Заявители также утверждали, что с начала октября 2006 года в Российской Федерации действовала скоординированная политика по высылке граждан Грузии. Согласно этой политике заявители задерживались, содержались под стражей и впоследствии высылались без отдельного рассмотрения каждого дела или конкретных обстоятельств каждого заявителя. Заявители не могли выступить и представить свои аргументы в российских судах, а высылались на основании стандартного судебного постановления (пункт 75 постановления).

Европейский Суд напомнил о своей практике, согласно которой «...коллективная высылка по смыслу статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции, должна пониматься, как любая мера, принуждающая иностранцев, как группу, покинуть страну, помимо случаев, когда такая мера принимается на основании обоснованного и объективного рассмотрения конкретного дела каждого отдельного иностранца группы...[Р]азумное и объективное рассмотрение дела требует, чтобы каждому соответствующему лицу предоставлялась возможность привести аргументы против высылки компетентным органам на индивидуальной основе... Однако это не означает, что если имело место разумное и объективное рассмотрение конкретного дела в отношении каждого лица, то предпосылки для исполнения решений о высылке более не играют никакой роли при определении вопроса о соблюдении статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции» (пункт 79 постановления).

Суд установил, что «в отношении [некоторых заявителей] суд или иной российский орган не выносил официального решения о выдворении, и они покинули Российскую Федерацию за счет собственных средств...[Н]е было установлено, что сотрудники специального учреждения вынудили [некоторых заявителей] покинуть страну... [И]з-за административной практики, действовавшей в рассматриваемый период, гражданам Грузии в Российской Федерации следовало опасаться задержания, помещения в специальное учреждение и выдворения. Суд [посчитал] понятным, почему некоторые граждане Грузии покинули Российскую Федерацию до вынесения официального решения о выдворении, предвидя свое задержание, помещение в специальное учреждение и выдворение. Тем не менее, в отсутствие такого официального решения о выдворении или какого-либо другого конкретного акта органов власти, Суд [посчитал], что он не может прийти к выводу о том, что эти три заявителя подверглись «мере, принуждающей иностранцев, как группу, покинуть страну... Следовательно, нарушения статьи 4 Протокола № 4 Конвенции допущено не было» (пункты 81–82 постановления).

В отношении остальных заявителей Суд отметил, что «...различные суды вынесли решения об их выдворении из Российской Федерации... [З]аявители стали объектом административной практики изгнания граждан Грузии... [В]ыдворение заявителей не было осуществлено после разумного и объективного рассмотрения дела каждого конкретного лица. Следовательно, имело место нарушение статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции» (пункты 83–84 постановления).

Большинство заявителей жаловались, что процессуальные гарантии, действующие в случае высылки, предусмотренные статьей 1 Протокола № 7 к Конвенции, были нарушены.

Европейский Суд отметил, что «в статье 1 Протокола № 7 к Конвенции прямо говорится об иностранных гражданах, «законно проживающих на территории Государства» (пункт 87 постановления).

Суд посчитал, что не было установлено, что «[некоторые заявители] были выдворены из Российской Федерации, а также что кто-либо из выдворенных заявителей законно проживал на территории Российской Федерации... Соответственно... жалоба, поданная заявителями в соответствии с данной статьей, не является достаточно обоснованной, и что доказательства, представленные ему, являются недостаточными для вывода о том, что имело место нарушение... Следовательно, нарушения статьи 1 Протокола № 7 Конвенции допущено не было (пункты 88-90 постановления).

Все заявители жаловались на нарушение их права на свободу и неприкосновенность, ссылаясь на пункты 1 и 4 статьи 5 Конвенции. Заявители утверждали, что их заключение не только было произвольным, но и не преследовало цели обеспечения выдворения заявителей. По словам заявителей, их заключение было основано на неприязненном отношении к гражданам Грузии. Кроме того, они утверждали, что у них не было практической возможности оспорить законность принятых в их отношении мер, поскольку им было отказано в праве на юридическую консультацию, и они были депортированы без предоставления им возможности оспорить судебные решения, которые не были им вручены и которые были результатом несовершенного судопроизводства (пункт 92 постановления).

Европейский Суд установил, что заключение заявителей под стражу было связано с их последующим выдворением из Российской Федерации и являлось частью административной практики задержания, содержания в специальных учреждениях и выдворения граждан Грузии. Следовательно, заявители были помещены в специальные учреждения с целью их выдворения» (пункт 96 постановления).

Суд напомнил, что «подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого принимаются меры с целью его депортации, считалось объективно необходимым, к примеру, для предотвращения совершения этим лицом преступления или побега. В этом отношении подпункт «f» пункта 1

статьи 5 предусматривает другой уровень защиты, нежели подпункт «с» пункта 1 статьи 5: все, что требуется подпунктом «f», это чтобы «мера принималась с целью депортации»... В случае возникновения спора о «законности» содержания под стражей, Конвенция главным образом ссылается на обязательство подчинения материально-правовым и процессуальным нормам национального законодательства, но, помимо этого, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, предоставляющей физическим лицам защиту от произвола» (пункты 97–98 постановления).

В отношении некоторых заявителей Суд пришел к выводу о том, что «в отсутствие у граждан Грузии эффективных и доступных средств правовой защиты в отношении задержаний, содержания в специальном учреждении и постановлений о выдворении в течение рассматриваемого периода, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 102 постановления).

В отношении других заявителей Суд отметил, что он не смог вне разумного сомнения установить, что заявители содержались в специальных учреждениях и, таким образом, он пришел к выводу о том, что в нарушении пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции допущено не было (пункты 103–104 постановления).

Заявители также жаловались, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на ненадлежащие условия их содержания в специальном учреждении.

Европейский Суд не усмотрел причин отклоняться от своих выводов, сделанных в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против России (I)» и пришел к выводу, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими достоинство условиями содержания (пункты 118-119 постановления).

Некоторые заявители также жаловались на то, что постановления об их выдворении стали результатом несправедливых судебных разбирательств в нарушение гарантий пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Суд напомнил, что «процедуры высылки иностранцев не касаются определения «гражданского права» в целях пункта 1 статьи 6. Тот факт, что постановления о выдворении попутно оказывают сильное влияние на частную и семейную жизнь лица или на его возможность трудоустройства, не может быть достаточным для того, чтобы судебное разбирательство затрагивало гражданские права, защищаемые пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Такие постановления представляют собой специальную меру пресечения в целях иммиграционного контроля и, следовательно, также не касаются определения уголовного обвинения заявителя в целях пункта 1 статьи 6. Тот факт, что они могут налагаться в контексте уголовного судопроизводства, не может изменить их по сути превентивный характер» (пункт 121 постановления).

Европейский Суд заключил, что решения о выдворении заявителей не имеют отношения к определению их гражданских прав или

обязанностей или их уголовного обвинения в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции... Следовательно, пункт 1 статьи 6 неприменим в настоящем деле, и жалоба заявителей на основании пункта 1 статьи 6 должна быть признана несовместимой *ratione materiae* в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункты 122-123 постановления).

Заявители также жаловались на то, что в их распоряжении не было эффективного средства правовой защиты, чтобы оспорить их незаконное задержание, содержание в специальном учреждении и выдворение. Они ссылались на статью 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 и пунктом 1 статьи 5 Конвенции, статьей 2 Протокола № 4 и статьей 1 Протокола № 7.

Европейский Суд отметил, что «в своем пилотном постановлении, по делу *«Ананьев и другие против России»*, он установил, что в соответствующее время в российской правовой системе отсутствовало эффективное средство правовой защиты, которое можно было бы использовать, чтобы прекратить условия бесчеловечного и унижающего достоинство содержания под стражей или получить соответствующую и достаточную компенсацию в отношении жалобы на несоответствующие условия содержания под стражей» (пункт 131 постановления)

Суд пришел к выводу о том, что «в отношении заявителей, по которым он установил нарушение статьи 3, было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3» (пункт 132 постановления).

Заявители также жаловались на то, что они были задержаны, заключены под стражу и выдворены не на основании нарушений соответствующих иммиграционных правил, а из-за того, что они являются гражданами Грузии. Они ссылались на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 3, пунктом 1 статьи 5 и статьи 6 Конвенции, статьями 2 и 4 Протокола № 4 и статьей 1 Протокола № 7.

Европейский Суд подчеркнул, что «статья 14 Конвенции дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не существует независимо, поскольку действует лишь в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных указанными положениями. Хотя для применения статьи 14 Конвенции и не требуется, чтобы эти положения предварительно были нарушены, — и в этом смысле эта статья Конвенции автономна, — она не может применяться до тех пор, пока обстоятельства рассматриваемого Судом дела не попадут в сферу действия одной или нескольких статей Конвенции. Кроме того, в соответствии с установившейся прецедентной практикой Суда, для возникновения вопроса о нарушении статьи 14 должно существовать различие в обращении с лицами в относительно схожих ситуациях. Подобное различие в отношении является дискриминационным, если оно

лишено объективного надлежащего обоснования» (пункт 135 постановления).

Суд отметил, что «в конкретных обстоятельствах настоящего дела жалобы, поданные заявителями на основании статьи 14 в совокупности с пунктом 1 статьи 5 и статьями 2 и 4 Протокола № 4, являются теми же (хоть они и поданы под другим углом), что и жалобы, поданные на основании материально-правовых положений. Суд напоминает, что в отношении задержания и помещения под стражу, в той мере в какой они могли быть установлены, Суд установил нарушение пункта 1 статьи 5 и пришел к выводу о том, что необходимость в рассмотрении жалобы, поданной на основании статьи 2 Протокола № 4, отсутствует. Суд также установил нарушение статьи 4 Протокола № 4 ввиду выдворения заявителей. Соответственно [Суд посчитал] что нет необходимости определять, было ли в настоящем деле допущено нарушение статьи 14 в совокупности с указанными положениями в связи с дискриминирующим обращением в отношении грузинских граждан...[Суд также посчитал] что нет необходимости определять, имело ли место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 3, учитывая, что несоответствие требованиям условий содержания в российских тюрьмах требованиям касалось всех заключенных, независимо от их национальности» (пункты 136-137 постановления).

В целом Суд пришел к выводу о том, что «нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 6 и статьей 1 Протокола № 7 допущено не было» (пункт 138 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика договорных органов ООН

См. нижеприведенные Соображения Комитета по правам человека по делу *Жаслан Сулейменов против Казахстана*. Сообщение № 2146/2012. Соображения приняты 21 марта 2017 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам №№ 59443/12 и 59502/12 *«Резник и Гузеева против России»* (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания под стражей.

Заявители жаловались на условия их содержания под стражей в нарушение статьи 3 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «[в делах, касающихся утверждений о ненадлежащих условиях содержания под стражей, не всегда может быть

применен принцип] *affirmanti incumbit probatio*⁴¹, так как в таких случаях только Власти государства-ответчика имеют доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть такие утверждения» (пункт 27 постановления).

Суд установил, что «в журналах количественной проверки подозреваемых, обвиняемых и осужденных не указывались имена заключенных. Информация, приведенная в суточных ведомостях учета лиц, временно выбывших из следственного изолятора, касающаяся камер, в которых содержались заявители, отличалась от указанной в справках, выданных начальником учреждения. Кроме того, справки были выданы через три года после того, как завершилось содержание заявителей под стражей, и не включали исходных данных, использованных при их подготовке» (пункт 29 постановления).

Европейский Суд отметил, что «Власти предпочли представить копии определенных страниц журналов количественной проверки подозреваемых, обвиняемых и осужденных, включающих только сорок восемь дней из более чем пяти лет и двух месяцев, которые заявители провели в следственном изоляторе... Также значения максимальной вместимости в камерах заявителей, камерах... были написаны от руки на всех страницах журнала, представленных Властями, и соответствовали фактическому количеству заключенных в указанных камерах, при этом во всех остальных камерах данные о максимальной вместимости были напечатаны заранее и чаще не соответствовали фактическому количеству заключенных. Власти не указали точного времени и цели внесения исправлений в журнал...[И]зменения в журнале учета численности заключенных, без предоставления каких-либо объяснений по поводу их происхождения, причины и времени внесения, делают содержащуюся в нем информацию недостоверной» (пункт 30 постановления).

Суд установил, что «Власти не смогли полностью обосновать свой довод о том, что число заключенных в камерах, где содержались заявители, не превышало проектной вместимости камер. Также Власти не представили комментариев в отношении показаний сокамерников первого заявителя в подтверждение его утверждений или отрицая то, что они содержались под стражей в том же учреждении в течение соответствующего периода» (пункт 32 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания заявителей под стражей в следственном изоляторе» (пункт 35 постановления)⁴².

---

⁴¹ Доказывание возлагается на утверждающего (лат.).

⁴² В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Постановления Европейского Суда по жалобам № 5122/10 и 4 другие жалобы «*Багнов и другие против России*»

***Чрезмерная длительность исполнения вступивших в законную силу
судебных постановлений***

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с неисполнением или чрезмерно длительным исполнением вступивших в законную силу судебных решений по делам заявителей.

Постановления Европейского Суда по жалобам № 35187/07, 12724/08, 19122/08, 39659/08, 56636/09, 54398/13 ***«Авдеев и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 5254/04 ***«Титов против России»*** (вынесено и вступило в силу 17 октября 2017 г.), № 33614/12, 51165/12, 67355/12, 72229/13, 76562/13, 20387/14 ***«Байкина и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 48691/13, 52355/13, 39924/14, 40131/14, 45207/14, 45292/14 ***«Белоножко и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 2349/06, 40373/06, 9438/08, 39377/08, 58421/08, 57878/09, 75585/11, 32131/13 ***«Духанин и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 352/07, 53462/07, 60787/08, 37712/09, 11176/10, 39001/11, 47888/11, 31984/12 ***«Зайнетдинов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 66076/11, 2273/12, 33370/12, 44948/12, 19425/13, 31134/14 ***«Маркины и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 34867/06, 46260/09, 13609/11, 17733/11, 25947/11, 39181/12, 45000/12, 66896/12 ***«Морозов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 522/06, 12975/06, 18927/06, 38818/06, 42364/10, 42379/11 ***«Федоренко и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 20857/05, 9680/06, 23211/06, 24314/07, 2639/10, 28294/13, 78568/13 ***«Шматко и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.) и № 8356/08, 21561/08, 395/09, 15344/13,

---

(вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 9150/05 и 27 других жалоб ***«Задонский и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 8 ноября 2016 г.), № 63346/13 и 6 других ***«Мануйлов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), № 9297/09 и 4 другие жалобы ***«Поломкин и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 4998/08 и 4 другие жалобы ***«Потехин и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.) и № 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07 ***«Бердзенишвили и другие против России»*** (вынесено 20 декабря 2016 г., вступило в силу 20 марта 2017 г.).

30086/13, 40295/14 «*Околелов и другие против России*» (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.).

Право на уважение семейной жизни

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам №№ 35090/09, 35845/11, 45694/13 и 59747/14 «*Полякова и другие против России*» (вынесено 17 марта 2017 г. вступило в силу 3 июля 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с несоблюдением права заявителей на уважение семейной жизни ввиду направления заявителей для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные на значительном отдалении от места проживания их семей и близких, и отсутствием у заявителей реальной возможности добиться в национальных судах отмены соответствующих решений.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителя, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы, в судебных заседаниях первой и апелляционной инстанции при рассмотрении его гражданского дела.

Заявители жаловались, ссылаясь на статью 8 Конвенции, о нарушении их прав на уважение семейной жизни ввиду отсутствия практических возможностей для посещения их в исправительных учреждениях в связи с решениями об их распределении в отдаленные исправительные учреждения и последующей неспособности добиться их перевода в другие учреждения.

Европейский Суд напомнил, что «право на уважение семейной жизни – это неотъемлемая часть прав заключенного, которые предоставляют ему власти, или при необходимости оказать ему помощь в поддержании связи с близкими родственниками... [П]о вопросу семейных посещений, согласно статье 8 Конвенции государство обязано учитывать интересы осужденного и его родных, а также членов семьи... [П]омещение осужденного в особое исправительное учреждение может привести к возникновению вопроса по статье 8 Конвенции, если это повлияет на его личную или семейную жизнь и выйдет за рамки «обычных» лишений и невзгод и ограничений, характерных для самого понятия о тюремном заключении» (пункт 81 постановления).

Суд также установил, что в настоящем деле «в отношении каждого заявителя расстояние (от 2 000 до 8 000 километров) между исправительными учреждениями и местом жительства родственников заключенного было достаточно отдаленным, чтобы создать трудности этим лицам» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд отметил, что «реабилитация, то есть реинтеграция осужденных в общество, является обязательной для любого общества, в

системе ценностей которого человеческое достоинство занимает центральное место...Статья 8 Конвенции требует от государства оказания всей возможной помощи заключенным по созданию и поддержанию отношений с людьми, находящимися вне тюрьмы, в целях содействия социальной реабилитации заключенных. В этом контексте имеет значение расположение места содержания заключенного под стражей... В то время как повсюду остается одной из целей лишения свободы, акцент в европейской пенитенциарной политике в настоящее время делается на реабилитационную цель лишения свободы, особенно к концу длительного срока тюремного заключения...Несмотря на тот факт, что Конвенция не гарантирует право на реабилитацию как таковое, практика Европейского Суда предполагает, что осужденные, включая пожизненно осужденных, имеют возможность реабилитироваться» (пункт 88 постановления).

Суд также подчеркнул, что «[с]огласно Европейским пенитенциарным правилам...национальные власти обязаны предотвращать разрыв семейных связей и обеспечивать для заключенных разумную степень контакта с их семьями, предоставляя возможности для посещения так часто, насколько это возможно, и максимально нормальным образом» (пункт 89 постановления).

Европейский Суд отметил, что «факторы, влияющие на возможность родных заключенного навещать его или ее в определенном исправительном учреждении, могут существенно различаться в каждом конкретном случае. Финансовая ситуация в семьях и реалии транспортной системы в различных областях могут значительно различаться. Таким образом, даже если географическое расстояние между домом заключенного и исправительным учреждением для двух разных заключенных одинаково, возможности их родных навещать их могут в корне отличаться друг от друга. Тем не менее, законодательство должно обеспечивать определенную степень правовой защиты от произвольного вмешательства со стороны властей... Требования к национальному законодательству в области географического распределения заключенных заключаются не в том, чтобы установить критерий для измерения расстояния между домом заключенного и исправительным учреждением или составить исчерпывающий перечень причин отступить от общих применяемых правил, а скорее в том, чтобы предоставить условия для адекватной оценки исполнительной властью индивидуальной ситуации такого заключенного и его или ее родных, и учесть все факторы, которые на практике влияют на возможность посещения заключенного в определенном исправительном учреждении» (пункт 92 постановления).

Суд установил, что «[п]ункт 1 статьи 73 УИК РФ⁴³... устанавливает общее правило географического распределения заключенных в Российской Федерации («общее правило распределения»), в соответствии с которым заключенные должны отбывать наказание в исправительных учреждениях

---

⁴³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали («регион проживания») или были осуждены («регион осуждения»). То же положение указывает, что в «исключительных случаях» допускаются отступления от общего правила распределения. Оставляя в стороне вопрос о том, какие случаи по смыслу этого положения можно считать исключительными, как несущественный в рамках настоящего дела, Суд отметил, что дух и цель общего правила распределения из статьи 73 УИК РФ состояли в том, чтобы сохранить социальные и семейные связи заключенных с местом, где они проживали до заключения... Таким образом, общее правило распределения совпадает с правилом 17.1 Европейских пенитенциарных правил, и рекомендует, по мере возможностей, определять заключенных в места лишения свободы, которые находятся вблизи места их проживания или социальной реабилитации...а также с принципом исправления» (пункт 94 постановления).

Суд также отметил, что «применение второго пункта статьи 73 УИК в отдельном случае возможно либо тогда, когда в регионе проживания или заключения отсутствует исправительное учреждение соответствующего типа, либо в случае «невозможности» размещения заключенного в соответствующем исправительном учреждении в пределах региона проживания или региона осуждения... Национальное законодательство не уточняет ни в УИК РФ, ни в Инструкции по распределению заключенных, в каких случаях может возникать такая «невозможность»... Таким образом, определение наличия такой «невозможности» в значительной степени зависит от решения исполнительной власти, а именно от ФСИН России⁴⁴, что ограничивает возможность заключенного и его или ее родных предвидеть, будет ли на этом основании сделано отступление от общего правила распределения... С другой стороны, четвертый пункт статьи 73 УИК РФ предусматривает автоматическое исключение из общего правила распределения для определенной категории заключенных, которое позволяет ФСИН России самостоятельно определять лицо, принадлежащее к такой категории, в учреждение, расположенное в любой области России, не привязываясь к региону его (ее) проживания или заключения... Ничто в национальном законодательстве не позволяет этому лицу или его родным предвидеть, каким образом будет применен пункт 4 статьи 73 УИК РФ... Таким образом, можно сделать вывод, что вне зависимости от различий между двумя основаниями отступить от общего правила распределения, пункты 2 и 4 статьи 73 УИК РФ наделяют ФСИН России обширными дискреционными полномочиями» (пункты 96–98 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «сфера действия таких дискреционных полномочий недостаточно четко определена и не предоставляет лицу надлежащей защиты от произвольного

---

⁴⁴ Федеральная служба исполнения наказаний России.

вмешательства... Суд не находит каких-либо механизмов гарантий, которые бы могли послужить противовесом для обширных дискреционных полномочий ФСИН России в сфере распределения заключенных, или каких-либо механизмов соизмерения конкурирующих личных и общественных интересов, и не может оценить, насколько пропорционально ограничиваются соответствующие права заинтересованных лиц. Ни пункты 2 и 4 статьи 73 УИК РФ, ни Инструкция по распределению заключенных не предусматривают даже простейшей и неформальной процедуры консультаций с заинтересованным лицом... Ничто в материалах, предоставленных Суду, не указывает на то, что ФСИН России когда-либо консультировалась с кем-либо из заключенных или их родными в процессе принятия решения об их распределении. В связи с этим Суд отметил, что правило 17.3 Европейских пенитенциарных правил указывает, что, по мере возможности, с заключенными следует консультироваться по поводу их первоначального распределения и по поводу любого дальнейшего перевода из одной тюрьмы в другую» (пункт 99 постановления).

Суд отметил, что «хотя Конвенция не предоставляет осужденным права выбирать место отбывания наказания, а тот факт, что осужденные могут быть отделены от своих семей и отбывать наказание на определенном расстоянии от них, является неизбежным следствием лишения их свободы... [Д]ля того, чтобы обеспечить уважение достоинства, присущего человеческой личности, целью государств должно стать поощрение и поддержание контактов заключенных с внешним миром. Для достижения этой цели национальное законодательство должно предоставить заключенному (или, при необходимости, его (ее) родственникам) реальную возможность выдвигать свои требования до того, как государственные органы власти примут решение о размещении его (ее) в определенное исправительное учреждение, а также убедиться в том, что какие-либо другие их распоряжения соответствуют требованиям статьи 8 Конвенции» (пункт 100 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «[с]уществуют различные способы включения соображений, изложенных в статье 8 Конвенции, в процесс принятия решения, а процедура консультаций является одной из гарантий отсутствия произвола. При этом наибольшее значение имеет то, что прежде, чем принять решение о размещении заключенного в исправительном учреждении, национальные власти проводят индивидуальную оценку его ситуации. Формальная ссылка на, например, соображения безопасности без изучения обстоятельств лица не может заменить такую индивидуальную оценку... [П]ункты 2 и 4 статьи 73 УИК не предоставляют возможности сопоставить конкурирующие личные и общественные интересы и не позволяют оценить пропорциональность ограничения соответствующих прав, изложенных в статье 8, в контексте

распределения заключенных, как исключения из общего правила распределения» (пункт 101 постановления).

В отношении переводов заявителей из одного учреждения в другое Суд отметил, что «[п]ункт 1 статьи 81 УИК РФ устанавливает другое общее правило в области распределения заключенных, согласно которому заключенный должен отбывать весь срок наказания в одном исправительном учреждении («правило длительного содержания под стражей»). Исключения из правила длительного содержания под стражей перечислены в пункте 2 статьи 81 УИК... Это правило применяется независимо от того, был ли заключенный изначально размещен в определенном учреждении в соответствии с общим правилом распределения, или в порядке исключения из него, как это указано во втором и четвертом пунктах статьи 73 УИК РФ... [С]оображения, касающиеся возможности заключенного поддерживать семейные и социальные связи во время тюремного заключения, прямо не указаны в числе этих исключений» (пункты 104-105 постановления).

Суд установил, что «ФСИН России предпочла по-иному толковать пункт 2 статьи 81 УИК РФ, отклонив соответствующие просьбы заявителей о переводе. Ответы ФСИН России на жалобы [заявителей] показывают, что исполнительные власти не сочли личные ситуации заключенных и их заинтересованность в поддержании семейных связей достаточным основанием для их перевода в другое исправительное учреждение по смыслу второго пункта статьи 81 УИК РФ... [С]татья 81 УИК РФ не предоставила заявителям каких-либо гарантий отсутствия ее произвольного применения ФСИН России вне зависимости от соображений, касающихся их права на уважение семейной жизни» (пункты 106-107 постановления).

В отношении судебного пересмотра решений ФСИН России Суд пришел к выводу, что «в результате истолкования пунктов 2 и 4 статьи 73 УИК РФ, рассмотренных национальными судами в совокупности со статьей 81 УИК РФ, заявители были лишены реальной возможности надлежащего пересмотра своих доводов, связанных с правами, гарантируемыми статьей 8 Конвенции, посредством которых те выступают против дискреционных решений ФСИН РФ, для выявления их пропорциональности законной цели» (пункт 115 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению «об отсутствии в Российском законодательстве требования, обязывающего ФСИН России рассматривать перед отступлением от общего правила распределения возможные последствия географического расположения исправительных учреждений на семейную жизнь заключенных и на их родных, о непредоставлении реальной возможности перевода заключенного в другое место заключения на основаниях, относящихся к праву уважения семейной жизни, а также о невозможности для лица добиться судебного пересмотра решения ФСИН России в части пропорциональности его или ее

заинтересованности в поддержании семейных и общественных связей... [В]нутригосударственная правовая система не предоставила надлежащей правовой защиты от возможных злоупотреблений в аспекте географического распределения заключенных. Заявители были лишены минимального уровня защиты, на которую имели право согласно верховенству права в демократическом обществе... Соответственно...пунктами 2,4 и 81 статьи 73 УИК РФ требование «качества права» не удовлетворяется. Из этого следует, что вмешательство в права заявителей на уважение личной жизни осуществлялось не «в соответствии с законом» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении каждого заявителя» (пункты 116-118).

Один из заявителей также подал жалобу по пункту 1 статьи 6 Конвенции о том, что в ходе судебных разбирательств национальные суды двух уровней юрисдикции рассмотрели его жалобу о действиях ФСИН России в его отсутствие.

Европейский Суд отметил, что «при отклонении...районным судом... требования [заявителя] явиться на заседание, данный суд посчитал достаточным отметить, что истец отбывал наказание в виде лишения свободы... [Н]ациональные суды не предоставили конкретного обоснования относительно того, почему отсутствие стороны на слушании не нанесет ущерба справедливости разбирательства в целом, а также не изучили все доводы «за» и «против» проведения слушаний в отсутствие одной из сторон, таким образом опираясь на конкретные мотивы «за» и «против» присутствия стороны по делу, истолкованные с учетом требований Конвенции и всех относимых факторов, таких как характер спора и затронутые гражданские права... [заявитель] сможет обосновать свои исковые требования и ответить на вопросы судей, при наличии таковых, только при условии личного появления в суде для свидетельствования... При этом национальными судами не были рассмотрены процессуальные меры для обеспечения его эффективного участия в судебном разбирательстве...[В] результате ненадлежащей оценки характера гражданских исков [заявителя] в целях определения было ли необходимо его присутствие, и... не рассмотрев надлежащие процессуальные меры, позволяющие ему быть услышанным, национальные суды лишили [заявителя] возможности эффективного представления своего дела и не выполнили своего обязательства по обеспечению уважения к принципу справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Соответственно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 129–131).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Право на справедливое судебное разбирательство

См. вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 59297/09 и 4 другие жалобы «*Поломкин и другие против России*» (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), и № 35090/09, 35845/11, 45694/13 и 59747/14 «*Полякова и другие против России*» (вступило в силу 3 июля 2017 г.) и № 5122/10 и 4 другие жалобы «*Багнов и другие против России*» (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), которыми было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением участия лишенных свободы заявителей в судебных заседаниях по гражданским (административным) делам.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: *Жаслан Сулейменов против Казахстана*. Сообщение № 2146/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 21 марта 2017 г.

Тема сообщения: пытки и неправомерное обращение с автором в условиях содержания под стражей.

Вопросы существа: пытки – оперативное и беспристрастное расследование; свобода мысли, совести или религии; условия содержания под стражей.

Правовые позиции Комитета: уголовное расследование и последующее судебное преследование являются необходимыми средствами правовой защиты от нарушений прав человека, защищаемых статьей 7 Пакта⁴⁵ (пункт 8.3 Соображения).

Комитет отмечает, что на государство-участник возложено обязательство соблюдать определенные минимальные стандарты обращения с заключенными, включая оказание медицинской помощи и обеспечение ухода за больным заключенным, что предусмотрено правилом 24 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделлы). Из представленной автором информации очевидно, что следственные изоляторы, тюрьмы и медицинские пункты, где автор содержался после суда, не приспособлены к нуждам инвалида, который может передвигаться только в инвалидной коляске (пункт 8.7 Соображения).

---

⁴⁵ См. Замечания общего порядка Комитета № 20 (1992 год) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14, и № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 18.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения автора о том, что он неоднократно подвергался пыткам и иным видам жестокого обращения. Комитет отмечает, что автор сообщал о применении пыток как в ходе своего первого официального допроса, состоявшегося 7 февраля 2009 г., так и в течение всего судебного разбирательства. Комитет отмечает..., что автор и его тетя представили в прокуратуру и суды конкретные доказательства пыток, примененных к автору сотрудниками правоохранительных органов, в частности повреждения ног, однако по его утверждениям о пытках так и не было проведено надлежащего расследования. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете неспособности государства-участника объяснить многочисленные случаи предполагаемого неправомерного обращения утверждения автора следует считать достаточно вескими (пункт 8.2 Соображения).

Комитет подчеркивает два эпизода из многочисленных утверждений автора. Во-первых, автор жаловался на пытки, якобы примененные в ходе его первоначального допроса 7 февраля 2009 г., с тем чтобы заставить его признать свою вину. Комитет отмечает утверждения автора о том, что его избивали и не разрешали пользоваться инвалидной коляской. Автор заявляет, что он немедленно подал соответствующую жалобу. Согласно копиям ответов властей от 20 марта 2009 г.⁴⁶, они просто отклонили утверждения автора, не представив никаких разъяснений и не проведя официального расследования. 10 апреля 2009 г. прокуратура направила аналогичное письмо, вновь без объяснений отклонив утверждения автора⁴⁷. Кроме того, 23 апреля 2009 г. ходатайство автора о расследовании утверждений о применении пыток было отклонено следственным управлением Комитета национальной безопасности также без сообщения какой-либо информации или разъяснения причин отклонения. Наконец, просьба автора расследовать утверждения о применении пыток была отклонена следственным управлением Комитета по городу Астане в письме от 20 ноября 2009 г. (пункт 8.3 Соображения).

Во-вторых, как признало государство-участник, ряд жалоб автора, например представления от 25 сентября 2009 г. и 21 октября 2009 г., были переданы в суд для рассмотрения его утверждений... [В] случае подачи жалобы на неправомерное обращение, противоречащее статье 7 [Пакта], государство должно провести оперативное и беспристрастное расследование. Однако вместо того, чтобы провести оперативное и беспристрастное расследование по заявлениям автора о применении пыток, суд просто допросил одного из следователей, который отрицал

---

⁴⁶ Письмо от Департамента Комитета национальной безопасности по городу Астане.

⁴⁷ Письмо заместителя прокурора города Астаны.

совершение каких-либо противоправных действий в отношении автора. Комитет отмечает, что материалы дела не позволяют ему сделать вывод о том, что по утверждениям о применении пыток было проведено оперативное и беспристрастное расследование, несмотря на ряд достоверных жалоб со стороны самого автора и его тети. В отсутствие любой другой актуальной информации и с учетом обстоятельств данного дела Комитет делает вывод о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в статье 7 Пакта, рассматриваемой отдельно в совокупности с пунктом 3 статьи 2 [Пакта] (пункт 8.4 Соображения).

Государство-участник оспорило утверждения [автора]⁴⁸, заявив, что автор получал медико-санитарное обслуживание, когда оно ему было необходимо, и что следственные изоляторы и тюрьмы располагают необходимым персоналом, оборудованием и помещениями, отвечающими потребностям инвалидов. Протоколы свидетельствуют о том, что из-за своей инвалидности автор нуждается в специальном медицинском уходе. Кроме того, автор нуждался в помощи, чтобы сходить в туалет и принять душ, а также лечения его давних проблем со здоровьем, таких как постоянные пролежни (пункт 8.6 Соображения).

Комитет отмечает далее заявления автора о том, что его оставляли в камере одного, при этом он не имел возможности чем-либо заниматься, что привело к образованию на его теле многочисленных пролежней. Автор не мог передвигаться самостоятельно, и ему не оказывалась постоянная помощь даже для удовлетворения самых базовых потребностей. Комитет отмечает далее, что, несмотря на несколько осмотров врачами-специалистами пенитенциарной системы, он не получал лечения, соответствующего состоянию его здоровья, и что он продолжал страдать от отсутствия необходимого ему специализированного медико-санитарного обслуживания и медикаментов. На основании представленной ему информации Комитет делает вывод о том, что помещение автора в подобные условия представляет собой нарушение его права на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности, закрепленное в пункте 1 статьи 10 Пакта⁴⁹ (пункт 8.7 Соображения).

---

⁴⁸ Автор ссылаясь на отсутствие в условиях заключения надлежащей медицинской помощи к нарушению его прав, закрепленных в пункте 1 статьи 10 Пакта. Также автор жаловался, что здание суда, следственные изоляторы и тюрьмы не оборудованы для обеспечения доступности для инвалидов и что ему неоднократно отказывали в медицинской помощи.

⁴⁹ См., например, сообщения № 695/1993, *Симпсон против Ямайки*, Соображения, принятые 31 октября 2001 г., пункт 7.2; № 590/1994, *Беннет против Ямайки*, Соображения, принятые 25 марта 1999 г., пункты 10.7–10.8; № 704/1996, *Шоу против*

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в статье 7, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2, и пункте 1 статьи 10 Пакта (пункт 9 Соображения).

Сообщение: *Алимжон Сайдаров, Аваз Давудов, Эркин Василов и Хикматилло Эрбабаев против Кыргызстана.* Сообщение № 2359/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 17 марта 2017 г.

Тема сообщения: произвольное задержание; пытки.

Вопросы существа: пытки – оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест – задержание; дискриминация по признаку национального, этнического или социального происхождения; справедливое судебное разбирательство – юридическая помощь.

Правовые позиции Комитета: после подачи жалобы в отношении неправильного обращения в нарушение статьи 7 государство-участник должно безотлагательно и беспристрастно расследовать эту жалобу⁵⁰ (пункт 7.2 Соображения).

Комитет напоминает свое [3]замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, в котором он указывает, что арест по смыслу статьи 9 не обязательно предполагает официальный арест, как это определяется согласно внутреннему законодательству (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: согласно утверждениям авторов их родственники подали жалобы в национальные органы, в которых заявляли о пытках и других формах жестокого обращения. Помимо этого, г-н Эрбабаев в ходе судебного заседания пожаловался на то, что сотрудники Службы национальной безопасности его пытали, и это заявление четко зафиксировано в протоколе судебного заседания. Несмотря на эти жалобы, ни суды, ни соответствующие местные органы власти, включая прокуратуру, не провели безотлагательное и беспристрастное расследование. Помимо этого, государство-участник в своих замечаниях также оставило без внимания жалобы и утверждения, изложенные авторами в их сообщении. В этих обстоятельствах должное значение должно придаваться утверждениям авторов (пункт 7.2 Соображения).

Комитет...принимает во внимание жалобы авторов по пункту 1 статьи 9 Пакта на то, что сотрудники Службы национальной

Ямайки, Соображения, принятые 2 апреля 1998 г., пункт 7.1; и № 734/1997, *Маклеод против Ямайки*, Соображения, принятые 31 марта 1998 г., пункт 6.4.

⁵⁰ См. Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

безопасности их произвольно задерживали без первоначальной регистрации их задержания и сначала опрашивали в качестве свидетелей. Авторы также утверждают, что их первоначальное задержание носило произвольный характер и что их следовало освободить до суда... В отсутствие каких-либо соответствующих разъяснений со стороны государства-участника по поводу утверждений авторов о произвольном задержании Комитет считает, что права авторов по пункту 1 статьи 9 Пакта были нарушены (пункт 7.3 Соображения).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав авторов по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 и пунктом 1 статьи 9 Пакта (пункт 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 22495/08 *«Мукаев против России»* (вынесено 14 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с *Мукаевым А.М.* и необеспечением эффективного расследования по данному факту.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции - в связи с необеспечением справедливости судопроизводства по уголовному делу заявителя.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов и что в отношении его жалобы не было проведено надлежащего расследования.

Европейский Суд напомнил, что «в случае, если события по делу полностью или по большей части находятся в сфере исключительной осведомленности органов власти, как в случаях нахождения лиц под стражей под их контролем, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении телесных повреждений, которые возникают в период нахождения под стражей. В указанном случае Власти несут бремя доказывания по предоставлению убедительных и достаточных пояснений и доказательств, способных поставить под сомнение ту версию событий, которая была изложена жертвой. В случае отсутствия такого объяснения Суд может сделать неблагоприятные выводы в отношении Властей. Подобный подход обусловлен особо уязвимым положением лиц, находящихся в заключении, и возложенной на органы государственной власти обязанностью по их защите» (пункт 66 постановления).

Суд установил нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в связи с тем, что «акты насилия, которым заявитель неоднократно подвергался в период содержания под стражей в милиции и

которые преследовали цель получения его признания, представляли собой пытки» (пункты 70-71 постановления).

В отношении расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, Европейский Суд отметил, что «в контексте российской правовой системы в случаях достоверных утверждений об обращении, запрещенном в соответствии со статьей 3 Конвенции, органы власти обязаны возбуждать уголовное дело и проводить надлежащее уголовное расследование, в ходе которого проводится ряд следственных мероприятий и которое является эффективным средством правовой защиты для потерпевших, подвергшихся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, в соответствии с национальным законодательством. Сам факт отказа следственного органа от возбуждения уголовного расследования в отношении заслуживающих доверия заявлений о серьезном жестоком обращении со стороны сотрудников милиции при содержании под стражей свидетельствует о том, что государство не выполняет свое обязательство по статье 3 Конвенции о проведении надлежащего расследования» (пункт 74 постановления).

Суд подчеркнул, что «[с]ледственный орган провел предварительную проверку и решил, что в действиях сотрудников милиции отсутствуют признаки состава преступления. На этом основании он отказался проводить уголовное расследование. В общей сложности было вынесено шесть таких решений. Решения неоднократно отменялись контролирующими органами как необоснованные, незаконные или основанные на данных незавершенной проверки. Эти органы власти неоднократно отмечали, что следователи, ответственные за рассмотрение жалобы заявителя, не соблюдали свои ранее выданные инструкции. Это было подтверждено выводом национального суда о том, что следователи не приняли всех мер, необходимых для установления соответствующих фактов» (пункт 75 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «отказ в возбуждении уголовного дела в отношении заслуживающих доверия утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции представлял собой нарушение обязательства о проведении надлежащего расследования, как того требует статья 3 Конвенции... Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте» (пункты 76-77 постановления).

Заявитель также жаловался на несправедливость уголовного судопроизводства в отношении него по статье 6 Конвенции. В частности, он утверждал, что национальные суды полагались на признание, которое он сделал исключительно под принуждением, и что он был лишен права на защиту посредством получения правовой помощи по собственному выбору.

Европейский Суд подчеркнул, что «[о]собые соображения касаются использования в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных

в нарушение статьи 3 Конвенции. Использование таких доказательств, обеспеченных в результате нарушения одного из основных и абсолютных прав, гарантированных Конвенцией, всегда поднимает серьезные вопросы о справедливости разбирательства, даже если признание таких доказательств не имеет решающего значения для обеспечения признания вины» (пункт 84 постановления).

Суд установил, что «самоизобличительные показания, данные заявителем после его задержания и помещения под стражу в милиции, составляли часть доказательств, выдвинутых против него. Суд первой инстанции и апелляционный суд не сочли эти показания неприемлемыми и ссылались на них при признании заявителя виновным и его осуждении» (пункт 86 постановления).

Европейский Суд заключил, что «независимо от влияния показаний заявителя, полученных под пыткой, на исход уголовного разбирательства в отношении него, такие доказательства сделали уголовное разбирательство несправедливым. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 88 постановления).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

См. вышеприведенное Соображения Комитета по правам человека по делу *Алимжон Сайдаров, Аваз Давудов, Эркин Василев и Хикматилло Эрбабаев против Кыргызстана*. Сообщение № 2359/2014. Приняты 17 марта 2017 г.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 35878/08 «**Панов против России**» (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с нерассмотрением судом жалобы заявителя на постановление о заключении под стражу.

Заявитель жаловался на нерассмотрение его кассационной жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей от 16 октября 2007 г.

Европейский Суд принял к сведению довод Властей о том, что «22 октября 2007 года городской суд рассмотрел одновременно кассационные жалобы заявителя на оба постановления о продлении срока содержания под стражей, от 6 сентября и от 16 октября 2007 года... [В] своем постановлении от 22 октября 2007 года городской суд не ссылается отдельно на постановление о продлении срока содержания под стражей от 16 октября 2007 года, ссылаясь исключительно, в том числе в резолютивной части решения, на постановление о продлении срока

содержания под стражей от 6 сентября 2007 года. Кроме того, в своем письме от 22 августа 2008 года городской суд признал ошибку и уведомил заявителя, что его кассационная жалоба в отношении постановления о продлении срока содержания под стражей от 16 октября 2007 года была потеряна и что в районный суд поступило требование о проведении необходимых процедурных действий для обеспечения рассмотрения его жалобы. Однако дальнейшей информации о результате этого производства предоставлено не было...[К]ассационная жалоба заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей от 16 октября 2007 года не была рассмотрена национальными судами» (пункты 16–17 постановления).

Европейский Суд заключил, что «если внутригосударственное законодательство предусматривает систему пересмотра в порядке кассации, кассационный суд должен также соблюдать требования пункта 4 статьи 5 Конвенции... Таким образом... нерассмотрение органами власти кассационной жалобы заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей от 16 октября 2007 года лишило заявителя права на пересмотр законности его содержания под стражей и являлось нарушением пункта 4 статьи 5 Конвенции» (пункт 19 постановления).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 22495/08 «*Мукаев против России*» (вынесено 14 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.) и № 4998/08 и 4 другие жалобы «*Потехин и другие против России*» (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.